М. КОРОЛЬКОВЪ.

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВОЕННАГО ЮРИСТА

ИЗДАНІЕ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ
С. Ѳ. ФИЛОНОВА
Новый Садъ. С. Х. С.
1929

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/grimasyzhizniizv00880

М. КОРОЛЬКОВЪ.

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВОЕННАГО ЮРИСТА

ИЗДАНІЕ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ
С. Ѳ. ФИЛОНОВА
НОВЫЙ САДЪ С. Х. С.
1929

Всѣ права сохраняются за авторомъ.
Tous droits réservés par l'auteur.
Alle Rechte vorbehalten.
Copyright by the author.

Рукопись этой книги передана 1-го декабря 1928 года на храненіе въ Хуверовскую Библіотеку Войны при Стэнфордскомъ Университетѣ въ Калифорніи (С.-А. С. Ш.)

Каждый, кто хочетъ серьезно изучить жизнь, долженъ взять для себя матеріаломъ не только данныя положительнаго характера, но и явленія отрицательныя, которыя представляютъ собою, такъ сказать, патологическую сторону общественнаго организма. Отрицательныя явленія жизни, при серьезной и вдумчивой ихъ оцѣнкѣ, помимо зафиксированія ихъ, какъ фактовъ, могутъ привести къ выясненію такихъ коренныхъ недочетовъ и неправильностей въ самыхъ основахъ строенія жизни, которыя безъ этого могли бы остаться неосознанными, но которыя сами собой опредѣляютъ невозможность дальнѣйшаго нормальнаго развитія жизни, — а разъ замѣчены и осознаны эти недочеты и неправильности, то уже легче найти и вѣрный путь къ ихъ исправленію. Вотъ почему наблюденіе и изученіе судебныхъ процессовъ, касающихся преступленій, — т. е. рѣзкихъ эксцессовъ личности противъ установленнаго правовыми нормами и жизнью порядка, — всегда интересно и поучительно. Напрасно думаютъ, что въ этомъ отношеніи интересны только т. наз. „громкіе“ процессы, т. е. процессы о какомъ-нибудь сенсаціонномъ убійствѣ, грандіозномъ, дерзкомъ хищеніи, процессы съ аристократическими именами участниковъ, — такіе процессы являются всегда исключительными и, какъ исключенія, не даютъ увѣренности въ цѣнности выводовъ изъ нихъ. Серьезнѣе и значительнѣе могутъ часто оказаться именно процессы о дѣлахъ повседневнаго, некричащаго характера, рисующіе печальную жизненную

обыденщину, мимо которой часто проходитъ поверхностный взглядъ наблюдателя, но которая указываетъ на глубокіе процессы ненормальности, прочно укрѣпившіеся въ жизни и незамѣтно, но неуклонно и вѣрно, подтачивающіе здоровое, нормальное ея развитіе. Каждый, кто внимательно прослѣдитъ и продумаетъ нѣсколько судебныхъ процессовъ, увидитъ, что въ нихъ скрываются такія болѣзненныя явленія жизни, надъ которыми очень и очень слѣдуетъ призадуматься, — и тогда судебный процессъ явится не только новымъ раздражающимъ, по своей новизнѣ, впечатлѣніемъ, но и источникомъ глубокой и серьезной мысли.

Но особенно большой и поучительный матеріалъ могутъ собрать юристы, посвятившіе себя служенію судебному дѣлу. На массѣ судебныхъ дѣлъ, проходящихъ передъ ними, они видятъ жизнь во всемъ разнообразіи ея положительныхъ и отрицательныхъ явленій, они видятъ всѣ эти гримасы жизни, и если собрать этотъ многогранный опытъ юристовъ и подвергнуть его серьезной разработкѣ и оцѣнкѣ, то, въ результатѣ, по даннымъ этого матеріала, можетъ быть поставленъ глубокій и вѣрный діагнозъ болѣзней жизни и указаны и способы леченія этихъ болѣзней. Въ это дѣло діагноза болѣзней жизни я и хочу вложить свой трудъ, какъ сводку наблюденій изъ моей военно-судебной практики.

Воспоминанія мои, въ главномъ, относятся къ довольно уже отдаленному прошлому, къ 1902-1911 гг., захватывая, такимъ образомъ, частью мирное время, частью періодъ Русско-Японской войны и революціонный періодъ 1905-1906 гг. съ его ликвидаціей. „Но“, могутъ мнѣ сказать, „вѣдь это все такъ давно было, съ тѣхъ поръ такъ все въ Россіи перемѣнилось, что поучительнаго можетъ дать воспоминаніе о такомъ далекомъ прошломъ?“. Другіе, можетъ быть, скажутъ: „развѣ имѣютъ какой-нибудь общій интересъ воспоминанія о такой ограниченной сферѣ дѣятельности, какъ военно-судебная?“. На это я отвѣчу: Во 1-хъ, въ томъ, что было прежде, всегда есть много поучительнаго, — вѣдь и вся послѣдняя революція не возникла сразу въ 1917 году, а имѣетъ далекіе корни въ прошломъ, которые нужно знать, чтобы правильно оцѣнить и настоящее;

да и не ошибаются-ли тѣ, кто думаютъ, что человѣкъ и его душевныя движенія, общество и двигающія имъ пружины такъ скоро мѣняются? вѣдь и революція въ самыхъ отрицательныхъ и безобразныхъ ея проявленіяхъ, въ сущности, только обострила, обнажила и довела до крайности то, что было темнаго и жестокаго въ человѣческой природѣ. А въ 2-хъ, сфера военно-судебной дѣятельности не была уже такъ ограничена, какъ представляется многимъ. Хотя она въ мирное время и касалась, главнымъ образомъ, обыденныхъ преступленій военно-служащихъ, но тѣмъ самымъ она входила въ ближайшее соприкосновеніе со всей жизнью арміи, отражающей въ себѣ ту-же широкую народную массу лишь въ особыхъ условіяхъ существованія, арміи, представляющей собою, конечно, громадный интересъ въ виду ея роли въ общемъ строѣ государственной жизни. Въ эпоху Русско-Японской войны и въ революціонный періодъ 1905-1906 гг. и въ послѣдующее за нимъ время военно-судебная дѣятельность значительно расширилась: за время войны военно-судебныя учрежденія стали лицомъ къ лицу съ различными слоями призваннаго по мобилизаціи въ армію гражданскаго населенія съ характерными взглядами, интересами и настроеніями того времени, а въ революціонный періодъ военные суды по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, — объ убійствахъ, разбояхъ, политическихъ движеніяхъ и революціонныхъ выступленіяхъ, — съ силу исключительныхъ положеній, — замѣнили собой суды гражданскаго вѣдомства, и, такимъ образомъ, практика военныхъ судовъ охватила собою всѣ наиболѣе серьезные эксцессы взбурлившей народной массы. Такимъ образомъ, военно-судебное вѣдомство имѣло передъ собой за то время матеріалъ большой и интересный, и, конечно, еще мало кому извѣстный.

Но есть и еще причина, по которой мнѣ хочется подѣлиться своими воспоминаніями: наблюденія мои по прошедшимъ за то время судебнымъ дѣламъ дали, естественно, извѣстный опытъ и въ самой техникѣ судебнаго процесса. Жаль этотъ опытъ оставить неиспользованнымъ. Вѣдь пройдетъ-же кровавый кошмаръ настоящаго безправія, возродится Россія, возродится въ ней правовая жизнь, начнутъ снова въ ней дѣйствовать судебныя

учрежденія на исконныхъ началахъ права и справедливости, — но уже и сейчасъ многіе изъ стараго поколѣнія юристовъ ушли изъ жизни, уйдутъ, быть можетъ, и еще нѣкоторые, къ дѣлу придутъ новыя лица, придетъ молодежь, — не сомнѣваюсь, съ идейнымъ стремленіемъ служить правосудію, — но безъ опыта. Такъ имѣемъ-ли мы право унести съ собою свой опытъ, не подѣлиться имъ съ грядущимъ поколѣніемъ судебныхъ дѣятелей, оставить ихъ самихъ искать себѣ пути въ сложной и отвѣтственной ихъ работѣ по служенію правосудію? Я считаю, что мы обязаны свой опытъ передать своимъ, такъ сказать, духовнымъ наслѣдникамъ. Въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ одинаково цѣннымъ опытъ и военныхъ юристовъ и судебныхъ дѣятелей гражданскаго вѣдомства, — вѣдь всѣ юристы, и гражданскіе и военные, воспитывались на общихъ началахъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, всѣ одинаково направляли свою дѣятельность на служеніе правдѣ и справедливости, всѣ дѣйствовали по одинаковымъ принципамъ и пріемамъ въ дѣлѣ отысканія истины.

Обо всемъ, что касается меня лично, я буду писать совершенно откровенно. Тѣхъ, имена которыхъ, по какимъ-либо причинамъ, нежелательно приводить полностью, я буду называть сокращенно. Одно еще хочу сказать: все, о чемъ здѣсь буду писать — правда, здѣсь нѣтъ фантазіи.

1928 г.
Загребъ

I

Всѣ мы, военные юристы, питомцы Александровской Военно-Юридической Академіи. Слушателями академіи принимались лишь офицеры, прослужившіе передъ тѣмъ въ строю не менѣе 4 лѣтъ, — обусловливалось это тѣмъ, что для предстоящей дальнѣйшей дѣятельности военные юристы должны быть достаточно знакомы съ бытомъ арміи. Ежегодный пріемъ въ академію былъ ограниченный, 15-17 человѣкъ, и производился на основаніи двойного испытанія: сначала — экзамены при Штабахъ Округовъ, а затѣмъ, для выдержавшихъ эти экзамены, конкурсный экзаменъ при академіи, естественно, въ силу ограниченности вакансій, съ очень строгой нормой: въ 1899 году, когда я поступилъ въ академію, были по конкурсу приняты лишь лица, получившія въ среднемъ 10,17. Офицеры, принятые въ академію, продолжали считаться въ спискахъ своихъ частей, въ постоянной командировкѣ, подчиняясь уже исключительно Начальнику академіи. Курсъ въ академіи — трехлѣтній; первые два года были посвящены обще-юридическимъ наукамъ, по курсу юридическаго факультета университета (кромѣ римскаго права, торговаго права и статистики, но съ добавленіемъ, какъ обязательныхъ предметовъ, психологіи, анатоміи и физіологіи и судебной медицины), а третій — спеціально военно-юридическимъ. Профессоровъ академія имѣла возможность приглашать изъ Петербургскаго университета и Лицея, и имена ихъ — Проф. Гольмстенъ (гражданское право), Дерюжинскій (гражданскій процессъ), Гриммъ (энциклопедія права),

Ивановскій (государственное право), Гессенъ (полицейское право), Яроцкій (политическая экономія и финансовое право), Случевскій (уголовный процессъ), Косоротовъ (судебная медицина), — говорятъ сами за себя. На третьемъ курсѣ постановка преподаванія была особая: первая половина года — теоретическая подготовка — лекціи по военно-уголовному праву (Проф. Кузьминъ-Караваевъ), по военно-уголовному процессу, по военно-уголовному законодательству иностранныхъ государствъ (Проф. Шендзиковскій), — а во вторую половину года практическія занятія по военно-уголовному судопроизводству и разборъ сочиненій, которыя долженъ былъ представить каждый изъ слушателей третьяго курса по одному изъ главныхъ предметовъ курса. Условія для окончанія академіи по І-му разряду, дающія право службы по военно-судебному вѣдомству, были серьезныя: надо было имѣть не менѣе 10 по каждому изъ главныхъ предметовъ и не менѣе 9 по каждому изъ второстепенныхъ; хотя-бы одна отмѣтка 8 по какому-либо второстепенному предмету на одномъ изъ экзаменовъ за всѣ три года уже лишала права окончанія по первому разряду. Такая серьезность требованій была и понятна: это былъ, въ сущности, тотъ-же конкурсъ въ виду ограниченности штатныхъ вакансій по военно-судебному вѣдомству; въ то время во всѣхъ военно-окружныхъ судахъ было всего около 300 военныхъ юристовъ. Окончившіе по ІІ-му разряду въ исключительныхъ случаяхъ также могли быть принимаемы въ военно-судебное вѣдомство, но и помимо этого все-же получали права окончившихъ юридическій факультетъ университета и могли идти на службу въ учрежденія гражданскаго судебнаго вѣдомства, въ адвокатуру и т. д.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія вспоминаю я проведенное въ академіи время. Съ особымъ чувствомъ уваженія и признательности вспоминаю всегда Начальника академіи Генералъ-Лейтенанта Флорентія Николаевича Платонова: глубоко интеллигентный, всегда ровный и неизмѣнно доброжелательный ко всѣмъ, онъ давалъ собою общее направленіе всему строю академіи. Три года пребыванія въ академіи оставили впечатлѣніе исключительно интеллигентно и идейно прожитого времени.

Теоретическую подготовку академія давала намъ серьезную, готовность къ идейному служенію въ арміи дѣлу правосудія была у насъ самая искренняя, всѣ мы, не только слушатели одного выпуска, но и слушатели другихъ курсовъ, которые заставали другъ друга въ академіи, очень близко стояли другъ къ другу, и эта общность идей и интересовъ связывала всѣхъ насъ, разошедшихся затѣмъ по великому пространству Россіи.

По установленному порядку, окончившіе академію прикомандировывались на одинъ годъ къ различнымъ военно-окружнымъ судамъ; затѣмъ, если этотъ служебный стажъ давалъ положительные результаты, прикомандированные переводились въ военно-судебное вѣдомство „кандидатами на военно-судебныя должности"; по отбытіи этого стажа, въ общемъ порядкѣ служебнаго повышенія, черезъ извѣстное число лѣтъ, шли назначенія на должности помощниковъ военныхъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей, — а затѣмъ уже, для прошедшихъ всѣ эти должности, приблизительно черезъ 15 лѣтъ пребыванія въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, получалось назначеніе военными судьями, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, и, въ сущности, на этомъ, въ общемъ правилѣ, и заканчивалась карьера большинства чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, ибо послѣдующія затѣмъ должности прокуроровъ и предсѣдателей судовъ, — по одному на судъ, — были слишкомъ малочисленны, чтобы каждый военный судья могъ безусловно на нихъ разсчитывать. Этотъ порядокъ службы уже опредѣленно указывалъ, что военно-судебное вѣдомство большой карьеры не обѣщаетъ, и это отсутствіе карьерныхъ соображеній придавало особо-симпатичный характеръ службѣ въ вѣдомствѣ; да и въ денежномъ отношеніи служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ не удовлетворила-бы лицъ, стремящихся къ матеріальнымъ благамъ. Но, взамѣнъ этого, служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ давала громадныя преимущества: прекрасныя взаимныя отношенія и серьезная, идейная, по призванію и убѣжденію, работа.

Я окончилъ академію въ 1902 году и былъ прикомандированъ къ Московскому военно-окружному суду. Въ составѣ суда и военно-прокурорскаго надзора я

засталъ лицъ, уже много и много послужившихъ по военно-судебному вѣдомству. Атмосфера въ судѣ и въ надзорѣ была прекрасная, — чувствовалось, что всѣ здѣсь люди одного образованія, однѣхъ идей; во взаимныхъ отношеніяхъ всегда проявлялась полная доброжелательность; особенно симпатичный колоритъ придавалъ всему военный прокуроръ Генералъ Ивановъ, спокойный, радушный, „старый русскій баринъ" — въ личныхъ отношеніяхъ безукоризненно выдержанный, въ служебныхъ — проявлявшій полное вниманіе и довѣріе къ работѣ каждаго изъ насъ. Однимъ словомъ, обстановка не оставляла желать ничего лучшаго. Надо было только начинать дѣйствительную работу.

Прикомандированные и кандидаты на военно-судебныя должности исполняли общую работу военно-прокурорскаго надзора по разсмотрѣнію поступающихъ въ надзоръ дознаній и предварительныхъ слѣдствій и по составленію по нимъ заключеній и обвинительныхъ актовъ, а въ судебныхъ засѣданіяхъ выступали въ качествѣ защитниковъ какъ въ мѣстѣ нахожденія суда, такъ и въ выѣздныхъ его сессіяхъ. Въ этихъ двухъ формахъ и было мое первое соприкосновеніе съ военно-судебными дѣлами военно-окружнаго суда. Конечно, первое время дѣлъ сложныхъ и отвѣтственныхъ прикомандированные и кандидаты не получали,— ихъ разсматривали помощники военнаго прокурора, — но каждому изъ насъ могла выпасть защита и по очень серьезному дѣлу.

Отлично помню свои первыя впечатлѣнія: какъ-бы ни было по внѣшности незначительно дѣло, — ясно вставало сознаніе нравственной отвѣтственности за него; въ каждомъ дѣлѣ чувствовалась скрытая за нимъ жизнь: за формальными актами дознанія и слѣдствія стояла живая личность обвиняемаго; ясно сознавалась необходимость борьбы съ преступленіями, но и необходимость осторожности и въ опредѣленіи виновности того или другого лица, и въ опредѣленіи характера и размѣра наказанія. Каждый изъ насъ понималъ, что приговоръ суда долженъ быть голосомъ величайшей справедливости, что какъ оправданіе виновнаго нарушаетъ идею правосудія, такъ и осужденіе невиновнаго есть жесто-

чайшій ударъ по правосудію. Каждый понималъ, что и самое незначительное по нашимъ военно-уголовнымъ законамъ наказаніе, — одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, — хотя-бы и на самый малый срокъ (отъ 1 до 4 мѣс.), — не шутка, не игра. Всѣ мы помнили завѣтъ А. Ф. Кони: „обвиняемый — еще не преступникъ, но и преступникъ человѣкъ". Поэтому и понятна постоянная тревога не только въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, но и въ дѣлѣ опредѣленія наказанія, и тревога не только судьи, но и каждаго, кто имѣетъ отношеніе къ рѣшенію судебнаго дѣла.

Общія задачи и общее направленіе работы опредѣлялись совершенно ясно. Военно-судебная дѣятельность имѣетъ задачею борьбу съ преступленіями въ арміи. Дѣятельность по борьбѣ съ преступленіями есть, въ сущности, одна изъ сторонъ общей идейной работы, направленной на созданіе и поддержаніе нормальныхъ, здоровыхъ условій существованія въ той или иной области жизни. Чѣмъ важнѣе та сфера, въ которой проявляется эта идейная работа, тѣмъ выше и благотворнѣе должна быть признана и самая дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ работа по созданію здоровыхъ условій жизни арміи и работа по борьбѣ съ преступленіями въ арміи являются въ высшей степени серьезными по своему значенію. Вѣдь армія одна изъ самыхъ главныхъ частей государственнаго организма, — она служитъ охраненію цѣлости, чести и величія государства. Кромѣ технической стороны, — вооруженія, боевыхъ средствъ, спеціальнаго военнаго обученія, опредѣляющихъ достоинство арміи, какъ боевой силы, — громадное значеніе имѣетъ и моральное состояніе арміи, начала, на которыхъ строится ея бытъ, которыя опредѣляютъ внутреннія отношенія въ арміи, завѣты, которыми армія живетъ. Армія — носительница лучшихъ началъ государственности. Не стало арміи, какъ стройной, идейно-сорганизованной силы, живущей святыми завѣтами, — не стало и величія Россіи. Но и это еще не все: армія — живая часть народа, армія — школа народа. Армія ежегодно вбираетъ въ себя значительное число изъ населенія, держитъ этихъ людей въ своемъ составѣ извѣстное время и потомъ опять отдаетъ ихъ граждан-

скому быту. Вѣдь, въ сущности, болѣе 30% мужского населенія проходитъ черезъ армію*). Приходятъ они въ армію въ возрастѣ, когда только-только, можно считать, начинаетъ серьезно сформировываться человѣкъ, и уходятъ въ гражданскій бытъ, въ общемъ, въ возрастѣ 24-25 лѣтъ, уже въ зрѣломъ вполнѣ возрастѣ. Все, что они добыли до времени призыва, — все они приносятъ съ собой въ армію; все, что имъ дастъ армія за время пребыванія въ ней, — они унесутъ съ собой въ гражданскій бытъ; сумѣетъ армія воспитать въ проходящихъ черезъ нее лицахъ здоровыя государственныя, національныя и общественныя убѣжденія, — съ этими здоровыми убѣжденіями вернутся эти лица въ широкій просторъ гражданской жизни. Армія и жизнь ея поэтому достойны глубокаго вниманія и серьезнаго изученія и серьезной работы надъ нею.

Въ интересахъ этого изученія арміи и работы надъ нею постараюсь систематизировать добытыя моимъ наблюденіемъ и опытомъ данныя, касающіяся, въ основныхъ чертахъ, жизни арміи, преступленій, встрѣчающихся въ ея средѣ, и способовъ и формъ борьбы съ этими преступленіями. Для начала ограничусь только тѣмъ матеріаломъ, который относился къ мирному времени, до начала Русско-Японской войны; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ я вынужденъ буду касаться здѣсь фактовъ и явленій, наблюдавшихся за время этой войны, но все-же лишь такихъ, которые собственно съ военнымъ временемъ не были связаны.

Что, собственно, представляетъ изъ себя армія? Ядро ея составляетъ организующій, воспитывающій аппаратъ, — офицерскій составъ, изъ лицъ, посвятившихъ себя служенію арміи, отдающихъ ей всѣ свои силы и жизнь, — величина, болѣе или менѣе, постоянная. Остальная масса арміи — составъ перемѣнный, —

*) При общемъ ежегодномъ количествѣ 900 тысячъ молодыхъ людей призывного возраста, въ армію ежегодно бралось изъ нихъ 330 тысячъ.

солдаты, приходящіе въ армію изъ населенія на извѣстный срокъ, 3-4 года, и потомъ снова возвращающіеся въ гражданскій бытъ; изъ среды солдатъ нѣкоторые, наиболѣе развитые и прочные въ нравственныхъ основахъ, назначаются унтеръ-офицерами и являются помощниками офицеровъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія остальной солдатской массы; лишь незначительное число этихъ унтеръ-офицеровъ остается, по отбытіи срока обязательной службы, на сверхсрочной службѣ, отдавая себя, такимъ образомъ, на болѣе долгое служеніе арміи. Что-же представляетъ собою ежегодно приходящая въ армію масса населенія? Каждый, конечно, знаетъ тотъ моментъ, когда въ роту, батарею, приходятъ новобранцы; всѣмъ своимъ видомъ они показываютъ, что они пока совершенно чужіе войску. Представляютъ-ли они совершенно сырой матеріалъ, надъ которымъ, какъ надъ невоздѣланной, нетронутой почвой, можетъ работать воспитывающій составъ арміи? — Конечно, нѣтъ! Правда, все это молодежь въ возрастѣ 21 года, духовно еще не совсѣмъ зрѣлая, но уже за эти 21 годъ вобравшая въ себя многое изъ той соціальной среды, въ которой она жила. Въ большинствѣ они крестьяне или городскіе рабочіе, и надо знать обстановку крестьянской и рабочей жизни, чтобы понять, какіе именно слѣды могла оставить эта жизнь на этихъ, призываемыхъ въ армію новобранцахъ; одни жили въ мирной обстановкѣ деревни, духовно срослись съ земледѣльческимъ трудомъ, сами какъ-бы составляютъ часть здоровой природы, — но нѣкоторыхъ изъ нихъ уже коснулись и отрицательныя стороны деревенской жизни, — грубость, разгулъ, пьянство; другіе уже испытали фабричную жизнь съ ея очень нездоровыми впечатлѣніями, испытали соблазны города, испытали борьбу за жизнь въ ея острыхъ формахъ. Хорошо, если у тѣхъ и у другихъ изъ всей массы жизненныхъ впечатлѣній получили перевѣсъ здоровыя начала, создалось извѣстное чистое, идейное отношеніе къ жизни, — но вѣдь нельзя-же отрицать и обратнаго, что нѣкоторыхъ изъ нихъ больше подчинили себѣ отрицательныя воздѣйствія окружающей ихъ среды, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ уже начали прививаться порочныя наклонности,

что въ нихъ уже началъ образовываться извѣстный противовѣсъ принципіальнымъ идейнымъ требованіямъ личной и общественной жизни. И во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе, приходя въ армію, еще полностью живутъ своими прошлыми впечатлѣніями, они еще всѣми своими духовными нитями связаны съ прошлымъ. Идутъ-ли они въ армію съ яркимъ сознаніемъ великой предстоящей имъ задачи, съ готовностью отдать арміи свои силы, ради великой ея идеи? Къ сожалѣнію, нѣтъ: общественная среда слишкомъ мало подготовляетъ молодежь къ пониманію великаго значенія арміи и почти совершенно не воспитываетъ сознанія о необходимости службы въ войскѣ. Воинская повинность разсматривается именно какъ повинность, какъ обязательство, подчасъ непріятное. Подъема, стремленія въ военную службу въ массѣ нѣтъ, развѣ въ исключеніяхъ. Служба для большинства не является заманчивой перспективой. Есть старая солдатская пѣсня, гдѣ солдатская жизнь, и при всей тяжести ея тогда почти безсрочной службы, рисовалась привлекательной:

„Солдатъ пашеньки не пашетъ,
„Косы въ руки не беретъ,“

они, солдаты,

„...пьютъ, ѣдятъ готовое,
„Цвѣтно платье носятъ государево,“

но общему настроенію позднѣйшаго времени скорѣе, повидимому, свойственна другая пѣсня, гдѣ солдатская жизнь представляется тяжелой:

„Намъ постелюшка — мать сыра земля,
„Намъ зголовьице — зло кореньице,
„Одѣялышко — вѣтры буйные,“

или пѣсня, гдѣ солдатъ печалится, что „грозна служба государева“ занесла его на незнакомую сторонушку, а

„На чужой дальней сторонушкѣ
„Ни отца нѣту, ни матери,

„Ни брата, ни родной сестры,
„Ни младой жены, ни дѣтушекъ.
„На чужой дальней сторонушкѣ
„Что ложился я, добрый молодецъ,
„На голыхъ доскахъ, безъ постелюшки,
„Умывался я, добрый молодецъ,
„Что своими горючими слезами."

Тяжелой, иногда прямо мрачной, представляется большинству ожидающая ихъ военная служба, — для однихъ это прекращеніе привольной, свободной, иногда съ нездоровыми приманками, жизни, для другихъ — лишеніе мирнаго семейнаго уюта, и для всѣхъ вообще перспектива извѣстнаго строгаго режима, подчиненія, принудительнаго порядка.

Такимъ образомъ армія изъ гражданскаго быта ежегодно получаетъ на $^1/_3$ - $^1/_4$ своего состава лицъ, совершенно еще чуждыхъ главнымъ задачамъ арміи, лицъ, идущихъ въ армію безъ порыва, безъ желанія, частью даже съ извѣстной враждебностью къ этому, отрывающему ихъ отъ привычныхъ условій, міру, лицъ, въ смыслѣ идейно-государственномъ, почти совершенно невоспитанныхъ, лицъ, всѣми своими помыслами и желаніями связанныхъ съ той средой, въ которой они жили, и, зачастую, впитавшихъ въ себя изъ этой среды иногда узко-эгоистическія, иногда и совершенно нездоровыя начала и стремленія. И если русскій солдатъ въ боевой обстановкѣ поражаетъ міръ стойкостью и геройствомъ, то это должно быть отнесено къ великой чести арміи и ея воспитательнаго состава, сумѣвшаго сдѣлать солдата такимъ, сумѣвшаго использовать всѣ лучшія, глубоко лежащія, свойства русскаго народнаго духа, сумѣвшаго побороть извѣстную пассивность приходящихъ въ армію людей, сумѣвшаго развить въ солдатѣ чувства патріотизма, чести и долга, изъ „обывателя" сдѣлать героя. Каждому понятно, какъ велика и трудна эта задача, и понятно, что выполненіе ея есть результатъ глубокой преданности дѣлу руководителей арміи — офицеровъ.

Постороннему глазу даже трудно охватить всю ту неустанную, кропотливую работу, которая ведется въ

частяхъ войскъ въ направленіи общаго и воинскаго воспитанія солдатъ, — послѣдовательно, шагъ за шагомъ, изъ разрозненныхъ, разбитыхъ, иногда неустойчивыхъ элементовъ гражданскаго быта выковывается прочная идейная сила съ прояснившимися свѣтлыми идейными принципами, до тѣхъ поръ гдѣ-то скрывавшимися и неоформленными, крѣпко спаянная, поднявшаяся надъ себялюбивыми интересами обывательщины, живущая интересами жертвеннаго служенія родинѣ. Сколько любви и неустанной, самоотверженной работы вкладывается въ это дѣло офицерами! Если еще въ молодыхъ годахъ случается, что офицеръ больше занятъ самъ собой, то съ годами службы его привязанность къ дѣлу растетъ, — и развѣ рѣдки случаи, что, напр., для ротнаго командира его рота едва-ли не дороже семьи? Тому-же дѣлу идейнаго воспитанія арміи безукоризненно честно служатъ, въ большинствѣ, и унтеръ-офицеры и при ихъ кратковременномъ пребываніи въ арміи, тому-же дѣлу служатъ и тѣ отдѣльные солдаты, которые яснымъ разумомъ сумѣютъ схватить всю идейную сторону военной службы и которые самымъ своимъ примѣромъ, всею своею личностью, облагораживающе, поднимающе дѣйствуютъ на остальныхъ.

И все-же, — при всей напряженности и идейности воспитанія арміи, — и въ арміи совершаются преступленія. Причина ясна: слишкомъ сложное существо человѣкъ, слишкомъ много въ немъ того, что еще не поддается учету, слишкомъ сложна сама жизнь, да и врядъ-ли вообще возможно сдѣлать условія жизни настолько идеальными, чтобы не было повода для преступленій, чтобы въ душѣ человѣка не шевельнулась иногда преступная мысль и не претворилась-бы въ дѣйствіе. И семья и школа ведутъ воспитаніе дѣтей, однако и онѣ добиться идеальнаго успѣха не могутъ; родители, съ дѣтскихъ лѣтъ ведущіе воспитаніе своего сына, часто могутъ проглядѣть его индивидуальныя особенности и постороннія на него вліянія и иногда бываютъ поражены такими явленіями или фактами, которые совершенно не укладываются въ ихъ представленіе о сынѣ. Насколько-же тяжелѣе отвѣчать за воспитаніе людей, поступающихъ подъ Ваше наблюденіе уже въ

возрастѣ 21 года! Я уже ранѣе говорилъ, какую разнообразную картину даютъ собою приходящіе ежегодно въ войска новобранцы; этотъ матеріалъ иногда и не поддается воспитательному воздѣйствію въ полной мѣрѣ; особенности индивидуальнаго характера того или иного солдата и принесенные имъ изъ своей прошлой жизни взгляды, привычки, а иногда и порочныя наклонности часто остаются скрытыми и отъ самаго наблюдательнаго глаза и затѣмъ лишь, совершенно неожиданно, прорываются въ формѣ того или иного преступленія. Для примѣра приведу одинъ изъ случаевъ своей практики, указывающій, съ какого рода явленіями приходится встрѣчаться въ арміи; разскажу его со всѣми подробностями, такъ какъ только тогда будетъ ясно все его значеніе.

Въ 1903 году, въ выѣздной сессіи военно-окружнаго суда въ Орлѣ мнѣ пришлось защищать солдата Ра-скаго. Обвинялся онъ въ побѣгѣ со службы и въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ дисциплины. По общему отзыву, это былъ очень тяжелый, непріятный, недисциплинированный солдатъ, и, въ сущности, извиненій его преступленіямъ трудно было-бы найти; не сомнѣваюсь, что его ждалъ-бы обвинительный приговоръ. На меня онъ сразу произвелъ впечатлѣніе человѣка очень развитого и очень рѣзкаго. На судебное засѣданіе по этому дѣлу пришелъ, въ качествѣ слушателя, директоръ психіатрической больницы Орловскаго земства въ „Кишкинкѣ“ (9 верстъ отъ Орла) Павелъ Ивановичъ Якобій. Во время одного изъ перерывовъ засѣданія г. Якобій подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Вы знаете-ли, — вѣдь этотъ обвиняемый эпилептикъ; у него малая эпилепсія, проявляющаяся обыкновенно въ ночныхъ припадкахъ, такъ что онъ и самъ ея не замѣчаетъ, но Вы, навѣрное, найдете у него такіе-то физіологическіе признаки.“ Переговоривъ съ помощникомъ военнаго прокурора, я возбудилъ передъ судомъ ходатайство о томъ, чтобы, воспользовавшись нахожденіемъ въ залѣ засѣданія психіатра, произвести судебно-медицинское освидѣтельствованіе обвиняемаго. Судъ удовлетворилъ это ходатайство и тутъ-же др. Якобій произвелъ экспертизу, демонстрируя намъ у Ра-скаго какъ разъ тѣ

физіологическіе признаки эпилепсіи, о которыхъ онъ говорилъ. Судъ постановилъ дѣло слушаніемъ пріостановить и направить обвиняемаго на дальнѣйшее судебно-медицинское освидѣтельствованіе. Путемъ оффиціальныхъ сношеній Ра-скій былъ направленъ на наблюденіе въ „Кишкинку". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ объявленіемъ Русско-Японской войны, я былъ назначенъ и. д. слѣдователя по Орловскому участку и въ самомъ-же началѣ мнѣ пришлось, уже въ качествѣ слѣдователя, продолжать обслѣдованіе по дѣлу о Ра-скомъ именно въ отношеніи его ненормальности. Я долженъ былъ, между прочимъ, путемъ опроса обвиняемаго, собрать всѣ данныя, касающіяся его прошлой жизни, наслѣдственности и т. д. Передъ этимъ я повидался съ др. Якобіемъ, онъ разсказалъ мнѣ о своихъ наблюденіяхъ надъ Ра-скимъ за время пребыванія его въ Кишкинкѣ, подтвердилъ несомнѣнность своего прежняго заключенія объ его ненормальности. Надо сказать, что „Кишкинка" представляла собою исключительно интересное по организаціи учрежденіе, — далѣе опишу ее подробнѣе, — тамъ всѣ душевно-больные находятся на свободѣ, занимается каждый, кто чѣмъ хочетъ и можетъ, — и на такой-же свободѣ находился и Ра-скій. Однако, когда мнѣ пришлось производить опросъ Ра-скаго, онъ уже былъ переведенъ въ городское психіатрическое отдѣленіе, гдѣ больные содержались въ комнатахъ съ рѣшетками. При встрѣчѣ на этомъ допросѣ я сразу замѣтилъ, что Ра-скій раздраженъ и даже на меня, — хотя онъ не могъ-же не сознавать, что я ему никакъ уже зла не желаю, — смотритъ враждебно. Оставшись съ нимъ одинъ въ комнатѣ, я спросилъ его, чего онъ такъ враждебно смотритъ, — онъ сказалъ, что теперь онъ на все взбѣшенъ, именно за то, что его посадили за рѣшетку, — „тамъ (въ Кишкинкѣ) мнѣ вѣрили, не запирали, и я держалъ себя честно, не ушелъ, а теперь заперли, — непремѣнно убѣгу." По-немногу, однако, онъ смягчился и вполнѣ искренно разсказалъ всю свою прошлую жизнь. Онъ съ дѣтства сталъ сиротой, съ 4-хъ лѣтъ его пріютила у себя его бывшая няня, но она сама была бѣдная и о немъ заботиться не могла. Цѣлыми днями онъ былъ на улицѣ, зимой часто за-

бирался въ Москвѣ въ Тургеневскую библіотеку, чтобы согрѣться, и тамъ высиживалъ, сколько было можно, все читалъ. Потомъ попалъ въ компанію воровъ и самъ соблазнился, — и не только соблазнился, но его захватилъ даже задоръ. Тутъ онъ мнѣ разсказалъ о цѣломъ рядѣ своихъ кражъ, но были и разбои. Такъ, разъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ онъ съ компаніей рѣшили обобрать одного богатаго старика; было условлено, что онъ, Ра-скій, и еще другой его товарищъ зайдутъ въ домъ, а на случай, если-бы этотъ старикъ бросился къ окошку звать на помощь, снаружи у этого окна былъ оставленъ третій ихъ компаньонъ, который долженъ былъ „стукнуть“ старика ломикомъ; случилось, однако, такъ, что старикъ не испугался и какъ разъ самого Ра-скаго погналъ въ это самое окошко, — и только Ра-скій хотѣлъ выпрыгнуть, компаньонъ какъ разъ „хватилъ“ его ломикомъ по головѣ. Много фактовъ подобнаго же рода разсказалъ о себѣ Ра-скій. Посидѣлъ онъ и въ тюрьмѣ нѣсколько разъ. Я, наконецъ, спросилъ его:

„Слушай, Ра-скій, вѣдь ты способный человѣкъ, вѣдь ты-же могъ-бы выйти на честную дорогу, — неужели-же тебѣ не стыдно воровать? вѣдь ты, можетъ быть, иногда при этихъ кражахъ лишалъ человѣка послѣдняго, что онъ имѣетъ!“

— „Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „я зналъ, у кого брать, я бралъ только у тѣхъ, у кого есть лишнее.“

„Но ты вѣдь, все-таки, кралъ, вѣдь нечестно-же красть!“

— „Почему нечестно?“, отвѣчалъ онъ, „всѣ-же крадутъ, только одни имѣютъ патентъ на воровство, а я не имѣю.“

„Постой“, говорю я, „если ты съ этимъ, насчетъ честности, несогласенъ, то вотъ ты уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, знаешь, какъ это не сладко, и, если будешь воровать, еще, навѣрное, попадешь въ тюрьму, — неужели-же тебя это не останавливаетъ?“

— „Нѣтъ“, говоритъ, „это уже не такъ страшно, ну, отсижу, а зато какъ я живалъ иногда! Эхъ, не видали Вы меня въ енотовой шубѣ, съ золотыми часами, на рысакахъ! — а попадешься, уже что-же дѣлать!“

Такъ мы и разстались каждый при своемъ мнѣніи. Дѣло его такъ до конца и не дошло, — онъ, какъ и собирался, убѣжалъ.

Приведу другой случай: Въ томъ-же Орлѣ, въ той-же сессіи, судился вольноопредѣляющійся ...-уфьевъ. Это былъ человѣкъ съ образованіемъ 4-хъ классовъ гимназіи, но человѣкъ до ничтожества убогій, абсолютно неразвитой и по внѣшнему виду производившій самое неблагопріятное впечатлѣніе, тщедушный, неряшливый. Въ бытность въ ротѣ онъ ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ, только, благодаря указаннымъ его свойствамъ, всѣ на него въ ротѣ смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. А судился онъ за рядъ большихъ кражъ и мошенничествъ, совершенныхъ за время пребыванія въ отпуску: были очень ловкія кражи велосипедовъ, были довольно забавныя и хитро-задуманныя мошенничества съ дамскими часиками, но самымъ главнымъ было одно крупное мошенничество: онъ явился къ одному изъ очень извѣстныхъ тогда губернаторовъ, въ формѣ эстандартъ-юнкера блестящаго кавалерійскаго полка, назвался, — по созвучію съ своей фамиліей, — графомъ Олсуфьевымъ, отдаленнымъ родственникомъ губернатора, и сумѣлъ выманить 5000 рублей. Никто не могъ-бы предположить такихъ скрытыхъ въ немъ богатыхъ способностей.

Эти два случая представляются, конечно, очень рѣзкими, но есть масса менѣе рѣзкихъ, но также существенно-серьезныхъ, показывающихъ, что иногда до времени остаются необнаруженными такія данныя характера или наклонностей того или другого лица, съ которыми на самомъ дѣлѣ слѣдовало-бы очень и очень считаться, чтобы парализовать возможность проявленія ихъ въ преступной формѣ.

Какіе-же возможны *способы и формы борьбы съ преступленіями?* Преступленіе есть эксцессъ личности противъ правового порядка или условій жизни. Въ значительной части преступленій играетъ роль преступная воля совершителя, но, несомнѣнно, на возникновеніе и развитіе преступности вліяютъ и извѣстныя неблагопріятныя условія самой жизни, такъ или иначе создающія почву или побужденія къ совершенію преступленій.

Поэтому задачи по борьбѣ съ преступленіями, — какъ въ общемъ масштабѣ, такъ и въ арміи, — вовсе не исчерпываются простымъ примѣненіемъ наказаній къ совершителямъ преступленій, а должны прежде всего состоять въ созданіи здоровыхъ условій жизни, въ широкой идейной воспитательной работѣ и въ устраненіи изъ жизни всего того, что такъ или иначе можетъ создавать почву или побужденія для совершенія преступленій. Порочнымъ уклонамъ или надломамъ общечеловѣческой психики, принесеннымъ въ армію вошедшими въ нее людьми извнѣ, армія должна противопоставить здоровые принципы жизни. По отношенію къ лицамъ, приходящимъ въ армію уже съ уголовнымъ прошлымъ, для арміи необходимо имѣть соотвѣтствующія свѣдѣнія отъ тѣхъ общественныхъ организацій, къ которымъ эти лица принадлежали до службы. Лицъ, въ которыхъ порочныя наклонности живутъ еще въ скрытомъ состояніи, армія должна постараться обнаружить сама, — это, конечно, требуетъ особой наблюдательности и опытности. По отношенію къ лицамъ обѣихъ этихъ категорій мѣры воспитательнаго воздѣйствія должны быть поставлены особенно внимательно и широко.

Другой, весьма существенной мѣрой удержанія людей съ нездоровыми наклонностями отъ проявленія этихъ наклонностей въ формѣ преступленій, долженъ явиться надзоръ за ними, съ цѣлью созданія для такихъ лицъ фактическихъ препятствій для совершенія преступленій. Въ арміи этотъ надзоръ частью уже осуществляется самъ собой, въ силу того, что здѣсь каждый солдатъ, въ условіяхъ казарменной обстановки, постоянно на-виду, но по отношенію къ лицамъ, чѣмъ-либо себя отрицательно заявляющимъ, надзоръ долженъ получить уже и спеціальный характеръ. Затѣмъ, конечно, въ арміи большую роль въ смыслѣ препятствія къ совершенію преступленій играетъ и то, что и внѣ казармъ солдатъ въ опредѣленной формѣ слишкомъ замѣтенъ, — ему уже не такъ легокъ доступъ въ различные притоны, ему уже не такъ легко скрыться незамѣченнымъ въ толпѣ. Благодаря указаннымъ даннымъ, безусловно, въ бытность въ рядахъ арміи даже и порочными элементами совершается меньше преступленій, чѣмъ было-бы

совершено при нахожденіи ихъ въ условіяхъ свободной жизни въ гражданскомъ быту.

Но, когда и мѣры воспитательнаго воздѣйствія и мѣры надзора окажутся практически недостаточными, когда преступная воля все-же выбьется изъ ставимыхъ ей преградъ и преступленіе будетъ совершено, — тогда, въ качествѣ послѣдняго средства, должно быть примѣнено карательное воздѣйствіе, наказаніе виновнаго. Но и въ этомъ случаѣ наказаніе виновнаго не должно носить характера простого механическаго возмездія за совершенное преступленіе, а должно быть лишь видомъ борьбы съ злой волей преступника, воздѣйствіемъ на преступное направленіе его воли, съ цѣлью заставить его, испытавъ тяжесть кары, одуматься, остановиться, отказаться на будущее время отъ преступной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе виновнаго должно воспитывающе дѣйствовать и на другихъ, чтобы заставить тѣхъ, въ комъ также живутъ преступныя стремленія, сдержать, побороть эти стремленія. Ничего механическаго, ничего непродуманнаго, ничего случайнаго въ дѣлѣ борьбы съ преступленіями допущено быть не можетъ.

Приведенныя соображенія, конечно, имѣютъ силу по отношенію ко всѣмъ видамъ преступленій, т. е. какъ къ преступленіямъ обще-уголовнаго характера, которыя могутъ быть одинаково совершены и въ условіяхъ гражданскаго быта и въ арміи, — какъ-то разнаго рода насилія, неуваженіе къ чужой личности, преступленія корыстнаго характера, — такъ и къ преступленіямъ, возникающимъ въ особыхъ условіяхъ существованія арміи и составляющимъ нарушенія тѣхъ спеціальныхъ требованій, которыя предъявляются военной службой. Говоря въ настоящее время объ арміи, я остановлюсь сравнительно подробно на преступленіяхъ этого второго рода, такъ какъ они очень больно задѣваютъ нормальный строй жизни арміи и часто очень тяжело отражаются на судьбѣ ихъ совершителей и поэтому требуютъ особенно вдумчиваго отношенія къ ихъ природѣ и къ формамъ цѣлесообразной борьбы съ ними. Къ такимъ преступленіямъ, главнымъ образомъ, относятся:

1) уклоненіе отъ службы,

2) преступленія противъ дисциплины, и

3) нарушенія караульной службы.

О каждой изъ этихъ группъ слѣдуетъ поговорить отдѣльно.

1) Уклоненіе отъ службы. Въ основѣ этой группы преступленій лежитъ или упорное нежеланіе подчиниться обязательству службы, какъ обще-гражданскому долгу, или нежеланіе разстаться съ прежней привольной жизнью и подчиниться необходимости жить извѣстное время въ стѣснительныхъ условіяхъ дисциплины, или, наконецъ, обостренный страхъ передъ военной службой, — т. е. или страхъ ея тяжестей, „притѣсненій", или страхъ опасности этой службы въ случаѣ войны. Въ болѣе житейскихъ формулахъ я-бы эти основанія уклоненія отъ службы опредѣлилъ такъ: или „мнѣ говорятъ, что я долженъ, — а я не хочу," или „я знаю, что я долженъ, — но какъ-бы мнѣ отъ этого избавиться?" или „я знаю, что я долженъ, — но я такъ этого боюсь!".

Собственно говоря, мысль объ освобожденіи себя отъ службы почти всегда зарождается у того или другого лица еще до призыва и часто уже тогда начинаютъ приниматься и мѣры къ освобожденію; иногда эта контръ-призывная подготовка ведется очень интенсивно и даже при участіи имѣющагося на мѣстахъ цѣлаго штата доброжелателей въ лицѣ какихъ-нибудь доморощенныхъ фельдшеровъ или просто артистовъ своего дѣла, подготовляющихъ желающимъ, смотря по цѣнѣ, и болѣзни, или дающихъ имъ спеціальные совѣты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, замыселъ удается, если-же онъ не удастся до принятія на службу, то осуществленіе его переносится уже на время поступленія и прибытія въ войсковыя части. Уклоненіе отъ службы въ такихъ случаяхъ проявляется въ трехъ типичныхъ формахъ: а) въ формѣ побѣговъ со службы, б) въ формѣ ложныхъ заявленій о несуществующей болѣзни, и в) въ формѣ причиненія себѣ искусственныхъ болѣзней или поврежденій.

Самой простой формой уклоненія являются, конечно, побѣги. О нихъ говорить много не приходится.

Въ большинствѣ случаевъ побѣги указываютъ именно на желаніе сбросить съ себя обязательства, налагаемыя службой, и наказаніе за побѣги является совершенно естественнымъ, можно говорить только о формѣ и размѣрѣ наказанія, — но это уже составляетъ особый вопросъ. Однако, на побѣгъ рѣшается не всякій, — средство это не совсѣмъ вѣрное, могутъ поймать, да и не совсѣмъ удобное, — вѣдь бѣжавшему уже домой вернуться нельзя, обязательно задержатъ, и приходится обречь себя на скитанія съ подложнымъ паспортомъ, что не всякому улыбается. Поэтому встаютъ на очередь два другіе способа, — т. е. ложное заявленіе о болѣзни или искусственное причиненіе болѣзни или увѣчья, т. е., собственно, созданіе такой обстановки, при которой начальство повѣрило-бы въ наличность опредѣленнаго дефекта здоровья даннаго лица и законнымъ актомъ освободило-бы его отъ службы. О каждомъ изъ этихъ двухъ способовъ слѣдуетъ поговорить отдѣльно.

Заявленіе о несуществующей болѣзни, очевидно, указываетъ на меньшее напряженіе злой воли и поэтому и военно-уголовный законъ относится къ этой формѣ уклоненія мягче. Заявленія бываютъ о самыхъ разнообразныхъ болѣзняхъ или дефектахъ. Очень часто, напр., дѣлаются ссылки на потерю слуха и зрѣнія, — „ничего не слышу", „ничего не вижу", „не вижу на правый глазъ". Иногда такихъ симулирующихъ очень легко поймать; напр., того, кто говоритъ, что онъ ничего не слышитъ, неожиданно, въ тотъ моментъ, когда онъ не слѣдитъ за собою, окликаютъ, или говорятъ ему о какомъ-либо очень интересующемъ его фактѣ, — по выраженію лица сразу можно опредѣлить, слышитъ онъ или нѣтъ; одного такого, который говорилъ, что ничего не видитъ, уличили во лжи самымъ примитивнымъ пріемомъ: предсѣдатель комиссіи снялъ съ него фуражку и бросилъ въ сторону подъ столъ, а затѣмъ отпустилъ его, и тотъ пошелъ и поднялъ свою фуражку; для уличенія тѣхъ, кто заявляетъ, что онъ не слышитъ на одно ухо или не видитъ на одинъ глазъ, существуютъ очень остроумные приборы и пріемы, — тайны ихъ открывать не буду, — которые безошибочно установятъ, если онъ лжетъ. Иногда виновный попадется

на томъ, что онъ очень уже невѣроятно описываетъ признаки болѣзни, — они въ такомъ случаѣ любятъ сгущать краски. Особенно характерны въ этомъ отношеніи симулянты душевныхъ болѣзней, — по ихъ мнѣнію, сумасшедшій долженъ дѣлать все наоборотъ по сравненію съ нормальнымъ человѣкомъ, — дадутъ ему папиросу, — онъ съѣстъ ее, позовутъ въ комнату, предложатъ стулъ, — а онъ сядетъ на полъ, его зовутъ, — а онъ смотритъ въ другую сторону и т. д. Обыкновенно при этомъ получается картина удивительнаго сочетанія всѣхъ формъ всѣхъ душевныхъ болѣзней. Такихъ симулянтовъ уличить, обыкновенно, не трудно, — и наказаніе для нихъ, — 1 - $1^1/_2$ года дисциплинарнаго батальона, — вполнѣ подходящее.

Тяжелѣе и сложнѣе случаи искусственнаго причиненія себѣ болѣзни и увѣчья. Тутъ надицо дѣйствительная болѣзнь или увѣчье, вопросъ только въ томъ, явились-ли они естественно или причинены самимъ подозрѣваемымъ или другимъ кѣмъ-нибудь. Упорство виновныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиненія себѣ болѣзни иногда доходитъ до крайности. Въ очень интересной книгѣ „Объ искусственныхъ и притворныхъ болѣзняхъ у призываемыхъ на военную службу и у солдатъ“ — къ сожалѣнію боюсь ошибиться въ фамиліи автора, — кажется, Доктора Орлова, — я помню поразительный въ этомъ смыслѣ случай. Къ этому доктору попалъ на наблюденіе молодой солдатъ съ очень серьезной болѣзнью уха; докторъ его внимательно разспрашивалъ о причинѣ, не сдѣлалъ-ли онъ самъ чего-нибудь съ ухомъ, тотъ увѣрялъ, что ничего не дѣлалъ, что заболѣло само, а отчего, не знаетъ; болѣзнь рѣзко ухудшалась и никакія средства леченія не помогали, — докторъ считалъ, что болѣзнь произошла естественно, — и только уже въ самый тяжелый періодъ болѣзни больной сознался, что онъ сдѣлалъ съ ухомъ, — но уже было поздно, на другой день онъ умеръ.

Распознаваніе искусственно причиненныхъ болѣзней въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне трудно. Особенно трудно распознаваніе именно болѣзней уха. По мнѣнію врачей, происхожденіе болѣзни уха можно безошибочно опредѣлить только въ теченіе 3 - 4 дней по заболѣва-

ніи, — тогда слѣдъ искусственной болѣзни опредѣляется очень ясно, но если пройдутъ эти 3-4 дня, распознаваніе становится не легкимъ; иногда, если болѣзнь произведена вливаніемъ въ ухо какой-нибудь ѣдкой жидкости, можно замѣтить слѣды ожога въ ухѣ и слѣдъ струйки, какъ жидкость выливалась по щекѣ, — но это бываетъ не такъ часто. Эту особенность ушныхъ заболѣваній уклоняющіеся отлично знаютъ, — такія болѣзни, обыкновенно, дѣлаются съ помощью другихъ, или, въ крайнемъ случаѣ, при опытномъ руководствѣ, — и поэтому никогда не приходятъ къ врачу въ теченіе ближайшихъ дней, а такъ, приблизительно, черезъ недѣлю. Картина, обыкновенно, такая: на утреннемъ осмотрѣ молодой солдатъ проситъ послать его къ врачу: „Что у тебя?“ — „Ухо болитъ.“ Врачъ сейчасъ-же спроситъ: „Отчего это у тебя?“ — „Не могу знать!“ — „А давно заболѣло?“ — „Да съ недѣлю.“ — „Что-же ты сразу не пришелъ?“ — „Думалъ, что такъ пройдетъ!“ — вотъ и возникаетъ затрудненіе. Нелегко опредѣляются и болѣзни грудныхъ органовъ, кровохарканіе и т. д. Для всѣхъ этихъ случаевъ врачъ долженъ быть очень опытнымъ, но, въ интересахъ истины, и не долженъ быть слишкомъ подозрительнымъ, т. е. не долженъ въ каждомъ такомъ больномъ заранѣе подозрѣвать уклоняющагося. Помню одинъ прямо-таки загадочный случай: въ батарею явился молодой солдатъ, — и, оказывается, глухонѣмой. Первый вопросъ: какъ-же его приняли въ присутствіи по воинской повинности? — очевидно, тогда и слышалъ и говорилъ. Затѣмъ нашлись свидѣтели, будто-бы онъ въ первый день прибытія въ батарею сказалъ: „я ихъ всѣхъ проведу“. Но онъ все-таки ничего не говоритъ и какъ-будто ничего не слышитъ — и все это носитъ очень правдоподобный характеръ, тогда какъ медицинское изслѣдованіе указываетъ на полную нормальность органовъ слуха и рѣчи; солдаты, какъ я потомъ узналъ, дѣлали такой опытъ: ночью кололи его въ пятку булавкой, — проснется, но даже не вскрикнетъ. Къ сожалѣнію, не знаю, чѣмъ окончилось дѣло; знаю, что врачи высказывали различныя мнѣнія: одни находили, что это, безусловно, симуляція, поддерживаемая, быть можетъ, внушеніемъ или само-

внушеніемъ, другіе считали, что это явленіе на нервной почвѣ. Ошибиться въ такомъ случаѣ было-бы очень обидно.

Причиненіе себѣ увѣчій или такъ-называемое „членовредительство“ происходитъ, обыкновенно, самымъ примитивнымъ способомъ, путемъ отрубленія себѣ пальцевъ, въ самой примитивной обстановкѣ и съ самыми наивными объясненіями. Прибѣгаютъ къ нему, обыкновенно, наименѣе изворотливые люди. Тенденція рубить пальцы начальству извѣстна и поэтому было опредѣленно запрещено молодымъ солдатамъ пользоваться для чего бы то ни было топоромъ и ихъ не назначали даже на работы, соединенныя съ необходимостью пользоваться топоромъ, т. е. на колку дровъ и т. д. Но все-же пальцы себѣ рубятся и рубятся и, обыкновенно, такъ: ходитъ, ходитъ молодой солдатъ мрачный, вдругъ куда-то скрылся, и скоро слышатъ крикъ его и онъ выходитъ съ рукой, обмотанной платкомъ; — всѣ догадываются, въ чемъ дѣло, пальца, а то и двухъ, нѣтъ; начинаютъ разспрашивать, — говоритъ, что хотѣлъ себѣ что-то сдѣлать (часто „щелкунъ“, т. е. приспособленіе для чистки пояса, хотя ихъ всегда и безъ того много), да топоръ какъ-то сорвался и отсѣкъ палецъ. Установить виновность, обыкновенно, нѣтъ никакого труда. Во 1-хъ, рубятъ, какъ-бы случайно, какъ разъ только тѣ пальцы, отсутствіе которыхъ мѣшаетъ службѣ, и прежде всего службѣ именно въ данномъ родѣ оружія, въ пѣхотѣ — указательный палецъ правой руки, въ кавалеріи — пальцы лѣвой руки, въ которыхъ должно держать поводья, — затѣмъ, никогда не рубятъ тѣхъ пальцевъ, отсутствіе которыхъ не считается препятствіемъ къ службѣ, и, наконецъ, никогда не рубится больше того, что считается необходимымъ для освобожденія*). О томъ, какіе пальцы рубить, су-

---

*) Вспоминается мнѣ, по аналогіи, другой случай такой-же странной цѣлесообразности факта: разбиралось дѣло о пожарѣ застрахованнаго имущества, по обвиненію въ поджогѣ его его собственника, какъ разъ очень нуждавшагося въ деньгахъ. Обвиняемый говорилъ, что домъ самъ почему-то загорѣлся, и экспертъ доказывалъ, что бываютъ случаи „самовозгоранія“. „Скажите“, спросилъ прокуроръ, „а бывали-ли случаи самовозгоранія незастрахованнаго имущества?“

ществуютъ, впрочемъ, особыя традиціи по мѣстностямъ, напр., уроженцы Вятской и Пермской губерній рубятъ себѣ, обыкновенно, большіе пальцы, — имъ, очевидно, извѣстно, что и недостатокъ одного большого пальца, даже лѣвой руки, считается основаніемъ для освобожденія; въ губерніяхъ западнаго края объ этомъ, вѣроятно, мало знали, или не совсѣмъ этому вѣрили, а можетъ быть, больше дорожили большими пальцами. Во 2-хъ, отсѣкшій себѣ палецъ на правой рукѣ всегда заявляетъ, что онъ „лѣвша“, — но это обыкновенно, совершенно опровергается медицинскимъ изслѣдованіемъ (— лѣвая рука оказывается гораздо меньше развитой, чѣмъ правая), и свидѣтелями. Въ 3-хъ, весь ходъ дѣйствій, обыкновенно, виденъ на той „чушкѣ“, на которой онъ рубилъ; топоръ въ нее, конечно, врѣзается, и всегда съ края, т. е. тамъ, гдѣ можно положить плотно только желаемые пальцы и подогнуть остальные, — и часто въ этомъ мѣстѣ видите такую картину: нѣсколько слабыхъ слѣдовъ удара (— примѣривался!) и затѣмъ одинъ глубокій, рѣшительный. Наконецъ, очень характерно для такихъ случаевъ, что никогда такого отрубленія пальцевъ не бываетъ на людяхъ, а всегда это происходитъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, и при этомъ рубятъ пальцы только молодые солдаты, а уже со второго года даже и съ лицами, не привыкшими владѣть топоромъ, такихъ случаевъ не бываетъ.

Такихъ примитивныхъ отрубателей, — именно потому, что это всегда люди особенно неразвитые и дѣйствующіе въ состояніи глубокой подавленности и страха передъ службой, — мнѣ лично всегда бывало очень жаль. Особенно мнѣ памятенъ такой случай. Производилъ я слѣдствіе объ одномъ молодомъ солдатѣ, — съ оригинальной фамиліей „Дядя“, — отрубившемъ себѣ два пальца. Въ умышленности даже не было и сомнѣній, такъ что, очевидно, его ждало преданіе суду и обвинительный приговоръ, а между тѣмъ, какъ разъ черезъ два-три дня послѣ того, какъ онъ себѣ отрубилъ пальцы, въ полкъ пришло извѣщеніе, что онъ, кажется, по дальнему номеру жребія, подлежитъ освобожденію отъ службы. Что-же случилось? Не отруби онъ себѣ пальцевъ, онъ-бы спокойно ушелъ домой, а теперь онъ

будетъ служить полный срокъ, т. к. членовредители безусловно подлежатъ пріему на службу, остался безъ пальцевъ и еще долженъ отбыть 1-1$^{1}/_{2}$ года дисциплинарнаго батальона.

Но, еще разъ повторяю, во всѣхъ этихъ дѣлахъ по обвиненію въ заявленіи о несуществующей болѣзни или въ причиненіи вреда здоровью надо быть очень осторожнымъ. Въ самомъ началѣ моей дѣятельности былъ такой случай. Въ Московскій военно-окружный судъ поступило, въ порядкѣ возобновленія, дѣло о молодомъ солдатѣ Ш-овскомъ, разсмотрѣнное раньше въ выѣздной сессіи Виленскаго военно-окружнаго суда, по которому Ш-овскій былъ признанъ виновнымъ въ искусственномъ причиненіи себѣ атрофіи правой руки съ цѣлью уклониться отъ службы и уже отбылъ около 1$^{1}/_{2}$ года дисциплинарнаго батальона. Возобновленіе дѣлъ, по которымъ приговоръ уже вступилъ въ законную силу, допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, когда откроются обстоятельства, несомнѣнно указывающія на невиновность осужденнаго. Я былъ назначенъ защитникомъ. Прочиталъ дѣло и у меня явился вопросъ: по какой, собственно, причинѣ дѣло возобновлено? Обстановка дѣла была такая: Ш-овскій прибылъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Виленскомъ военномъ округѣ, и всѣ сразу-же обратили вниманіе, что онъ постоянно держитъ правую руку согнутою подъ прямымъ угломъ въ локтѣ, говоритъ, что онъ не можетъ ее разогнуть, и на этомъ основаніи отказывается отъ гимнастики, отъ занятій съ винтовкой и т. д. Полковые врачи никакого органическаго поврежденія, которое обусловливало-бы такое положеніе руки, не нашли, и предупредили его, что, если онъ будетъ постоянно такъ держать руку, то черезъ 1-1$^{1}/_{2}$ года она у него атрофируется. Никто изъ товарищей солдатъ и изъ начальства не вѣрилъ въ наличность у него болѣзни руки и считали такое держаніе руки притворствомъ; одинъ изъ унтеръ-офицеровъ даже разъ, на свой страхъ и рискъ, заставилъ его этой рукой поднять винтовку, — и рука въ локтѣ разогнулась; пробовали, говоритъ этотъ унтеръ-офицеръ, разгибать ему эту руку ночью, — разгибается, но когда онъ проснется, то опять-же согнетъ руку и долго уже

не спитъ. Посылали его на испытаніе въ госпиталь, потомъ въ мѣстный лазаретъ, — и тамъ и тамъ врачи признали наличность симуляціи болѣзни и опять-же его предупредили, что, если будетъ долго такъ держать руку, то она безусловно атрофируется; экспертиза предварительнаго слѣдствія также признала симуляцію. Ш-овскій былъ тогда преданъ суду и на судѣ экспертиза также была не въ его пользу, — и онъ былъ признанъ виновнымъ и осужденъ на 2 года въ дисциплинарный батальонъ. Года черезъ $1^1/_2$, какъ я уже сказалъ, послѣ осужденія дѣло было возобновлено на томъ основаніи, что врачъ дисциплинарнаго батальона установилъ у Ш-овскаго атрофію правой руки. Но тогда, естественно, всталъ передо мной вопросъ: развѣ это достаточная причина для возобновленія дѣла? — вѣдь ему и было сказано, что, если онъ будетъ продолжать держать руку такъ, то она атрофируется, — такъ что это только подтвержденіе того, о чемъ его предупреждали! Изучилъ я внимательно дѣло и вижу, что, безусловно, и свидѣтельскія показанія и данныя медицинскихъ изслѣдованій противъ него, — виновенъ! Вызвалъ его для переговоровъ, — странное явленіе: ничего новаго онъ не сказалъ, а получается какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, что онъ невиновенъ. Еще разъ пересмотрѣлъ дѣло, еще разъ вызвалъ Ш-овскаго, — впечатлѣніе то-же. Обратилъ я при этомъ вниманіе, что Ш-овскій на освидѣтельствованіи въ госпиталѣ былъ около 2-хъ недѣль, а въ мѣстномъ лазаретѣ всего 3 дня, и Ш-овскій мнѣ пояснилъ, что старшій врачъ лазарета, высказавшій, однако, заключеніе о симуляціи, сказалъ ему такъ: „что-же мы тебя будемъ свидѣтельствовать? — въ госпиталѣ тебя долго изслѣдовали и вотъ признали-же, что у тебя рука здоровая!“ Это былъ уже большой плюсъ, — вмѣсто двухъ, казавшихся одинаково компетентными, заключеній, оставалось одно. Я попросилъ предсѣдательствующаго возможно шире и тщательнѣе поставить экспертизу на судѣ. Дѣйствительно, въ судъ въ качествѣ экспертовъ были вызваны лучшіе врачи Москвы, — хирургъ и по нервнымъ болѣзнямъ. Прибыли и свидѣтели. Свидѣтель унтеръ-офицеръ повторилъ свои показанія о продѣлывавшихся имъ надъ Ш-овскимъ испытаніяхъ, и о томъ,

какъ заставлялъ его поднимать винтовку и какъ во снѣ разгибалъ ему руку, — видно было, что онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Ш - овскій притворяется. Спрашиваю его: „Значитъ, когда ты ночью пробовалъ Ш - овскому разгибать руку, она разгибалась?“ — „Такъ точно!“ — „Вся разгибалась? совсѣмъ выпрямлялась?“ — „Никакъ нѣтъ, этого онъ не давалъ, разогнемъ немного, а онъ и проснется.“ — „А какъ ты думаешь, отчего-же онъ просыпался?“ — „Не могу знать.“ — А отвѣтъ былъ ясенъ самъ собой: отчего-же бы проснулся здоровый, молодой человѣкъ, если-бы разгибали здоровую руку? — очевидно, онъ просыпался отъ боли, значитъ, и такое легкое, почти незамѣтное, разгибаніе причиняло ему боль, а значитъ, естественно, была и причина этой боли. Эксперты произвели идеально-тщательную экспертизу и опредѣлили врожденное глубокое сращеніе сухожилій, — Ш - овскій былъ оправданъ.

Я умышленно такъ подробно остановился на вопросахъ объ уклоненіи отъ службы, такъ какъ считаю, что это одно изъ самыхъ болѣзненныхъ явленій, одинаково тяжелыхъ и для уклоняющихся и для арміи. Корни этого явленія, какъ я уже говорилъ, лежатъ глубоко, и питаются или упорнымъ нежеланіемъ служить, т. е. подчиниться обще-обязательному требованію государственнаго характера, или темнымъ, поддерживаемымъ общественной средой, нелѣпымъ страхомъ передъ военной службой. Отсюда намѣчаются и способы борьбы съ этимъ явленіемъ. Для тѣхъ, кто уклоняется изъ упорнаго нежеланія служить, наказаніе по суду вполнѣ естественно и оно, быть можетъ, подѣйствуетъ и на другихъ съ такимъ-же направленіемъ мысли. Для тѣхъ-же, кто старается уйти отъ службы изъ страха передъ ней, надо создать обстановку, чтобы этого страха не было; пусть съ самаго-же начала старые солдаты привѣтливо встрѣтятъ молодыхъ, разскажутъ имъ, что бояться нечего, и пусть каждый старый солдатъ, уходя въ запасъ, добросовѣстно, отъ души, признаетъ своимъ долгомъ разсказать въ деревняхъ, что уклоненіе безсмысленно, что служба вовсе не страшна, — пусть каждый изъ нихъ разскажетъ въ деревнѣ о такихъ печальныхъ случаяхъ уклоненія, какъ случай съ Дядей или съ тѣмъ,

кто поздно сказалъ о причинѣ болѣзни уха и потому погибъ, — и, безусловно, такіе случаи уклоненія сведутся до минимума.

2) Преступленія противъ воинской дисциплины возможны въ двухъ формахъ: въ формѣ неподчиненія приказанію начальника и въ формѣ оскорбительнаго отношенія къ личности начальника. Характеръ преступленій понятенъ: это рѣзкій протестъ противъ сущности воинскаго долга и представителей служебнаго порядка, и, какъ таковой, онъ знаменовалъ-бы собою опредѣленное, яркое стремленіе виновнаго освободить себя отъ требованій дисциплины, совершенно опредѣленно выраженную преступную волю, и, конечно, наказаніе, и достаточно сильное, для такихъ случаевъ является совершенно естественнымъ. Но надо сказать къ чести арміи, что такіе случаи сравнительно очень рѣдки, — напр., почти никогда не бываетъ случаевъ неисполненія лично отданнаго офицеромъ солдату приказанія. Въ практикѣ чаще приходится встрѣчаться съ случаями необдуманныхъ, нелѣпыхъ по существу своему, выходокъ; напр., унтеръ-офицеръ назначаетъ солдата на какую-нибудь работу, — и работа не трудная, и знаетъ солдатъ, что этотъ нарядъ вполнѣ законный, — и неожиданно заупрямится, а когда унтеръ-офицеръ, естественно, будетъ настаивать, солдатъ еще его и обругаетъ. Конечно, это еще не признакъ рѣшительнаго неподчиненія воинскимъ требованіямъ, и самъ солдатъ часто не можетъ объяснить, что съ нимъ въ этомъ случаѣ сдѣлалось, и самъ пожалѣетъ о происшедшемъ, — но все-же и это случай принципіально недопустимый. Въ значительной части наличность такихъ печальныхъ инцидентовъ объясняется тѣмъ, что, при постоянномъ совмѣстномъ жительствѣ, въ условіяхъ казарменной обстановки, солдаты настолько привыкаютъ къ унтеръ-офицерамъ, что не во всякую минуту могутъ провести границу между нимъ, какъ товарищемъ, и какъ начальникомъ. Сумѣть разграничить эти двѣ формы отношеній не всегда легко и для унтеръ-офицера. Главной формой предупрежденія такихъ печальныхъ случаевъ является предвидѣніе ихъ и соотвѣтственное предварительное разъясненіе ихъ солдатамъ: нельзя ограничи-

ваться только внушеніемъ ему его долга въ видѣ извѣстныхъ формулъ — „ты обязанъ точно и безпрекословно исполнять приказанія начальника, какъ офицера, такъ и унтеръ-офицера“, „ты обязанъ оказывать уваженіе начальнику и старшему какъ на службѣ, такъ и внѣ службы“, — а надо спеціально, заранѣе объяснить солдату, что и въ такомъ частномъ случаѣ, какъ приведенный, онъ, при обращеніи къ нему унтеръ-офицера, сразу долженъ вспомнить, что тотъ обращается къ нему какъ начальникъ, и что онъ, соотвѣтственно съ этимъ, долженъ и опредѣлить свое поведеніе.

Еще печальнѣе случаи нарушенія дисциплины въ пьяномъ видѣ. Законъ, какъ извѣстно, не считаетъ состояніе опьяненія избавляющимъ отъ отвѣтственности, но всякій знаетъ, что въ пьяномъ человѣкѣ особенно сильно проявляются именно рѣзкость, грубость и неподчиненіе, которыя, при непосредственномъ столкновеніи съ начальникомъ, и создаютъ нарушеніе дисциплины. Конечно, могутъ быть случаи, когда и офицеру приходится столкнуться съ пьянымъ солдатомъ и требовать отъ него прекращенія какого-либо его недопустимаго поведенія, — и въ этомъ случаѣ противодѣйствіе или оскорбительное отношеніе солдата приходится учитывать полностью, какъ антидисциплинарное преступленіе, но, въ общемъ правилѣ, такого непосредственнаго соприкосновенія съ пьянымъ его начальниковъ, т. е. и офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, надо рѣшительно избѣгать, — это должно стать азбукой.

Большую роль въ дѣлѣ предупрежденія преступленій противъ дисциплины можетъ сыграть опредѣленное указаніе, при изложеніи принциповъ дисциплины, и той кары, которая по закону полагается за ея нарушенія; этимъ рѣзче будетъ подчеркнута важность требованій дисциплины и ярче станетъ передъ солдатомъ недопустимость ея нарушеній. Особенно важно объяснить исключительную строгость наказанія за т. наз. „вооруженное сопротивленіе исполненію приказанія начальника“, — преступленіе, къ сожалѣнію, часто являющееся однимъ изъ послѣдующихъ проявленій неподчиненія буйствующаго пьянаго солдата. Если-бы всѣ солдаты знали ясно и твердо, какъ сурово караетъ это преступ-

леніе законъ, они-бы сами сумѣли найти средство не допустить до него своего буйствующаго пьянаго товарища, — и сколько-бы печальныхъ послѣдствій было этимъ предотвращено!

Помимо, однако, указанныхъ мною частныхъ мѣръ по борьбѣ съ нарушеніями воинской дисциплины, главную роль, конечно, должно играть положительное воспитаніе дисциплины въ чинахъ арміи. Доказывать это, конечно, излишне, но я хочу остановить вниманіе на одномъ вопросѣ, мнѣ кажется, недостаточно учитываемомъ. Все, что требуютъ отъ солдата, долженъ прежде всего безукоризненно исполнять офицеръ. Солдаты вообще очень приглядываются къ офицерамъ и въ разговорахъ между собой постоянно разбираютъ своихъ офицеровъ, и не только въ ихъ служебномъ поведеніи, но и въ отношеніи ихъ личныхъ качествъ въ сферѣ чисто личной, даже семейной жизни, которая также не остается скрытой отъ солдатскаго глаза, — и на почвѣ этой оцѣнки, собственно, и создается авторитетъ того или другого офицера въ солдатской массѣ. Въ отношеніи-же служебнаго поведенія офицеровъ солдаты особенно чутки; офицеръ, который требовалъ-бы отъ нихъ педантическаго исполненія служебнаго долга, напр., требованій устава, а за которымъ они могли-бы замѣтить, что онъ-то самъ этихъ требованій не исполняетъ, безусловно потеряетъ въ ихъ глазахъ авторитетъ, и, обратно, офицеръ, самъ строго исполняющій служебныя требованія, тѣмъ самымъ сразу подчиняетъ себѣ солдатъ и ставитъ себя по отношенію къ нимъ въ нормальное, отвѣчающее дисциплинѣ, положеніе.

Для иллюстраціи этого приведу одинъ случай изъ моей личной практики: Между 1-мъ и 2-мъ курсомъ академіи состоящихъ въ академіи офицеровъ, по роду службы не несшихъ ранѣе въ войскахъ карауловъ прикомандировывали къ приходящимъ въ Петербургъ на лѣто пѣхотнымъ полкамъ для практическаго ознакомленія съ караульной службой. Я, какъ артиллеристъ, также былъ въ такомъ прикомандированіи. Мы даже не были прикомандированы къ опредѣленнымъ ротамъ, а ходили въ караулъ то съ одной, то съ другой ротой. Конечно, при такихъ условіяхъ, ждать хоть какой-нибудь нашей

связи съ солдатами не приходилось, — мы имъ были совершенно чужіе. Разъ мнѣ пришлось идти въ качествѣ караульнаго начальника съ одной изъ ротъ въ караулъ въ городокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, находящійся далеко за городомъ. Идти отъ Финляндскихъ казармъ надо было верстъ 12-14. Съ перваго-же впечатлѣнія было замѣтно, что рота совсѣмъ недисциплинирована, — идутъ съ разговорами, не въ ногу, винтовки часто перекладываютъ съ плеча на плечо. Ясно было, конечно, что за одинъ день караула я эту роту перевоспитать не могу, но все-же я рѣшилъ съ этой ротой продѣлать опытъ, насколько педантическая требовательность офицера, поддержанная собственнымъ безукоризненнымъ исполненіемъ устава, можетъ воспитывающе повліять на солдатъ. Поэтому я съ самаго-же начала сталъ дѣлать имъ замѣчанія, что такъ идти нельзя, требую прекратить разговоры и т. д., — отлично вижу, что они прямо-таки на эти замѣчанія раздражаются, — вѣдь я имъ совсѣмъ чужой офицеръ, да еще артиллеристъ, — а все-таки своего пріема не прекращаю. Обстановка въ караулѣ оказалась очень неблагопріятной: караульное помѣщеніе ремонтировалось, оставалась только комната для караульнаго начальника, а караулъ помѣщался шагахъ въ 150, въ палаткахъ, въ рощицѣ. Захожу передъ вечеромъ въ караульную палатку, — весь караулъ лежитъ, велѣлъ встать; черезъ полчаса захожу, — опять лежатъ, опять велѣлъ встать; предупредилъ, что буду слѣдить, чтобы ложилась отдыхать только та смѣна, которая имѣетъ право. Послѣ зари приходитъ ко мнѣ караульный унтеръ-офицеръ, спрашиваетъ: „Какъ прикажете, докладывать Вамъ ночью объ отправленіи смѣнъ?“ — „А ты какъ думаешь?“ — „Не могу знать.“ — „Ну, а все-таки, какъ-бы ты полагалъ?“ — „По уставу полагается докладывать!“ — „Такъ о чемъ-же спрашиваешь?“ Сейчасъ-же послѣ зари приходитъ въ мою комнату служитель и раскладываетъ на кушеткѣ простыни, одѣяло и подушки. „Это зачѣмъ?“ спрашиваю. — „А развѣ Вы не будете спать?“. — „Нѣтъ, не буду“. И вотъ такъ прошла ночь, я не сплю самъ, унтеръ-офицеръ, приходя съ докладомъ, всегда застаетъ меня не-спящимъ, одѣтымъ, нѣсколько разъ за ночь хожу

въ караульную палатку, — раза два еще находилъ большинство спящими, а потомъ уже, вижу, спятъ только тѣ, кому можно. Къ утру солдаты стали совершенно другіе, — куда дѣвалась и распущенность и враждебность ко мнѣ! Шли назадъ, и послѣ безсонной ночи, великолѣпно, бодро, а при прощаніи такъ весело отвѣтили, что можно было только радоваться. Успѣхъ былъ полный. А попробуй я, требуя всего отъ нихъ, самъ лечь, — право, я, можетъ быть, нарвался-бы и на дерзость.

3) Нарушенія караульной службы, въ сущности, представляютъ умышленныя или по небрежности отступленія отъ требованій устава, касающихся этой службы. Изучить эти требованія устава каждый солдатъ вполнѣ можетъ, — спросите его, и онъ Вамъ всѣ свои обязанности въ различныхь случаяхъ разскажетъ прекрасно. Однако, въ практическомъ исполненіи часто оказывается иначе. На первыхъ шагахъ въ караульной службѣ солдатъ иногда просто теряется, какъ будто все, что онъ училъ, одно, а что приходится дѣлать, — другое. Чтобы избавить солдата отъ такихъ невольныхъ погрѣшностей въ этой службѣ, надо, при первыхъ случаяхъ вступленія его въ караулъ, спеціально на мѣстѣ, на посту, тщательно испытать его со стороны пониманія именно въ данномъ практическомъ случаѣ его обязанностей; только когда онъ уже нѣсколько разъ побудетъ въ караулѣ, знаніе обязанностей станетъ у него отчетливымъ и только тогда и можно съ него спрашивать отвѣта за тѣ или иныя нарушенія или отступленія.

Между тѣмъ, именно когда солдатъ уже привыкнетъ къ карауламъ, часто и начинаются, — повторяю, умышленныя или по небрежности — нарушенія имъ обязанностей по этой службѣ. Поводъ къ этому даетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, соблазнительная безконтрольность, — напр., стоитъ солдатъ часовымъ на отдаленномъ посту и знаетъ, что на этотъ постъ только разъ-два въ день заѣдетъ дежурный по карауламъ или дежурный офицеръ, а если онъ уже проѣхалъ, скажемъ, при предыдущей смѣнѣ, то солдатъ считаетъ себя свободнымъ, думаетъ, что теперь никто не пріѣдетъ и, слѣд., можно уже немного и ослабить свою аккуратность. Борьба съ сознательнымъ игнорированіемъ требованій

караульной службы или съ небрежнымъ къ ней отношеніемъ необходима: помимо того, что иногда и кажущаяся ничтожной небрежность можетъ повлечь за собою очень тяжелыя послѣдствія, караульная служба есть главная форма служебныхъ обязанностей, показывающая, насколько достоинъ довѣрія данный солдатъ въ служебномъ отношеніи, т. е. хорошъ-ли онъ только на глазахъ у начальства, или серьезенъ и исправенъ въ своихъ обязанностяхъ и тогда, когда остается безъ надзора, только лицомъ къ лицу съ своимъ долгомъ. Такую именно точку зрѣнія надо сразу-же привить солдату. Но такъ какъ, все-таки, приходится считаться съ соблазномъ, то надо на всякій случай позаботиться о томъ, чтобы эта возможная небрежность или сознательное нарушеніе не вылились въ такія формы, при которыхъ нарушеніе получило-бы очень сѐрьезное значеніе и повлекло-бы за собой очень тяжелую кару, — а для этого надо, при обученіи солдатъ уставу, примѣнить особый пріемъ. Учитъ, положимъ, офицеръ солдата обязанностямъ часового, — „часовому на посту запрещается пить, ѣсть, спать, садиться... часовой не имѣетъ права оставлять своего поста...“ и солдатъ заучитъ этотъ спокойный перечень устава, но въ его представленіи совершенно не создается отчетливаго пониманія важности каждаго изъ этихъ запрещеній. Но пусть офицеръ раскроетъ Воинскій уставъ о наказаніяхъ, и тогда онъ увидитъ, что этотъ безстрастный, одинаковый тонъ устава вовсе не является показателемъ одинаковой важности нарушеній, и тогда онъ сумѣетъ объяснить солдату, что, если, напр., онъ на посту сядетъ, то за это можетъ быть дисциплинарное взысканіе, а можетъ быть и военная тюрьма, если заснетъ на посту, — дисциплинарный батальонъ, а если уйдетъ, напр., съ поста у арестованныхъ, у денежнаго ящика или у склада оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, то за это и въ мирное время наказаніе можетъ дойти до 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, а въ военное время и до смертной казни. Сумѣетъ это ясно и отчетливо разсказать солдатамъ офицеръ, — и можетъ быть увѣреннымъ, что небрежный солдатъ на посту, можетъ быть, еще все-таки, сядетъ, но едва-ли уже рѣшится заснуть и, на-

вѣрное уже, съ поста не сойдетъ. Если-же офицеръ этого солдатамъ не объяснитъ, то значительная доля нравственной отвѣтственности въ ихъ серьезныхъ нарушеніяхъ ляжетъ на него.

Говоря о нарушеніяхъ обязанностей караульной службы, я не могу обойти молчаніемъ одной очень тяжелой стороны этой службы, жертвами которой иногда дѣлаются и прекрасные солдаты, — это служба карауловъ на гауптвахтахъ и по сопровожденію арестованныхъ. Военная гауптвахта, — я объ ней дальше буду говорить подробнѣе, — по моему глубокому убѣжденію, гнойная язва арміи. Обитатели гауптвахты — экстрактъ испорченности и развращенности. Нести службу караулу на гауптвахтѣ въ высшей степени тяжело, — со стороны содержащихся на гауптвахтѣ караулъ и его чины встрѣчаютъ самое невозможное отношеніе, ибо интересы гауптвахтнаго населенія совершенно идутъ въ разрѣзъ съ требованіями порядка, которымъ служитъ караулъ; караулъ видитъ безобразныя картины разнузданности, часто слышитъ ругань по отношенію къ себѣ, всегда видитъ стремленіе арестованныхъ вырвать себѣ незаконную долю поблажекъ, и постоянно долженъ быть готовъ къ тому, что тотъ или иной арестованный постарается убѣжать. Бѣгать арестованные умѣютъ ловко, и если окажется, что конвойный или караульный по простодушію, по довѣрчивости, чего-либо не досмотрѣлъ, — онъ будетъ отвѣчать, а наказанія за упускъ арестованныхъ серьезныя. Искренно высказалъ-бы я пожеланіе, чтобы обязанность по охранѣ и сопровожденію арестованныхъ, по крайней мѣрѣ въ мирное время, была-бы снята съ войсковыхъ строевыхъ частей и была-бы передана въ вѣдѣніе спеціальныхъ командъ, которыя-бы больше спеціализировались на этомъ дѣлѣ и сумѣли-бы испорченности и наглости арестованныхъ противопоставить твердые и внушительные пріемы обращенія.

Говоря о способахъ и формахъ борьбы съ преступленіями въ арміи, я, естественно, могъ-бы коснуться и организаціи и дѣятельности военно-судебнаго аппарата, предназначеннаго служить дѣлу борьбы съ преступленіями путемъ наказаній виновныхъ, но этотъ вопросъ и связанный съ нимъ вопросъ о системѣ и характерѣ примѣняемыхъ въ военномъ вѣдомствѣ, по суду, наказаній, являются слишкомъ спеціальными и могутъ составлять предметъ лишь спеціальныхъ научныхъ трактатовъ, и потому вводить эти вопросы въ содержаніе настоящихъ моихъ записокъ я не считаю возможнымъ. Но я считаю вполнѣ умѣстнымъ и необходимымъ остановиться на другой формѣ примѣняемаго въ арміи карательнаго воздѣйствія — на дисциплинарныхъ взысканіяхъ, т. е. на наказаніяхъ, налагаемыхъ безъ суда, властью начальства.

По существу своему, дисциплинарное взысканіе есть мѣра воспитательная, и поэтому я считаю, что именно въ интересахъ воспитанія ими слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно. Положеніе нашего дисциплинарнаго устава, что „начальникъ не долженъ оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія“, врядъ-ли можно признать выраженіемъ правильнаго взгляда: при буквальномъ толкованіи, — какъ это часто замѣчается на практикѣ, — это положеніе устава приводитъ къ чисто-механическому примѣненію дисциплинарныхъ взысканій къ каждому проступку или упущенію. Развѣ такое примѣненіе взысканій есть правильная воспитательная мѣра? Я лично считаю, что никакой механичности въ дѣлѣ воспитанія допущено быть не можетъ, и механическое примѣненіе дисциплинарныхъ взысканій совершенно лишитъ ихъ всякаго воспитательнаго значенія. Я считаю, что, напр., при первомъ проступкѣ никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ дисциплинарному взысканію, — довольно внушенія, серьезнаго разговора; самолюбивому человѣку лучше простить первую вину, онъ это скорѣе оцѣнитъ; при новомъ проступкѣ и то еще часто можно обойтись безъ наказанія или ограничиться минимальнымъ, лишь-бы оттѣнить въ сознаніи виновнаго недопустимость такого поведенія, и только уже если эти мѣры окажутся не-

достаточными, придется для послѣдующихъ случаевъ прибѣгнуть къ взысканію, но тогда уже надо дать почувствовать виновному, что онъ оказывавшагося ему довѣрія не заслуживаетъ, и оттѣнить ему значеніе взысканія не какъ извѣстной формальной мѣры, а именно какъ наказанія.

Переходя затѣмъ къ самымъ формамъ дисциплинарныхъ взысканій, я опредѣленно возражаю противъ широкаго примѣненія, въ качествѣ этой мѣры, ареста. По уставу, арестъ, какъ дисциплинарное взысканіе, установленъ и для солдатъ всѣхъ категорій и для офицеровъ, и даже для штабъ-офицеровъ. Для офицеровъ, кромѣ того, арестъ на гауптвахтѣ до 6 мѣсяцевъ можетъ быть примѣненъ и въ качествѣ наказанія по суду; для солдатъ арестъ устанавливается и какъ замѣна одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ. Разсмотрю вопросъ объ арестѣ отдѣльно въ отношеніи солдатъ и въ отношеніи офицеровъ.

Арестъ для солдатъ, какъ дисциплинарное взысканіе, долженъ былъ-бы разсматриваться, какъ средство воспитанія, а между тѣмъ на все время ареста солдатъ выходитъ изъ сферы наблюденія своего начальства и при этомъ сидитъ въ полномъ бездѣйствіи, на служебныя занятія не ходитъ, нарядовъ не несетъ; если уставъ и допускаетъ, для простого ареста, исполненіе солдатами, „по усмотрѣнію начальства", служебныхъ обязанностей, то практически, — въ виду, повидимому, затруднительности передъ каждыми занятіями освобождать солдата изъ-подъ ареста и послѣ занятій снова препровождать его подъ арестъ, — это никогда не исполняется. Такимъ образомъ, для воспитанія, для образованія, для пріученія солдата къ служебной исправности, это время совершенно пропадаетъ, — солдатъ бездѣльничаетъ. Затѣмъ, самый фактъ арестованія это, безусловно, извѣстный позоръ, ударъ по самолюбію, и ударъ нездоровый, вызывающій самую нежелательную реакцію: „меня подъ арестъ? ну, что-же, ну и отсижу, не велика бѣда!" — и уже незамѣтно, съ этимъ рѣшеніемъ, въ человѣкѣ надламывается самое дорогое, что въ немъ надо культивировать, — здоровое самолюбіе, уваженіе къ себѣ, — а потерялъ человѣкъ здоровое самолюбіе,

много тѣмъ самымъ разрушено для него сдерживающихъ преградъ; за первымъ арестомъ человѣкъ уже много легче будетъ смотрѣть и на второй, — страха большого передъ арестомъ нѣтъ, а самолюбіе уже страдать перестало. Затѣмъ, посмотрите, сколько унизительнаго въ самой обстановкѣ ареста! Первый такой моментъ — обыскъ при вступленіи на гауптвахту. Посмотрите, затѣмъ, на картину, когда арестованнаго куда-нибудь выводятъ въ сопровожденіи караульнаго съ винтовкой! Солдата, — и, въ сущности, не во многомъ виноватаго, если онъ арестованъ только въ дисциплинарномъ порядкѣ, — сопровождаетъ съ винтовкой его-же товарищъ солдатъ; посмотрите на лицо этого арестованнаго и Вы увидите на немъ или выраженіе стыда, или выраженіе озлобленія, — и повѣрьте, что эти, какъ бы случайно подмѣченныя Вами, чувства оставятъ, въ дѣйствительности, и надолго, глубокій слѣдъ въ томъ, кто ихъ въ такой обстановкѣ испытаетъ. А Вы думаете, что и для караульныхъ это все проходитъ безслѣдно? Относятся-ли они совершенно холодно и безразлично къ тому, что имъ приходится запирать, караулить и выводить съ винтовкой своего-же товарища солдата? — вѣдь и въ нихъ въ это время живетъ или чувство извѣстной обиды за товарища, или чувство нездороваго раздраженія противъ него! Все это еще болѣе обостряется, если арестованнымъ является унтеръ-офицеръ. Не говоря уже о томъ, что долженъ онъ испытывать, когда его караулятъ или съ винтовкой сопровождаютъ рядовые, — нельзя-же не учитывать, насколько всей этой обстановкой разрушается его служебный авторитетъ! Какъ онъ вернется въ свою роту, къ своимъ подчиненнымъ солдатамъ, если тѣ знаютъ, въ какой обстановкѣ онъ только-что содержался подъ арестомъ, а можетъ быть, и сами въ томъ-же караулѣ слѣдили за нимъ, какъ за арестованнымъ, выводили его съ винтовкой и т. д.? Ставить унтеръ-офицера въ такое положеніе, это значитъ совершенно расшатывать его авторитетъ, который имѣетъ громадное значеніе для его воспитательной роли въ арміи. Наконецъ, въ чемъ-же, собственно, исправительное, воспитательное значеніе ареста? Если арестъ назначается въ одиночномъ карцерѣ, то его еще можно

разсматривать, какъ наказаніе въ томъ смыслѣ, что виновный отрывается отъ привычной ему обстановки, что онъ оторванъ отъ людей, что ему скучнѣе, что ему не съ кѣмъ поболтать, посмѣяться, — такое карательное воздѣйствіе, все-таки, имѣетъ извѣстное исправительное значеніе и, во всякомъ случаѣ, не носитъ въ себѣ ничего разлагающаго, ибо не вводитъ арестованнаго въ общество еще болѣе порочныхъ элементовъ. Но что представляетъ изъ себя арестъ въ общей камерѣ? Кромѣ всѣхъ прочихъ отрицательныхъ сторонъ ареста, — именно, что солдатъ выходитъ изъ-подъ контроля начальства, на служебныя занятія не ходитъ, ни работъ, ни служебныхъ нарядовъ не несетъ, бездѣльничаетъ, — самое его пребываніе въ этомъ бездѣльи въ общей компаніи съ другими имѣетъ, безусловно, разлагающее вліяніе, ибо въ массѣ такихъ бездѣльничающихъ людей представленіе объ этомъ арестѣ, какъ о наказаніи, совершенно уничтожается, а вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ во всей своей силѣ растлѣвающее вліяніе порочной среды.

Чтобы понять этотъ вопросъ во всемъ его значеніи, надо только присмотрѣться внимательно къ жизни и нравамъ общей камеры, положимъ, гарнизонной гауптвахты. Эта камера живетъ своею, уже извѣстнымъ образомъ сложившейся, жизнью. Тутъ есть и главари, руководители, обыкновенно изъ арестованныхъ послѣдственныхъ или подсудимыхъ, есть и нѣсколько къ нимъ приближенныхъ и, благодаря этому, пользующихся также извѣстнымъ вліяніемъ, а вся остальная масса держитъ тонъ извѣстнаго рода почтенія передъ ними и только нѣсколько человѣкъ изъ этой массы какъ-то мало къ нимъ подходятъ и всегда являются страдательными лицами, — ихъ бранятъ, надъ ними смѣются. Все это населеніе камеры уже присмотрѣлось къ порядкамъ гауптвахты, уже, по традиціи, враждебно относится и къ завѣдующему гауптвахтой офицеру и къ карауламъ, а въ особенности къ караульнымъ унтеръ-офицерамъ и къ начальникамъ карауловъ. Послушайте, Вы ихъ разговоры, — вѣдь это сплошное бахвальство своей разнузданностью, человѣкъ даже преувеличиваетъ свой проступокъ, чтобы показаться „молодцомъ“ и, чѣмъ хлеще, циничнѣе, онъ про него разскажетъ, тѣмъ

больше онъ услышитъ одобренія, и этимъ удовлетворяется его „самолюбіе“ и онъ даже имѣетъ шансы выдвинуться на положеніе „приближенныхъ“. Вотъ и представьте себѣ теперь положеніе скромнаго, въ общемъ хорошаго, солдата, который за какую-нибудь, скажемъ, служебную неисправность, — хотя-бы, положимъ, и по суду, въ видѣ замѣны военной тюрьмы, — попадаетъ въ такую камеру. Его встрѣтятъ, какъ новаго, — все-таки, „съ воли“! Спроситъ-ли его кто-нибудь: „что-же это ты, братъ, такъ промахнулся? развѣ ты не зналъ, что этого не надо было дѣлать?“ — Повѣрьте, такъ никто не спроситъ, а если онъ искренно разскажетъ, въ чемъ провинился, онъ услышитъ: „Э, братъ, это что! — вотъ я...! а чего на нихъ смотрѣть? ну ихъ къ черту всѣхъ!“ и въ такомъ смыслѣ пойдутъ и дальнѣйшіе разговоры, — и скажите сами, — что можетъ быть исправительнаго въ такомъ заключеніи? — Для иллюстраціи, что даетъ изъ себя гауптвахтная среда, приведу два случая.

Въ 1903 году, будучи защитникомъ въ выѣздной сессіи суда въ Орлѣ, я долженъ былъ защищать солдата Ще-кова, обвинявшагося въ третьей кражѣ, — у него было найдено шесть или семь краденыхъ часовъ. Онъ содержался на Орловской городской гауптвахтѣ. Я переговорилъ съ нимъ передъ судомъ, — впечатлѣніе онъ производилъ обыкновеннаго мелкаго воришки, — и я посовѣтовалъ ему признаться въ кражѣ. Началось судебное засѣданіе, онъ съ конвойными стоитъ около моего стола. Только-что предсѣдатель сталъ его спрашивать объ имени, фамиліи и т. д., происходитъ необычная сцена: Ще-ковъ падаетъ на колѣни, изъ глазъ льются слезы, онъ бьетъ себя въ грудь, вопитъ: „Ваше Превосходительство, казните меня, накажите меня, я воръ, я мошенникъ, казните меня!“ Я совершенно вышелъ изъ себя: какое нахальное притворство! да еще, пожалуй, подумаютъ, что это я, защитникъ, подучилъ его разыграть такую безобразную сцену! — „Встань сейчасъ“, говорю ему, „какъ тебѣ не стыдно!“ — но онъ не унимается и, къ удивленію своему, замѣчаю, что предсѣдательствующій вѣритъ въ искренность такого покаянія. На слѣдующій день я пришелъ на гауптвахту, —

Ще-ковъ встрѣчаетъ меня довольный; я начинаю упрекать его за безобразную сцену, а онъ мнѣ цинично отвѣчаетъ: „А что-же, В. В-іе, все-таки, я думаю, это помогло“, — и тутъ-же еще снахальничалъ: „В. В-іе, а вотъ тамъ при дѣлѣ есть седьмые часы, про нихъ ничего въ дѣлѣ не сказано, у кого я ихъ укралъ, — такъ стало быть, они мои, нельзя-ли ихъ мнѣ получить обратно?“ — а часы были, какъ всѣ ворованные, съ отвернутымъ колечкомъ. — Вотъ примѣръ гауптвахтнаго обитателя, и если не гауптвахта такъ его воспитала, такъ какъ онъ и до службы былъ воришка и очевидный нахалъ, то хорошее-же вліяніе онъ окажетъ на другихъ заключенныхъ!

Другой примѣръ, пожалуй, еще интереснѣе. Я уже былъ въ 1904 году въ томъ-же Орлѣ и. д. слѣдователя и мнѣ пришлось производить слѣдствіе о рядовомъ А-евѣ, по ремеслу — булочникъ изъ Москвы. Какъ разъ въ страстную пятницу прихожу на гауптвахту для допросовъ. Вызываю обвиняемаго, — говоритъ какъ сумасшедшій, придется, значитъ, устанавливать, дѣйствительно-ли душевно-больной, или симулянтъ. Отпустилъ его, вызываю свидѣтеля; „Вамъ угодно меня видѣть? Очень радъ, къ Вашимъ услугамъ! Не правда-ли, хорошая гостиница! Вы довольны?“ — Ясно, симулируетъ сумасшествіе. Вызываю третьяго, — тоже сумасшедшій, четвертый — тоже. Несомнѣнно, сговоръ, подучилъ ихъ кто-то. Конечно, я прервалъ слѣдствіе и черезъ нѣсколько часовъ вся эта милая компанія должна была разстаться другъ съ другомъ, — ихъ, по моему настоянію, перевели въ отдѣльныя камеры губернской тюрьмы. Три дня я къ нимъ не заходилъ, на третій день праздника зашелъ, — всѣ уже здоровы, только, видимо, А-еву не хотѣлось разставаться съ своей ролью. Такъ какъ я уже послѣ перваго его допроса пригласилъ врача-эксперта для его освидѣтельствованія, я рѣшилъ это освидѣтельствованіе довести до конца. Однимъ изъ главныхъ пріемовъ слѣдователя при такомъ изслѣдованіи, — какъ мнѣ настойчиво указывалъ П. И. Якобій, — является самая детальная запись того, что говоритъ свидѣтельствуемый о своей болѣзни, — уже по этому описанію можно безошибочно судить, больной-ли передъ

Вами, или симулянтъ. Я имѣлъ терпѣніе такъ и провести его допросъ. Чего онъ только не говорилъ! Ясно было видно, что онъ старается показать себя такимъ, какимъ вообще представляетъ себѣ сумасшедшаго; дошелъ, конечно, и до чертей. „И чертей видишь?“..— „Вижу!“ — „Какіе-же, большіе?“ — „И большіе и маленькіе“ — „Черные?“ — „И черные и бѣлые“ — и все это я записываю, а онъ, вижу, уже доволенъ, — вотъ, дескать, какъ хорошо, всему вѣритъ слѣдователь. Въ тотъ-же день была произведена и судебно-медицинская экспертиза: врачъ-экспертъ, младшій полковой врачъ, которому я показалъ весь свой протоколъ допроса, къ удивленію моему, по освидѣтельствованіи, далъ заключеніе, что это, несомнѣнно, душевно-больной. Я попросилъ врача обосновать свое заключеніе подробно, и тогда стало ясно, что врачъ совсѣмъ не компетентенъ и запутался въ противорѣчіяхъ. Я, безусловно видя, что обвиняемый симулянтъ, рѣшилъ игнорировать данное заключеніе врача и дать дѣлу нормальный ходъ, составилъ мотивированное постановленіе и сталъ предъявлять слѣдствіе обвиняемому. Когда я дошелъ до заключенія врача, — надо было видѣть удовольствіе на лицѣ обвиняемаго! но когда я ему объявилъ свое постановленіе, что не считаю его душевно-больнымъ и даю направленіе дѣлу въ обыкновенномъ порядкѣ, лицо его выразило полное недоумѣніе. „А какъ-же“, говоритъ, „докторъ призналъ, что я душевно-больной?“ — Я ему разсказалъ, почему считаю его симулянтомъ, и послѣ этого онъ меня спросилъ: „В. В-іе, а что мнѣ за все это будетъ?“ — „Да года 2-3 дисциплинарнаго батальона“, отвѣтилъ я. — „Покорно благодарю!“ — и выздоровѣлъ. Вся эта исторія — типичное порожденіе гауптвахты. Опредѣленно и убѣжденно говорю, что общее заключеніе на гауптвахтахъ оказываетъ такое растлѣвающее дѣйствіе, что его не только нельзя считать за воспитательное средство, а приходится признать, какъ одно изъ самыхъ разлагающихъ явленій въ военномъ быту.

Отвергая, такимъ образомъ, желательность примѣненія къ солдатамъ ареста, какъ дисциплинарнаго взысканія, я, естественно, ожидаю вопросъ: „а чѣмъ-же его можно замѣнить?“ Отвѣчу опредѣленно: остальными

мѣрами, предусматриваемыми нашимъ дисциплинарнымъ уставомъ: воспрещеніемъ отлучки со двора, назначеніемъ не въ очередь въ нарядъ на службу или на работы, лишеніемъ ефрейторскаго или унтеръ-офицерскаго званія, смѣщеніемъ на низшія степени или должности. Каждая изъ этихъ мѣръ ясна по своему значенію. Конечно, назначеніе не въ очередь въ нарядъ на службу не должно быть наказаніемъ, назначаемымъ за какой угодно проступокъ, — служебный нарядъ не долженъ являться наказаніемъ, а можетъ быть примѣненъ лишь, какъ мѣра воспитательная за неисправное исполненіе нарядовъ: за неисправное дневальство — лишнее дневальство, за неисправное исполненіе караульной службы — лишній караулъ; за неисправности общаго характера, лѣнь, уклоненіе, — лишніе наряды на работы. Мнѣ, можетъ быть, затѣмъ возразятъ, что такія дисциплинарныя мѣры, какъ лишеніе унтеръ-офицерскаго званія или смѣщеніе на низшія должности, также имѣютъ характеръ удара по самолюбію? — Несомнѣнно, но это ударъ иного рода, чѣмъ арестъ, это не ударъ по личному достоинству, а указаніе на несоотвѣтствіе виновнаго, по его поведенію, его служебному положенію, и всякій понижаемый такъ и пойметъ, что его понизили или лишили унтеръ-офицерскаго званія въ виду невозможности, послѣ его проступка, оставить въ прежнемъ положеніи начальствующаго или поставленнаго къ отвѣтственной должности.

Переходя теперь къ вопросу о допустимости или недопустимости наказанія арестомъ на гауптвахтѣ для офицеровъ, я прежде всего укажу на нецѣлесообразность отрывать офицера, нужнаго для службы, отъ служебнаго дѣла и переводить его на бездѣлье. Но есть, конечно, и еще болѣе серьезныя возраженія противъ ареста офицеровъ на гауптвахтѣ. Арестъ, какъ ударъ по самолюбію, если чувствителенъ для солдатъ, то долженъ быть безконечно болѣе тяжелымъ для офицера, который долженъ быть именно носителемъ незапятнаннаго офицерскаго достоинства. Я лично, вступая въ армію офицеромъ, опредѣленно рѣшилъ, что, если-бы мнѣ когда-либо случилось попасть подъ арестъ, я немедленно ушелъ-бы со службы. Офицеръ долженъ быть автори-

тетомъ для солдатъ, — съ какими-же глазами онъ явится передъ солдатами послѣ ареста? А самая обстановка ареста? — у офицера отбирается оружіе и ставится подъ знаменами или у начальника части; цѣли такого демонстративнаго отобранія и выставленія оружія я никогда не понималъ, — вѣдь можно-же было-бы просто оставить оружіе на квартирѣ; офицеръ помѣщается на гауптвахтѣ подъ надзоромъ солдатъ, — и развѣ это не поводъ, чтобы солдаты, между собой, надъ нимъ смѣялись? При длительномъ содержаніи офицеру разрѣшается выходить на воздухъ, — но куда? — на платформу передъ гауптвахтой! — и всѣ мы видали, какъ на этой платформѣ, гдѣ стоитъ и часовой и часто сидятъ свободные караульные, сидитъ на вынесенномъ стулѣ офицеръ, а то и два-три; а вѣдь гауптвахта обыкновенно находится на одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣстъ города, и вся проходящая публика любуется такой картиной! Прямо даже вспоминать непріятно, а учтите Вы всѣ вредныя послѣдствія отъ этого для авторитета офицера и, думаю, вполнѣ согласитесь, что такая форма ареста и унизительна для офицера и крайне вредна для интересовъ должныхъ служебныхъ отношеній въ арміи между офицерами и солдатами. А вѣдь мы знаемъ, что иногда отдѣльные офицеры и по нѣсколько разъ сидятъ на гауптвахтахъ, и мы видали, что нѣкоторые изъ нихъ даже съ извѣстной развязностью выходятъ на такую прогулку на глаза широкой публикѣ, — и страшно становится, и хочется спросить: „да сохранили-ли эти офицеры офицерское достоинство?“ — Поэтому я рѣшительно и безъ обиняковъ говорю, что арестъ офицера на гауптвахтѣ ни въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, ни въ видѣ наказанія по суду, абсолютно, совершенно недопустимъ. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, и въ отношеніи офицеровъ могутъ быть примѣнены въ качествѣ дисциплинарныхъ взысканій только тѣ мѣры, которыя не сопряжены съ арестомъ, т. е. выговоръ, неудостоеніе къ производству на вакансіи или за выслугу лѣтъ, удаленіе отъ должности или командованія частью. Заключеніе офицера, въ видѣ наказанія, подъ стражу, даже и по суду, по моему мнѣнію, возможно только одновременно съ лишеніемъ офицер-

скаго званія, или, по крайней мѣрѣ, съ исключеніемъ изъ дѣйствительной службы.

Но, при такомъ отрицательномъ моемъ отношеніи къ аресту офицеровъ и солдатъ, естественно, могутъ возникнуть вопросы: какъ-же быть въ томъ, напр., случаѣ, если солдатъ буйствуетъ? какъ-же поступить въ томъ случаѣ, если на офицера или солдата возникло обвиненіе въ тяжеломъ преступленіи и немедленное заключеніе его подъ стражу является необходимой мѣрой воспрепятствовать ему уклониться отъ слѣдствія и суда? — На это отвѣчу: буйствующаго солдата можно посадить въ карцеръ, но это не есть мѣра наказанія, а лишь мѣра временнаго физическаго усмиренія, и на самолюбіе она не подѣйствуетъ унижающе, и самъ солдатъ на нее посмотритъ какъ на мѣру необходимую въ интересахъ общаго порядка, — но, пройдетъ буйство, — и его дальше задерживать въ карцерѣ не надо, а за проступокъ надо примѣнить другое взысканіе. Затѣмъ, я вполнѣ допускаю возможность ареста какъ экстренной рѣшительной мѣры для прекращенія какого-либо рѣзкаго эксцесса, для ликвидаціи какого-либо назрѣвающаго преступнаго выступленія, съ цѣлью немедленной изоляціи агитаторовъ и т. д. Что-же касается ареста, какъ иногда необходимой мѣры воспрепятствовать обвиняемому скрыться отъ судебнаго преслѣдованія, то отрицать допустимость этой мѣры и въ отношеніи солдатъ и въ отношеніи офицеровъ нельзя, но, во 1-хъ, къ ней надо прибѣгать только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, а во 2-хъ, арестъ въ такомъ случаѣ долженъ быть одиночный или, во всякомъ случаѣ, съ самымъ тщательнымъ подборомъ сожителя по камерѣ, и притомъ въ спеціальныхъ мѣстахъ заключенія, устроенныхъ и охраняемыхъ такъ, чтобы они не содержали въ себѣ отрицательныхъ чертъ гауптвахты; если даже окажется, что выдержавшій такое предварительное заключеніе будетъ признанъ по суду невиновнымъ, то все-же онъ явится въ часть не опороченнымъ самой обстановкой заключенія, а оправдательный судебный приговоръ сниметъ съ него подозрѣніе въ отсутствіи чести и достоинства.

Заканчивая этимъ свои наблюденія и мысли о жизни арміи въ мирное время и о возможныхъ мѣрахъ

борьбы съ отрицательными явленіями этой жизни, повторяю, что умѣлыми комбинированными дѣйствіями въ сферѣ общаго и воинскаго воспитанія, въ сферѣ возможнаго предупрежденія преступленій и въ области наказаній виновныхъ можно достичь значительнаго пониженія преступности, и это не только благопріятно отозвалось-бы на самомъ достоинствѣ арміи и очень многихъ спасло-бы отъ тяжелыхъ, связанныхъ съ преступленіями, послѣдствій, но имѣло-бы и въ дальнѣйшемъ громадное значеніе въ виду той роли, которую играетъ армія въ общемъ дѣлѣ народнаго воспитанія. Если при прохожденіи черезъ ряды арміи $^1/_3$ части всего мужского населенія Россіи въ возрастѣ, являющемся переходнымъ къ полной духовной зрѣлости, армія людямъ, еще духовно-несформировавшимся, дастъ правильныя основы обще-гражданскаго воспитанія, привьетъ имъ здоровые государственные, національные и общественные принципы, людей колеблющихся, неустойчивыхъ, раціональнымъ воспитаніемъ и надзоромъ удержитъ отъ скользкихъ, затягивающихъ путей порока, а людей уже пошатнувшихся поставитъ, путемъ цѣлесообразно примѣненнаго карательнаго воздѣйствія, на путь достойной, честной жизни, — то армія, хранительница чести и достоинства государства, станетъ и великимъ факторомъ его внутренняго культурнаго строительства.

Въ заключеніе не могу не подѣлиться однимъ изъ своихъ очень яркихъ впечатлѣній, относящихся къ тому-же періоду, — именно впечатлѣніемъ и данными, полученными при неоднократномъ моемъ посѣщеніи одного исключительно интереснаго по своей организаціи учрежденія, — Орловской земской психіатрической больницы, т. наз. „Кишкинки“. Конечно, посѣщеніе этой больницы не только представляло для меня интересъ по яркости совершенно своеобразныхъ, проходящихъ тамъ передъ глазами картинъ жизни этого особаго міра, но, главнымъ образомъ, опредѣлялось желаніемъ близко и серьезно познакомиться съ различными формами душев-

ныхъ болѣзней въ ихъ непосредственномъ, наиболѣе яркомъ проявленіи. Юристъ-практикъ долженъ знать и понимать всю жизнь, долженъ знать и понимать всего человѣка, отъ высокихъ идейныхъ движеній человѣческаго духа до самыхъ глубокихъ изломовъ преступной мысли, отъ нормально-развитыхъ чувствованій здороваго человѣка до уродливо-извращенной психики душевнобольного. Знакомство съ основными формами душевныхъ болѣзней всегда необходимо юристу въ его практикѣ, и, конечно, даже самый лучшій учебникъ судебной психопатологіи, при массѣ своего научнаго матеріала, не исключаетъ цѣнности и необходимости непосредственнаго ознакомленія съ душевными болѣзнями въ ихъ жизненномъ индивидуальномъ проявленіи. Посѣщенія „Кишкинки" дали мнѣ въ этомъ отношеніи, — благодаря исключительной любезности ея директора П. И. Якобія, и его сотрудниковъ-врачей, — незамѣнимый матеріалъ. Глубоко благодаренъ имъ за тѣ широкія научныя и практическія указанія и разъясненія, которыя они мнѣ дали въ этой исключительно интересной и серьезной области.

„Кишкинка" — имѣніе, подаренное орловскимъ помѣщикомъ Кишкинымъ Орловскому земству для устройства психіатрической больницы. Находится оно въ 9 верстахъ отъ Орла. На пространствѣ 86 десятинъ построено 15-20 двухъэтажныхъ и одноэтажныхъ домовъ, разбросанныхъ въ перелѣскахъ, на полянахъ, среди огородовъ. Никакой особой ограды „Кишкинка" не имѣетъ, владѣнія ея соприкасаются съ окружающими деревнями и имѣніями. На всемъ этомъ пространствѣ живутъ на полной свободѣ душевно-больные. Въ моменты, когда мнѣ случалось тамъ бывать, ихъ было по 380-400 человѣкъ. Больные въ двухъэтажныхъ домахъ размѣщены по 25 человѣкъ въ большой комнатѣ каждаго этажа, и на каждую такую комнату только по одной надзирательницѣ, — дама или барышня, имѣющая тутъ-же комнату. Эти надзирательницы — истинно самоотверженныя женщины, отдавшія себя великому дѣлу помощи душевно-больнымъ, — день изо дня, годами, живутъ онѣ въ этомъ страшномъ мірѣ, часто въ опасности и всегда съ ровнымъ, спокойнымъ и ласковымъ отношеніемъ къ

больнымъ, — на нихъ и держится весь режимъ этого учрежденія; мужская прислуга только для болѣе трудныхъ физическихъ работъ. Леченіе больныхъ — только лаской и вниманіемъ; иногда только для успокоенія буйствующихъ теплая ванна; за малѣйшее насиліе надъ больнымъ виновные изъ прислуги немедленно увольняются. Привезли въ больницу душевно-больную изъ деревни, — привязана къ телѣгѣ, руки связаны назадъ. Др. Якобій велѣлъ ее немедленно развязать, — привезшіе не соглашаются, эта женщина кусается; наконецъ, по его требованію, ее развязываютъ: она бросается на Др. Якобія, впивается зубами ему въ руку около плеча, а сама изъ-подлобья смотритъ ему въ лицо и все больше и больше стискиваетъ зубы; онъ только гладитъ ее по головѣ, говоритъ ласково; она постепенно успокаивается; потомъ уже, выздоравливая, она помнитъ этотъ моментъ и говорила, что именно тогда она чувствовала, что ей становится легче. Вся система леченія основана на томъ, что больные совершенно не знаютъ, ни того, что это больница для душевно-больныхъ, ни того, что онъ самъ душевно-больной, — каждый изъ нихъ думаетъ, что онъ боленъ какой-либо внутренней болѣзнью, — болѣзнью сердца, печени, — но что среди другихъ больныхъ есть и душевно-больные, которые требуютъ къ себѣ особаго вниманія, которымъ нужно помогать, и каждый больной пріучается, какъ нужно съ такими больными обращаться. Вы видите, какъ бьется въ припадкѣ эпилептикъ, а за нимъ внимательно и умѣло ухаживаютъ другіе душевно-больные. Человѣкъ непосвященный сразу можетъ и не замѣтить, что онъ находится среди душевно-больныхъ, развѣ только сразу попадетъ на такую картину: мужикъ лѣтъ 35-ти съ особымъ усердіемъ дѣлаетъ гимнастику, присѣдаетъ, прыгаетъ и все твердитъ: „Аполитъ (— его имя Ипполитъ), надѣлъ аполетъ, митрополитъ". Въ дѣйствительности-же Вы совершенно окружены тамъ душевно-больными, даже у Др. Якобія кучеръ, съ которымъ онъ ѣздитъ и въ городъ, сумасшедшій, убійца, кухарка — сумасшедшая, горничная — сумасшедшая, убійца. Бывали, конечно, и оригинальные моменты. Входимъ мы, напр., въ одну изъ общихъ комнатъ: вниманіе всѣхъ устремлено на насъ,

и видимъ, что изъ дальняго угла комнаты на насъ несется съ кулаками громадный дѣтина, брюнетъ, лѣтъ 35-37, съ широкой красивой бородой, блѣдный, несется безъ звука; въ такихъ случаяхъ лучше всего поразить неожиданностью: я оказался къ нему ближе всѣхъ и, какъ только онъ подбѣжалъ, я протянулъ ему руку и сказалъ: „здравствуй“; онъ совершенно опѣшилъ, подалъ мнѣ руку, пожалъ, ничего не сказалъ; кончилось благополучно, но могло быть и иначе; только что мы вышли, слышимъ намъ вслѣдъ изступленный крикъ: „душегубы, кровопійцы, душегубины, за что человѣка держите?“ — и тотъ-же самый дѣтина съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ глядитъ намъ вслѣдъ въ окно, а другіе его держатъ. Зашли мы тогда-же въ столярную мастерскую: маленькая комната, посрединѣ станки, тамъ работаетъ человѣка четыре; одинъ изъ нихъ жизнерадостный, привѣтливый, рыженькій мужичокъ радостно насъ встрѣчаетъ, бѣгаетъ отъ одного къ другому вокругъ станковъ „по-солнышку, по-солнышку“, жметъ намъ руки, а другой, видимъ, съ весьма непривѣтливымъ видомъ, взялъ топоръ и остановился у выходной двери, глаза острые, злые, — а дверь одна; надо выходить, а показать, что его опасаемся, нельзя, — осторожно, одинъ за другимъ, вышли; потомъ, отчасти, это стало понятно, — больныхъ всегда раздражаютъ яркіе цвѣта, а при этомъ посѣщеніи мы втроемъ, кромѣ доктора, были въ бѣлыхъ кителяхъ.

Женскія отдѣленія производятъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, — тамъ все больше слышатся жалобы, — „держатъ здѣсь, мышьякомъ кормятъ, всѣ зубы вывалились, — скажите тамъ, ради Бога, губернатору, чтобъ велѣлъ меня выпустить“, — но есть и интересные разговоры, сколько и какихъ знатныхъ онѣ имѣли жениховъ.

Очень интересное явленіе представлялъ нѣкто Ад-ичъ, бывшій старшій нотаріусъ окружнаго суда. Жилъ онъ въ отдѣльномъ флигелѣ изъ двухъ комнатъ, съ прислугой, около дома раздѣланный имъ самимъ прекрасный цвѣтничекъ, — родные присылаютъ большія средства на его содержаніе. Пригласилъ онъ насъ къ себѣ, угостилъ кофе, предложилъ сигары, въ разговорѣ

очень привѣтливъ; „23 года сижу въ этомъ домѣ безумія!“ говоритъ онъ, но по разговору его Вы не сразу угадаете, что это душевно-больной; только когда онъ перешелъ на свой любимый евангельскій текстъ: „первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе да будутъ первыми!“ — можно было видѣть характерные изломы его мысли. Онъ прекрасно знаетъ Евангеліе, цитируетъ цѣлыми страницами; говорили, что, когда его однажды посѣтилъ Л. Н. Толстой, Ад-ичъ нѣсколько разъ побѣждалъ его въ знаніи евангельскихъ текстовъ. Очень интересно то, что Ад-ичъ за 2-3 года передъ тѣмъ, по собственной инициативѣ, образовалъ кассу помощи выходящимъ изъ больницы душевно-больнымъ, — въ этой кассѣ приняли участіе врачи и нѣкоторые родственники больныхъ, — самъ велъ всю отчетность по этой кассѣ и уже за то время нѣкоторымъ, вышедшимъ изъ больницы помощь была оказана.

Особенно сильное впечатлѣніе оставила комната, въ которую были помѣщены лишь недавно прибывшіе душевно-больные, находившіеся подъ спеціальнымъ наблюденіемъ. Меня одного туда провелъ молодой врачъ. Началось съ курьеза. Только что мы вошли, къ намъ подошелъ мужчина лѣтъ 32, крѣпкій, здоровый: „Позвольте представиться, такой-то, дорожный мастеръ! Ваше имя и отчество?“ Я сказалъ. Онъ меня взялъ подъ-руку и повелъ по комнатѣ. „Господа, позвольте представить, — такой-то (называетъ меня)“. На обитателей комнаты это произвело самое разнообразное впечатлѣніе: одинъ моментально бросился въ уголъ между стѣной и кроватью, съежился, старается скрыться, втягивая голову въ плечи, закрывая ее руками, другой, — мальчикъ лѣтъ 20-22, — сползаетъ съ кровати на полъ на колѣна, онъ весь разслабленный, и съ блаженнымъ лицомъ пытается схватить меня за руку, показывая выраженіемъ губъ и рукъ, что хочетъ цѣловать руки и ноги; третій гордо, съ сознаніемъ своего величія, смотритъ на насъ. Долго старался докторъ освободить меня отъ привѣтливаго дорожнаго мастера, наконецъ, какъ-то удалось. На-скоро докторъ мнѣ шепнулъ: „Смотрите на того, который лежитъ въ углу, и скорѣе выходите!“ Я взглянулъ: на кровати, въ углу, лежитъ,

закрывшись туго одѣяломъ до подбородка, мужчина лѣтъ 30-32, блондинъ, съ блѣднымъ веснущатымъ лицомъ, ничего особеннаго лицо не представляетъ. Только что мы вышли за дверь, вслѣдъ намъ въ дверь полетѣлъ табуретъ, брошенный, очевидно, съ страшной силой и очень мѣтко; докторъ объяснилъ мнѣ, что это бросилъ именно тотъ, который такъ тихо лежалъ въ углу; его съ большимъ вниманіемъ изучаютъ доктора и, въ сущности, еще не опредѣлили характеръ болѣзни; онъ лежитъ спокойно цѣлыми днями и пока проявилъ только одну особенность, — какъ только начнетъ мигать, немедленно затѣмъ слѣдуетъ какая-нибудь буйная выходка, и послѣ этого онъ опять моментально успокаивается и переходитъ въ свое безразличное состояніе; докторъ оттого и вывелъ меня, что замѣтилъ, что тотъ началъ мигать.

Многому можно научиться въ этомъ мірѣ ужаса и страданія.

II

Съ началомъ Русско-Японской войны, въ первыхъ числахъ февраля 1904 года, я былъ назначенъ для исполненія обязанностей военнаго слѣдователя въ Орловскій участокъ, на замѣну бывшаго тамъ штатнаго военнаго слѣдователя, командированнаго на Дальній Востокъ. Въ участокъ включались Орловская и Тульская губерніи и такимъ образомъ въ мою обязанность входило производство предварительныхъ слѣдствій по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ военно-окружному суду, во всѣхъ частяхъ войскъ и учрежденіяхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ этихъ двухъ губерній. Обязанности слѣдователя приводятъ его въ ближайшее непосредственное соприкосновеніе съ преступленіемъ, съ обвиняемымъ и со свидѣтелями, — гораздо болѣе близкое, чѣмъ это доступно другимъ судебнымъ органамъ въ другіе моменты судебнаго процесса, — и эта близость подхода къ дѣлу даетъ самыя яркія, самыя живыя впечатлѣнія.

Въ предѣлахъ участка были расположены, главнымъ образомъ, части 3-й и 36-й пѣх. дивизій. 3-я дивизія была скоро мобилизована и перемѣщена, а части 36-й пѣх. дивизіи долго еще оставались въ участкѣ. По всѣмъ признакамъ мобилизація этой дивизіи, какъ и всего 13-го армейскаго корпуса, въ составъ котораго она входила, въ началѣ совсѣмъ не предполагалась: изъ частей этой дивизіи постепенно командировались на Дальній Востокъ отдѣльные офицеры и унтеръ-офицеры, отдѣльныя команды, и составъ полковъ ослабѣвалъ. Иногда бывали такія характерныя требованія: послать

столько-то лучшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ подъ личнымъ ручательствомъ командира полка, съ тѣмъ, что, если кто-либо изъ нихъ окажется несоотвѣтствующимъ, то будетъ возвращенъ за счетъ командира полка. Требованія, естественно, исполнялись и штатный составъ полковъ все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ, — уже къ осени 1904 года въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оставалось только по 20 офицеровъ и по 750 солдатъ, а параллельно съ этимъ создавались запасные батальоны и второочередныя дивизіи и почти исключительно изъ чиновъ запаса, съ призванными изъ запаса офицерами. Создавалось смутное впечатлѣніе какой-то непослѣдовательности организаціи. Бывали и отдѣльные случаи, заставлявшіе задумываться надъ какимъ-то страннымъ характеромъ распоряженій. Напр., двумъ полкамъ, расположеннымъ въ Орлѣ, было предписано назначить для отправки въ Маньчжурію по одному ротному командиру и по два младшихъ офицера, или по желанію, или по жребію; въ одномъ изъ полковъ выразилъ желаніе идти одинъ ротный командиръ и вслѣдъ за нимъ выразили также желаніе идти и два его младшихъ офицера, съ тѣмъ, чтобы именно вмѣстѣ съ нимъ служить въ новой части; въ другомъ полку желающихъ не вызвалось и ротный командиръ и два младшихъ офицера были назначены по жребію, отъ разныхъ ротъ; совершенно неожиданно изъ Штаба Корпуса или изъ Штаба Округа пришло распоряженіе, чтобы въ одну часть вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ перваго полка назначить младшихъ офицеровъ второго полка, а въ другую къ ротному командиру второго полка — офицеровъ перваго полка. Былъ и другой случай: въ одномъ изъ запасныхъ батальоновъ встрѣчаю младшаго врача, который очень огорченъ своимъ назначеніемъ: онъ спеціалистъ-хирургъ и просился, по своей спеціальности, въ хирургическій госпиталь въ Маньчжурію и особенно просилъ не назначать его въ полкъ, такъ какъ онъ страдаетъ сильнѣйшимъ ревматизмомъ и лагерная жизнь ему совершенно не по здоровью, — а его какъ разъ и назначили врачомъ въ запасный батальонъ въ Тулу. Были, впрочемъ, и курьезы: призванный изъ запаса ветеринарный врачъ, назначенный врачомъ какого-то отдѣленія конскаго запаса, съ

ужасомъ разводилъ руками, что онъ будетъ дѣлать на этой отвѣтственной должности, — онъ и забылъ, что когда-то, лѣтъ 20 тому назадъ, онъ получилъ образованіе ветеринарнаго врача, съ тѣхъ поръ онъ и не прикасался къ этому дѣлу и теперь онъ, собственно, только спеціалистъ по разведенію махровыхъ розъ.

Прошло такъ три-четыре мѣсяца и прежде смутно чувствовавшаяся тревога о какой-то ненормальности въ организаціи стала подтверждаться печальными фактами. Формированіе запасныхъ батальоновъ шло съ большими треніями: прибываютъ запасные, а для нихъ нѣтъ помѣщенія, или нѣтъ обмундированія, или нѣтъ наръ, гдѣ-бы ихъ положить; приходятъ запасные не тѣ, которые значатся въ спискахъ; въ батальонѣ 1000 запасныхъ, въ каждой ротѣ по 250, а на роту только два офицера, прапорщика запаса, и ротный командиръ изъ возвратившихся раненыхъ, часто еще совершенно больной. Во второочередныхъ частяхъ нѣсколько лучше, но и то сразу видно явное несоотвѣтствіе кадроваго состава съ пополненіемъ изъ запаса. Солдаты въ большинствѣ случаевъ сидятъ безъ дѣла, ходятъ по улицамъ. Винтовокъ для обученія не хватаетъ, — обучаютъ разсыпному строю безъ ружей. Пріемы обученія что-то странные: иду разъ вечеромъ по городу, около 12 час. ночи, слышу, на соборной площади музыка; заинтересовался, вижу, — кругомъ площади, подъ музыку, ходятъ въ колоннѣ по отдѣленіямъ, нѣсколько ротъ запасныхъ; что это такое? — „Обучаются ночнымъ движеніямъ“ — отвѣтили мнѣ. Яснѣе и яснѣе становилось убѣжденіе: — не будетъ ничего хорошаго при такой системѣ формированій, — и убѣжденіе это все чаще и чаще подтверждалось фактами: дисциплины въ войскахъ почти уже не существовало, — объ этомъ свидѣтельствовалъ и весь внѣшній видъ солдатъ, — распорядителемъ въ войсковыхъ частяхъ являлась масса, кадровый составъ почти совершенно потонулъ въ ней; замѣтно участились преступленія. Но далѣе случилось событіе прямо невѣроятное: стали мобилизовать для отправки на Д. Востокъ части 36-й пѣх. дивизіи. На совершенно обезсиленный кадровый составъ каждаго полка (по 750 человѣкъ) прислали по 3700 запасныхъ изъ Москвы, причемъ въ этомъ составѣ

запасныхъ оказался весь Московскій „Хитровъ рынокъ", т. е. московскіе босяки. Подумайте: изъ 3700 запасныхъ въ полку по 1500 „хитровцевъ"! Почти у всѣхъ у нихъ, — выражаясь словами барона („На днѣ"), — „организмъ былъ отравленъ алкоголемъ". Картина превзошла всѣ ожиданія, надо было видѣть ее, разсказать почти невозможно. Ничего подобнаго никому не могло войти въ голову въ мирное время. Для меня лично это сказалось необходимостью громаднаго напряженія: за годъ я, совершая при этомъ всѣ переѣзды по желѣзной дорогѣ по ночамъ, въ мѣстѣ нахожденія своей камеры, въ Орлѣ, пробылъ урывками, въ общей сложности, менѣе трехъ мѣсяцевъ, а работа на мѣстахъ производства слѣдствій была съ самаго ранняго утра и до поздней ночи.

Передъ нами прошелъ рядъ такихъ картинъ: приходитъ партія запасныхъ, — ихъ одѣваютъ, а на утро большинство изъ нихъ уже въ одномъ бѣльѣ и босикомъ, все продали и пропили. Одного обитателя Хитрова рынка, бывшаго офицера, который сумѣлъ довольно симпатично представиться въ полкъ, къ утру нашли совершенно пьянымъ въ компаніи такихъ-же безнадежно пьяныхъ солдатъ, и тоже почти-что въ костюмѣ Адама; его снова одѣли, — черезъ нѣсколько часовъ та-же картина, и такъ нѣсколько разъ. Уже не такому-ли офицеру поручить воспитаніе запасныхъ? Разъ цѣлая рота заявила, что она хочетъ ѣхать въ отпускъ; ротный командиръ, старый офицеръ, рѣшительно заявилъ, что онъ ни за что ихъ не пуститъ, велѣлъ запереть ворота и сказалъ, что они могутъ уйти „только черезъ его трупъ", — но они просто выломали ворота и всѣ ушли. Командиръ корпуса рѣшилъ сдѣлать смотръ, — обходитъ ряды, здоровается, а ему солдаты показываютъ языки; „дурачье!" — говоритъ онъ, а они гогочутъ. Спрашиваетъ Командиръ корпуса одного солдата, чѣмъ онъ занимался до призыва, — „я стрѣлокъ" (т. е. карманный воръ), — отвѣчаетъ тотъ, „а могу и со взломомъ." Пригрозилъ имъ кто-то изъ начальства, что ихъ всѣхъ пошлютъ въ арестантскія отдѣленія, — „покорнѣйше просимъ, Ваше Превосходительство, по крайней мѣрѣ на войну не пойдемъ!" Пришлось мнѣ разъ выѣхать въ лагерь подъ Орломъ, верстахъ въ 10-ти,

для производства слѣдствія объ одномъ призванномъ изъ запаса прапорщикѣ, который обвинялся въ цѣломъ рядѣ такихъ преступленій, которыя обыкновенно совершаетъ напившійся грубый солдатъ, т. е. въ пьянствѣ, буйствѣ, оскорбленіи дневальнаго и т. д. Это было въ началѣ августа 1905 года. Выѣхать я могъ только часамъ къ 6-ти вечера. Поѣхалъ на извозчикѣ, который и долженъ былъ меня тамъ ждать. Пріѣзжаю и вижу какое-то необычайное оживленіе, — оказывается, въ этотъ день одинъ батальонъ этого полка выступаетъ на Д. Востокъ. Кое-какъ устроившись въ этой суетѣ производить допросы, я черезъ нѣсколько времени услышалъ, — не подумайте, что шумъ или крики, — нѣтъ, настоящій ревъ, какъ реветъ звѣринецъ. Вышелъ и вижу: уходящій батальонъ жжетъ лагерь, обливаютъ деревья и палатки керосиномъ и поджигаютъ, и реветъ все кругомъ невообразимо. Допросивъ, кого нужно, часовъ въ 10 вечера собираюсь уѣзжать; подъѣзжаетъ мой извозчикъ, хочу садиться въ пролетку, а съ другой стороны въ пролетку лѣзетъ какая-то фигура, ее оттаскиваютъ, съ трудомъ отрываютъ, а вмѣсто нея лѣзетъ другая. Наконецъ, сажусь и ѣду, но ѣхать можно только шагомъ, — вся дорога усѣяна пьяными и около меня постоянно появляются фигуры всклокоченныхъ, растерзанныхъ, совершенно дикихъ людей. И около 1 ч. ночи такой батальонъ долженъ былъ выступать на Д. Востокъ на войну!

Былъ такой случай: въ Брянскѣ солдатъ днемъ бросился съ кулаками на проходившаго съ дамой офицера, такъ что офицеръ долженъ былъ отбиваться отъ него шашкой. Вызываю обвиняемаго. Оказывается, онъ сынъ богатаго московскаго купца, но хитровецъ, пьетъ запоемъ; въ Москвѣ лѣтомъ торгуетъ фруктами, а зимой, когда не пьянъ, устраивается на какую придется работу. Одѣтъ онъ въ модный костюмъ того времени, т. е. въ одномъ бѣльѣ и въ опоркахъ. Спрашиваю, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ. „Такъ точно", отвѣчаетъ, „если люди говорятъ, что такъ было, такъ, значитъ, было, только я ничего не помню, совершенно былъ пьянъ!" Вызываю свидѣтелей, — большинство въ такомъ-же одѣяніи, все его-же пріятели, — и всѣ фактъ

подтверждаютъ, ничуть не стараются его скрыть или какъ-нибудь смягчить. Но особенно понравился мнѣ одинъ свидѣтель: онъ уже и не говоритъ, а только сипитъ, голосъ совершенно пропилъ. Разсказываетъ онъ фактъ такъ: „Стоимъ мы всѣ у воротъ казармы, и С-въ (обвиняемый) съ нами, ну, конечно, всѣ пьяные. Видимъ, идетъ офицеръ съ барышней. Кто-то и сказалъ: „тише вы, ребята, офицеръ идетъ!“ Ну, а С-въ, конечно, говоритъ: „а, офицеръ, пусти, я ему морду побью!“ и бросился на него“. „Почему-же“, я спрашиваю, „*конечно?*“. — „Ну, а какъ-же“, отвѣчаетъ, „развѣ можно было пьяному говорить, что офицеръ идетъ!“ — И такой случай былъ не единственный.

Печальны были картины въ арміи, но не менѣе печально было то, что и все населеніе городовъ, гдѣ были эти рыцари Хитрова рынка, прямо стонало отъ ихъ безчинствъ и преступленій. Передъ отправкой главной части эшелоновъ въ Маньчжурію настроеніе у всѣхъ было рѣзко возбужденное, и я до сихъ поръ помню дату, 23 августа 1905 г., когда прошелъ послѣдній эшелонъ. Передъ проходомъ эшелоновъ желѣзно-дорожные служащіе съ лихорадочной поспѣшностью прятали всю бѣгающую около станціи живность и вообще все, что могло попасться на глаза, — но не сберегли, къ послѣднему эшелону, говорятъ, на цѣломъ рядѣ станцій не осталось уже ни одного пѣтуха, ни одного поросенка. Но надо было видѣть лица ѣхавшихъ въ эшелонахъ солдатъ, чтобы понять, что внесутъ они съ собою въ военную обстановку, требующую отъ солдата ясной воли, сознанія долга и готовности къ жертвѣ!

Естественно, преступленій за этотъ періодъ было въ неизмѣримое число разъ больше, чѣмъ въ мирное время, и самое трудное было то, что разслѣдованіе преступленій въ этомъ сплошномъ хаосѣ было до крайности отягчено, и часто приходилось, по полной безнадежности, отказываться отъ мысли найти виновныхъ, если только виновнаго не открывала какая-нибудь счастливая для дѣла случайность. Былъ такой случай: Получаю въ Орлѣ телеграмму изъ Брянска, что при отправленіи эшелона запасныхъ изъ одного вагона на ст. Брянскъ былъ брошенъ камень въ Капитана П-ва,

а на слѣдующей станціи полѣно въ прапорщика такого-то. Въ телеграммѣ, по обыкновенію, стоитъ: „прошу прибыть для производства слѣдствія“, а затѣмъ добавлено: „эшелонъ отбылъ въ Маньчжурію“. Ѣду, конечно, но думаю, что едва-ли добьюсь толку. Пріѣзжаю и узнаю, что почему-то изъ этого эшелона рѣшили задержать двухъ солдатъ, Па-това и Ш-о, но и ихъ уже отправили на гауптвахту въ Смоленскъ, т. е. внѣ предѣловъ моего участка; почему именно ихъ оставили, такъ я и не могъ добиться, но, очевидно, какое-то подозрѣніе у кого-то было на нихъ. Допрашиваю капитана П-ва и прапорщика, — они ничего опредѣленнаго ни на кого указать не могутъ, да и естественно, ибо эшелонъ уходилъ ночью, солдаты безобразничали, потушили фонари, въ вагонѣ было солдатъ 30, — что-же тутъ можно найти? Начинаю искать хоть какихъ-нибудь болѣе опредѣленныхъ данныхъ и, по счастью, узнаю, что есть одинъ солдатъ, который былъ сначала въ этомъ-же эшелонѣ, и какъ разъ въ вагонѣ, гдѣ были Па-товъ и Ш-о, и затѣмъ съ пути, какъ заболѣвшій, былъ возвращенъ обратно. Пришелъ этотъ солдатъ, славный такой, молодой, съ открытымъ лицомъ. Допрашивалъ я его очень долго, заставляя припомнить все, что можетъ. Какъ онъ добросовѣстно старался все припомнить, но все было мало полезное, — и вдругъ является цѣлое открытіе: вспоминаетъ онъ, что Па-товъ, когда потушили свѣтъ, протискивался къ двери вагона и потомъ сказалъ: „портному далъ!“, и самъ разсмѣялся, и всѣ солдаты захохотали. Я ухватился за эту фразу, было ясно, что „портной“ это какое-то прозвище, и я уже безъ труда установилъ, что этимъ прозвищемъ звали капитана П-ва, такъ какъ онъ въ полку былъ завѣдующимъ швальней. Нить была въ рукахъ, — по всей вѣроятности именно Па-товъ бросилъ въ капитана П-ва камень. Тогда я рѣшилъ возможно подробнѣе допросить всѣхъ солдатъ, бывшихъ въ вагонѣ, въ которомъ были Па-товъ и Ш-о, и съ этой цѣлью далъ особое порученіе военному слѣдователю въ Маньчжурію допросить всѣхъ ихъ подъ присягой, сообщивъ ему, конечно, всѣ имѣвшіяся у меня свѣдѣнія. Допросъ былъ произведенъ очень тщательно и опредѣленно выяснилъ,

что камень въ капитана П-ва и полѣно въ прапорщика бросилъ Па-товъ, а Ш-о только ругалъ ихъ обоихъ безобразными словами. Конечно, разсчитывать на такой успѣхъ слѣдствія не было никакой возможности.

Былъ случай такого рода: Ночью въ Ельцѣ полицейскій патруль захватилъ одного солдата, въ тотъ моментъ, когда онъ съ улицы, черезъ окошко подвальнаго этажа, пытался проникнуть въ охраняемый карауломъ складъ. Рѣшетка окна оказалась сломанной. Это было помѣщеніе штабъ-квартиры ушедшаго на войну драгунскаго полка, — двухъэтажный домъ съ подваломъ, — заполненное оставленнымъ при выступленіи имуществомъ полка, офицеровъ и офицерскаго собранія. Когда, послѣ этого задержанія, военное начальство произвело осмотръ этого склада, обнаружилось, что тамъ покрадено почти все, что было сколько-нибудь цѣннаго. Прибылъ я для производства слѣдствія. Путемъ осмотра я установилъ такую картину: было не менѣе 10 направленій, по которымъ совершали свой обходъ воры, — на это указывали сломанные и сбитые засовы и замки, отогнутые гвозди на открывающихся въ ту или другую сторону дверяхъ; одинъ ходъ былъ по всему помѣщенію черезъ выходящее на улицу окно подвальнаго этажа, другой — черезъ такое-же окно со двора, третій — черезъ входную дверь, четвертый — черезъ заднюю дверь и т. д. Ясно было, что разворовывать складъ ходили много и много разъ, работали не спѣша, даже съ комфортомъ, — напр., туалетное круглое зеркало было аккуратно вынуто изъ подставки и тутъ-же на столикѣ лежалъ огарокъ и два окурка папиросъ, — и ясно было, что все это было продѣлано не только при небрежности, но и при согласіи и даже при участіи цѣлаго ряда охранявшихъ то помѣщеніе карауловъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ-быть и года. Конечно, изъ всѣхъ, кого я спрашивалъ, никто ничего не зналъ. Пересмотрѣлъ я постовыя вѣдомости карауловъ, выбралъ фамиліи караульныхъ, — ихъ было больше тысячи, — и оказалось, что, кромѣ состава послѣднихъ 7-8 карауловъ, всѣ эти караульные отбыли по частямъ на Д. Востокъ. Какая могла быть надежда узнать отъ нихъ что-нибудь цѣнное? Впослѣдствіи,

впрочемъ, пришло ко мнѣ указанiе на одного виновнаго, но поздно, — лишь послѣ того, какъ онъ сгорѣлъ при пожарѣ казармъ въ ночь подъ Рождество 1905 года.

Этотъ пожаръ казармъ также является однимъ изъ характерныхъ дѣлъ того времени, въ которыхъ, по общему хаосу, ничего нельзя было открыть. Около 12 ч. ночи 25 декабря 1905 г. получаю телеграмму изъ Ельца: „сгорѣли казармы съ человѣческими жертвами". Утромъ 26-го декабря былъ я уже въ Ельцѣ и засталъ еще дымящееся пожарище. Это были трехъэтажныя казармы того-же ушедшаго на войну драгунскаго полка, — теперь отъ нихъ остались только стѣны и нѣкоторыя каменныя площадки, да посрединѣ торчкомъ стояли трубы, раскачиваемыя вѣтромъ. Кругомъ упорные разговоры — это поджогъ, это месть казакамъ (— вѣдь это былъ декабрь 1905 г., послѣ ликвидацiи революцiи); говорили, будто такой-то фельдфебель дня за два передъ тѣмъ, проходя по улицѣ, слышалъ изъ толпы проходившихъ угрозу: „мы вамъ устроимъ розговѣны!". Фельдфебель, впрочемъ, не подтвердилъ опредѣленно этого факта, но и не отрицалъ, — получилось странное впечатлѣнiе, что онъ самъ не знаетъ, былъ-ли этотъ фактъ на дѣлѣ, или его создало его воображенiе въ первые моменты послѣ пожара. Но, помимо этого, былъ и другой большой вопросъ, — говорили, что тамъ много людей сгорѣло, что у казаковъ были гости и что многiе изъ нихъ такъ и погибли въ огнѣ; путемъ очень большой повѣрки удалось установить, что сгорѣло только два солдата, — одинъ, про котораго потомъ сказали, что онъ участвовалъ въ расхищенiи склада, а другого не помню. Трупы ихъ удалось найти, — впрочемъ, отъ одного уцѣлѣла только половина остова, а отъ другого всѣ собранные остатки уложились въ небольшую коробочку. Много было пострадавшихъ отъ ожоговъ и расшибшихся изъ тѣхъ, которые выбрасывались въ окна съ третьяго этажа. Между прочимъ, какъ это ни странно, больше всѣхъ пострадалъ отъ ожоговъ дневальный, который, какъ онъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ, не спалъ; когда я увидалъ его въ лазаретѣ, это была какая-то мумiя, — онъ былъ весь обожженъ и забинтованъ, были оставлены только маленькiя отверстiя для

глазъ, носа и рта, и уже не говорилъ, а едва пищалъ; совершенно нельзя понять, какъ онъ выжилъ, — въ медицинѣ считается, что не можетъ выжить человѣкъ, у котораго обожжено больше $^1/_3$ поверхности тѣла, а онъ былъ обожженъ почти весь. Наличность злобнаго поджога можно было считать установленной, — напр., даже оказалась запертой дверь, ведущая изъ главнаго помѣщенія на главную лѣстницу, очевидно, въ расчетѣ, что люди тогда бросятся по узкимъ боковымъ лѣстницамъ, — но виновниковъ поджога, при полномъ содѣйствіи мнѣ въ этомъ отношеніи и мѣстнаго судебнаго слѣдователя, и полиціи, и сыскного отдѣленія, установить не удалось.

Между прочимъ, и въ этой трагической картинѣ пожара были случаи, вызывающіе улыбку. Когда люди скакали прямо изъ оконъ третьяго этажа въ снѣгъ, одинъ „жидочекъ" также рѣшилъ выпрыгнуть, но, очевидно, не хватило смѣлости: онъ вылѣзъ ногами за окно, руками держится за подоконникъ, да испугался, такъ и повисъ, болтаетъ ногами и кричитъ неистово; ефрейторъ, разъ уже спрыгнувшій съ третьяго этажа, снова, съ опасностью для жизни, полѣзъ за нимъ по выступамъ стѣны, сдернулъ его и оба вмѣстѣ рухнули на снѣгъ и вполнѣ благополучно. Другой „жидочекъ" и при общей паникѣ захватилъ свой сундучекъ и нашелъ путь по лѣстницѣ, но на послѣдней площадкѣ, въ огнѣ, растерялся и не могъ найти выхода, и отчаянно кричитъ; унтеръ-офицеръ пробрался къ нему въ самый огонь и вывелъ его оттуда съ сундучкомъ. Вотъ, кстати, примѣры того, какъ неосновательны навѣты на дурное и жестокое будто-бы отношеніе русскаго солдата къ евреямъ. Правда, солдатъ посмѣется надъ „жидочкомъ", если онъ уже очень любитъ деньги и очень уже всего труситъ, — но, въ общемъ, отношеніе къ нимъ вполнѣ благожелательное и даже, какъ видите, для спасенія ихъ русскіе солдаты рискуютъ своею жизнью.

Изъ любопытныхъ персонажей того времени отмѣчу еще двухъ спеціалистовъ-бѣгуновъ, При - нко и Ко - гова. Каждый изъ нихъ бѣгалъ по 5, по 6 разъ, сначала по-одиночкѣ, а затѣмъ вмѣстѣ; послѣдніе два побѣга съ Тульской гауптвахты были произведены арти-

стически: первый разъ они перепилили рѣшетку окна и отогнули ее почти до земли, такъ что вышли изъ камеры даже съ извѣстнымъ комфортомъ, какъ по мостику, а въ другой разъ бѣжали черезъ дымоходъ. Впрочемъ, какъ легко они бѣгали, такъ легко ихъ и ловили: они никогда не удалялись отъ города и многіе солдаты уже имѣли свѣдѣнія, гдѣ ихъ надо искать, и ловили обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ или черезъ сутки послѣ побѣга. Конечно, въ связи съ ихъ побѣгами возбуждался вопросъ объ отвѣтственности чиновъ караула, не предупредившихъ побѣга; въ одномъ случаѣ, когда была выпилена рѣшетка, несомнѣнно, былъ виновенъ рядъ караульныхъ унтеръ-офицеровъ, не осматривавшихъ, очевидно, при пріемѣ карауловъ, достаточно внимательно оконъ, тогда какъ самая работа по выпилкѣ рѣшетки шла не менѣе 4-5 дней, но обвиненіе часовыхъ послѣдняго караула въ недосмотрѣ за арестованными отпало, ибо путемъ точнаго чертежа и фотографическихъ снимковъ удалось установить, что, благодаря нецѣлесообразному устройству камеры, окно, черезъ которое они бѣжали, находилось внѣ кругозора часового. Во второмъ случаѣ также отпалъ вопросъ о виновности караульныхъ, такъ какъ печь, черезъ которую они бѣжали, равно какъ и прилегающій уголъ камеры, оказались также недоступными наблюденію часовыхъ; а самая подготовка побѣга была сдѣлана настолько тщательно, что и предполагать какія-либо работы въ печи никто не могъ: одинъ изъ этихъ бѣгуновъ былъ, по профессіи, печникъ и, видимо, дѣло свое зналъ хорошо: вынимали они кирпичи совершенно незамѣтно, часть ихъ опустили подъ полъ, а остальные оказались, послѣ побѣга, лежащими около печи, но вынуты они были по-одиночкѣ заранѣе, а только были оставлены на своихъ мѣстахъ и скрѣплены мякишемъ чернаго хлѣба. Однако, на послѣдній разъ эти бѣгуны измѣнили своей профессіи, — соблазнились на кражу, украли довольно много разныхъ вещей изъ мѣстнаго лазарета. Меня это очень удивило, а еще больше я заинтересовался вопросомъ, почему именно подозрѣніе въ этой кражѣ сразу пало на нихъ, но оказалось дѣло проще: подозрѣніе на нихъ и не пало-бы, если-бы ихъ сразу-же,

за 3 рубля, не выдалъ одинъ изъ ихъ-же пріятелей, къ которому они, какъ люди неопытные, обратились за совѣтомъ, какъ сбыть краденое. Еще одна характерная подробность: Тульскій уѣздный воинскій начальникъ, въ вѣдѣніи котораго находился мѣстный лазаретъ, человѣкъ очень почтенный, попытался-было, послѣ кражи, ихъ усовѣстить, сталъ ихъ упрекать, но получилъ отвѣтъ: „Сами видимъ, В. В-іе, что нехорошо сдѣлали, — надо было не изъ лазарета украсть, а изъ склада Вашего Управленія.“ Очевидно, они прекрасно знали, что, разъ они уже за побѣги и кражу заслужили себѣ арестантскія отдѣленія, то эта выходка, — по принципамъ опредѣленія наказанія при совокупности преступленій, — является для нихъ совершенно безнаказанной.

Помимо картинъ разнузданной преступности этотъ періодъ призыва на службу массы чиновъ запаса далъ много случаевъ обнаруженія среди запасныхъ душевныхъ заболѣваній. Иногда эти заболѣванія обнаруживались путемъ наблюденія, иногда-же по поводу какихъ-либо рѣзкихъ выпадовъ: особенно былъ ярокъ случай, когда взводный унтеръ-офицеръ, прекрасный, исправный, подъ вліяніемъ, очевидно, рѣзкаго припадка маніи преслѣдованія, схватилъ винтовку, растолкалъ бывшихъ около него и выбѣжалъ въ поле и тамъ, засѣвъ за бугромъ, ожидалъ враговъ, приготовившись стрѣлять въ каждаго, кто къ нему станетъ подступать; съ большимъ трудомъ его удалось успокоить и обезоружить.

Въ этотъ-же періодъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нѣсколькими случаями т.-наз. „патологическаго опьяненія“. Какъ извѣстно, обыкновенное опьяненіе, вызванное излишнимъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, не служитъ основаніемъ для невмѣняемости. Инымъ является патологическое опьяненіе, т. е. опьяненіе, происшедшее, на почвѣ какого-либо болѣзненнаго процесса въ организмѣ, отъ ничтожнаго количества вина; такое состояніе вполнѣ подходитъ подъ понятіе „болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или безпамятство“ и, такимъ образомъ, должно явиться законной причиной невмѣняемости. Особенно рѣзко помню два случая. Въ Орлѣ, въ Управленіе воинскаго начальника, явился эвакуированный съ Д. Востока, вслѣдствіе раненія, сол-

датъ. Онъ былъ совершенно трезвый. Затѣмъ, въ ожиданіи какихъ-то документовъ, онъ вышелъ на улицу, купилъ себѣ пирожокъ, и кто-то изъ товарищей предложилъ ему изъ маленькой чайной чашечки водки. Выпивъ немного, онъ сразу пришелъ въ буйное состояніе, полилась безобразная ругань, сталъ всѣхъ толкать и т. д., — ясно было, что съ нимъ произошло что-то совершенно ненормальное. При допросѣ онъ мнѣ заявилъ, что онъ помнитъ только моментъ, когда онъ держалъ въ одной рукѣ пирожокъ, а въ другой эту чашку, а дальше уже ничего не помнитъ. При освидѣтельствованіи у него оказалось пораженіе, отъ раненія, мозговой оболочки и врачъ-экспертъ безъ колебаній призналъ патологическое опьяненіе. — Другой случай былъ въ Брянскѣ, въ интендантскомъ продовольственномъ заведеніи. Солдатъ, работавшій около особой хлѣбопекарной печи съ какой-то чудовищно-большой температурой, долженъ былъ постоянно приближать голову къ жерлу печи; разъ, непосредственно послѣ своей работы, онъ выпилъ рюмку водки и совершенно обезумѣлъ, началъ буйствовать, — очевидно было острое мозговое явленіе, т. е. опять-же патологическое опьяненіе.

За этотъ-же періодъ призыва въ армію запасныхъ можно было еще отмѣтить значительное увеличеніе числа самоубійствъ. Извѣстно, конечно, всѣмъ, что по каждому случаю скоропостижной смерти и въ гражданскомъ вѣдомствѣ всегда производится дознаніе, съ цѣлью опредѣлить, есть-ли это смерть естественная, или самоубійство, или, можетъ быть, и убійство, — но, кромѣ этого послѣдняго случая, обыкновенно дѣло и ограничивается дознаніемъ. Въ военномъ вѣдомствѣ вопросъ стоитъ шире: тамъ по каждому, даже очевидному, самоубійству производится обязательно слѣдствіе военнымъ слѣдователемъ, съ цѣлью установить, не было-ли это самоубійство результатомъ какихъ-либо притѣсненій или злоупотребленія власти со стороны начальствующихъ лицъ или, вообще, лицъ, отъ которыхъ такъ или иначе зависѣлъ покойный. Въ большинствѣ своемъ дѣла о самоубійствахъ не вызываютъ особыхъ трудностей, важно только имѣть на виду хорошо подготовленнаго врача для производства вскрытія тѣла, но одинъ случай мнѣ

очень хорошо запомнился какъ показатель того, какъ, все-таки, надо быть внимательнымъ и осторожнымъ при производствѣ подобнаго рода разслѣдованій.

Дѣло было въ Брянскѣ, въ продовольственномъ заведеніи. Повѣсился солдатъ, призванный изъ запаса. Я прибылъ на мѣсто часовъ въ 10 вечера, вызвалъ въ качествѣ понятыхъ двухъ унтеръ-офицеровъ и хочу идти съ ними на мѣсто, такъ какъ трупъ, оказывается, еще не снятъ, но понятые мои опредѣленно не рѣшаются идти, боятся. Едва ихъ уговорилъ, что вѣдь надо-же идти, что ничего такого страшнаго нѣтъ. Взяли съ собой еще человѣкъ двухъ-трехъ, чтобы помогли при снятіи и переноскѣ трупа. Пошли. Оказывается, тотъ повѣсился на чердакѣ одного изъ большихъ зданій. Картина, правда, была довольно жуткая: уже около 11 ч. ночи; широкій, большой чердакъ и въ глубинѣ его, освѣщаемый луной, какъ-бы стоитъ на колѣняхъ человѣкъ; видно и лицо съ высунутымъ вздутымъ посинѣвшимъ языкомъ, и этотъ человѣкъ отъ вѣтра какъ-бы поворачивается изъ стороны въ сторону. Только подойдя вплотную можно было разсмотрѣть, въ чемъ дѣло: онъ повѣсился такъ, что пальцами ногъ упирался въ землю, а колѣнями только вершка на три не касался пола; это вполнѣ возможно, такъ какъ повѣсившійся моментально, при сжатіи горла, теряетъ сознаніе и уже не можетъ измѣнить положенія. Сняли мы его съ петли и перенесли въ помѣщеніе. Никакихъ слѣдовъ насилія или борьбы на трупѣ не оказалось, такъ что предполагать въ данномъ случаѣ убійство и затѣмъ повѣшеніе трупа, съ цѣлью скрыть слѣды, основаній не было. Осмотрѣли его одежду, карманы; въ одномъ изъ кармановъ нашли кошелекъ и въ немъ ключъ отъ сундука. На утро, прежде допроса свидѣтелей, я приступилъ къ осмотру сундука, въ надеждѣ найти какія-нибудь письма, которыя могли-бы помочь разгадать причину самоубійства, но ничего такого не нашелъ; между прочимъ, нашелъ въ сундукѣ шейный крестъ на цѣпочкѣ, а на трупѣ креста не было. Всѣ данныя осмотра были, конечно, занесены въ протоколъ. Приступилъ затѣмъ къ допросу свидѣтелей и тутъ-же сразу выяснилось, что подкладка самоубійства романическая, — даже явилась

и особа, изъ-за которой все это произошло. Вопросъ можно было считать исчерпаннымъ, но неожиданно послѣднiй изъ допрашивавшихся свидѣтелей мнѣ заявилъ, что покойный незадолго передъ тѣмъ еще разъ покушался на самоубiйство, бросился подъ поѣздъ, но поѣздъ успѣли во-время остановить, и онъ тогда сказалъ: „Богъ не допустилъ!" Тутъ только я понялъ, какое громадное значенiе имѣлъ для выясненiя дѣла казавшiйся ничего незначущимъ фактъ, что шейный крестъ оказался въ сундукѣ: вѣдь есть повѣрье, что человѣка съ крестомъ Богъ до самоубiйства не допуститъ, и ясно, что когда онъ первый разъ бросался подъ поѣздъ и сказалъ „Богъ не допустилъ", то на немъ былъ крестъ, и этимъ онъ и объяснилъ неудачу покушенiя, а теперь, идя вновь на самоубiйство, для вѣрности, снялъ крестъ, заперъ въ сундукъ, пошелъ и повѣсился. Для даннаго случая, правда, этотъ фактъ значенiя не имѣлъ, и безъ того было ясно, что здѣсь самоубiйство, — а представьте себѣ, если-бы еще было сомнѣнiе, самоубiйство-ли здѣсь, или убiйство, какое-бы громадное значенiе въ сторону признанiя именно самоубiйства получилъ этотъ фактъ, что крестъ снятъ и запертъ въ сундукѣ и ключъ при покойномъ (— значитъ, ясно, что снялъ и заперъ его онъ самъ!), — и какое-бы цѣнное доказательство было вырвано изъ рукъ, если-бы этотъ фактъ остался не отмѣченнымъ!

Вся масса полученныхъ за этотъ перiодъ наблюденiй и впечатлѣнiй, естественно, требовала извѣстныхъ выводовъ. Теорiя, очевидно, предполагаетъ, что мобилизацiя армiи, т. е. пополненiе ея кадроваго состава призываемыми изъ запаса, только понижаетъ временно ея собственно-воинскую подготовку, и что достаточно за извѣстный перiодъ поднять военно-техническiя знанiя призывныхъ и получатся воинскiя части увеличеннаго состава, которыя и по своему внутреннему облику будутъ вполнѣ отвѣчать настоящимъ задачамъ армiи. Практика, по моему убѣжденiю, показала, что это ошибка, и глубокая ошибка. Поднять военно-техническiя зна-

нія у призываемыхъ нетрудно, — они легко вспомнятъ то, что знали раньше, и научатся тому, что явится для нихъ новымъ, — но надо сумѣть посмотрѣть прямо въ глаза другому вопросу, насколько пополненіе арміи призванными изъ запаса измѣняетъ внутренній обликъ арміи. Тѣ картины, которыя пришлось видѣть мнѣ, — а другіе, я думаю, видѣли ихъ не меньше, — опредѣленно указываютъ, что съ призывомъ запасныхъ армія въ своемъ внутреннемъ обликѣ рѣзко мѣняется. Я не стану, конечно, брать за основаніе для своего сужденія тѣ исключительно-безобразныя картины, которыя были связаны съ массовымъ назначеніемъ въ одну часть „хитровцевъ", я не стану также отрицать вліянія явно-необдуманныхъ, отмѣченныхъ мною ранѣе, пріемовъ мобилизаціи, какъ-то присылка запасныхъ въ неподготовленныя къ тому мѣста, безъ достаточнаго оборудованія всѣхъ матеріальныхъ средствъ для ихъ пріема, неосновательныхъ, иногда какъ-будто нарочно-придуманныхъ, перетасовокъ командного состава, — но и за всѣмъ этимъ еще остается одинъ большого значенія фактъ: кадровый составъ арміи, взятый въ каждый отдѣльный моментъ, представляетъ собою прочно спаянное цѣлое, воспитанное въ ясныхъ принципахъ воинскаго долга, прибывающіе-же въ войска по мобилизаціи запасные вносятъ съ собою въ армію духъ „обывателя", не связаннаго идейно съ арміей, иногда всецѣло тяготѣющаго къ личнымъ интересамъ своего „гражданскаго" существованія. Значеніе этого факта скажется болѣе или менѣе рѣзко въ зависимости отъ того, какое процентное отношеніе составятъ прибывающіе запасные къ кадровому составу воинской части. При нормальной мобилизаціи пѣхотнаго полка, когда число прибывающихъ запасныхъ почти равняется кадровому составу, кадровый составъ, болѣе спаянный въ одинаковыхъ принципахъ, сумѣетъ сравнительно скоро втянуть въ себя разрозненную обывательскую массу запасныхъ и воспитать ее въ духѣ воинскаго долга, но совсѣмъ иную картину представляютъ собою т. наз. второочередныя части и запасные батальоны, гдѣ кадровый составъ является ничтожнымъ по сравненію съ числомъ прибывающихъ запасныхъ: здѣсь несомнѣнный перевѣсъ

получаетъ „обывательская“ масса, и какимъ образомъ и когда проникнется она принципами воинскаго долга, неизвѣстно, — въ иныхъ случаяхъ никогда; въ худшихъ случаяхъ эта обывательская масса, чувствуя свою силу, обращается въ толпу, а тамъ, гдѣ толпа, надо уже проститься съ идейными началами и стремленіями. Я не сомнѣваюсь, что такой опытъ всѣхъ прошлыхъ мобилизацій не прошелъ даромъ, что этотъ опытъ учтутъ лица и учрежденія, вѣдающія мобилизаціонной частью, и установятъ извѣстное равновѣсіе между кадровымъ составомъ и числомъ призываемыхъ въ части запасныхъ, хотя-бы путемъ ограниченія формированій второочередныхъ и запасныхъ частей, но я хотѣлъ-бы поставить вопросъ еще глубже: въ чемъ причина такого глубокаго различія между кадровымъ составомъ арміи и прибывающими чинами запаса? вѣдь эти запасные тоже въ свое время прошли ряды арміи, — почему-же они такъ стали отличаться отъ того, кѣмъ сами были раньше?

Причина этого, мнѣ кажется, лежитъ не въ отдѣльныхъ людяхъ, а во всемъ складѣ общественной русской жизни, который не только не культивируетъ, но понижаетъ, иногда сводитъ почти на-нѣтъ самыя идейныя человѣческія движенія, и во всякомъ случаѣ засыпаетъ ихъ такимъ слоемъ различныхъ безыдейныхъ настроеній и стремленій, за которыми эти идейныя движенія почти не видны и не чувствуются. Русское общество, давая изъ своей среды ученыхъ, адвокатовъ, врачей, педагоговъ, инженеровъ, дѣятелей и работниковъ по экономической жизни страны, слишкомъ мало занимается вопросами объ идейномъ строительствѣ жизни массъ, отдавая эти массы цѣликомъ во власть жизненной матеріальной борьбѣ. Борьба эта, какъ всякая борьба, ожесточаетъ; одни теряютъ свои силы въ погонѣ за матеріальными благами и вопросы идейнаго характера отходятъ у нихъ на дальній планъ; другіе теряютъ свои духовныя силы въ круговоротѣ житейскихъ соблазновъ, а на мѣсто теряемыхъ ими идейныхъ движеній общество не даетъ имъ ничего поднимающаго, ничего оздоравливающаго, — масса живетъ только ближайшими интересами личной жизни. Воспитываетъ-ли наше общество

въ каждомъ изъ своихъ членовъ героя рыцаря? — Конечно, нѣтъ. Говорятъ-ли у насъ громко, убѣжденно, вдохновенно о своей родинѣ? — Говорятъ объ этомъ въ школахъ, да и то часто не очень вдохновенно, и не очень убѣжденно, иногда говорятъ въ семьѣ, а въ обществѣ, для широкихъ массъ, объ этомъ даже какъ-бы стѣсняются говорить и едва-ли не признакомъ хорошаго тона считалось даже извѣстное пренебреженіе къ Россіи и сопоставленіе ея, не въ ея пользу, съ остальной Европой. Говорятъ-ли у насъ горячо и убѣжденно объ арміи, какъ о хранительницѣ чести и достоинства Россіи? — Нѣтъ, объ этомъ уже совсѣмъ мало говорятъ, — напротивъ, Вы чаще могли слышать пренебрежительное, недоброжелательное отношеніе къ арміи. Либеральная интеллигенція презрительно отзывается о „военщинѣ", „солдатчинѣ", иронизируетъ надъ „шагистикой", офицеры, по ея мнѣнію, люди, способные только командовать „разъ, два!", а солдаты представляются ей какъ безправные, забитые люди, въ которыхъ выбивается все живое „безсмысленной" дисциплиной. Молодежь, къ сожалѣнію, очень легко усваиваетъ этотъ тонъ насмѣшки и пренебреженія и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣетъ серьезнѣе вглядѣться въ жизнь и назначеніе арміи. Чего-же ждать отъ слоевъ менѣе интеллигентныхъ? интереса къ арміи въ нихъ совершенно нѣтъ; что армія существуетъ, это, они скажутъ, хорошо, но если надо самимъ идти въ армію или дѣтей своихъ посылать, то уже шевелится мысль, что хорошо-бы этого избѣжать. Вотъ въ такихъ-то началахъ общественной жизни и въ такомъ отношеніи къ арміи и лежитъ разгадка того, что только единичныя личности изъ прошедшихъ ряды арміи сохраняютъ навсегда ту степень сознанія общегражданскаго и воинскаго долга, которую они усвоили въ арміи, большинство-же, уходя съ головой въ жесткія условія жизни, незамѣтно для себя совершенно теряетъ связь съ арміей, когда-то вкладывавшей въ нихъ лучшіе, болѣе идейные задатки.

Въ такомъ отношеніи къ арміи большая вина общества. Неужели-же люди не понимаютъ, что армія живетъ и готовитъ себя на великій жертвенный подвигъ? Неужели-же общество не прониклось убѣжденіемъ, что

и оно все, въ полномъ составѣ, должно быть готово къ тому-же жертвенному подвигу? Неужели-же оно можетъ думать, что пусть, въ случаѣ войны, умираютъ офицеры и солдаты, которыхъ застанетъ война на дѣйствительной службѣ, а мы, остальные, можемъ спокойно сидѣть и продолжать свое обычное мирное существованіе? — Вѣдь надо только поставить эти вопросы, чтобы отвѣтъ на нихъ былъ ясенъ: ничѣмъ нельзя оправдать отрицательнаго отношенія къ арміи; кто хочетъ себя уважать, тотъ долженъ сознать себя какъ участника защиты чести и достоинства своей родины, и каждый въ себѣ и каждый въ другихъ долженъ воспитывать чувство уваженія къ арміи и готовность служить своими силами ея задачамъ. Пусть въ нормальныхъ условіяхъ жизнь идетъ своимъ порядкомъ, — но пусть каждый знаетъ, что у него есть долгъ гражданина передъ родиной, что яркой выразительницей этого долга является армія, и тогда призывъ въ армію будетъ принятъ, какъ призывъ подняться надъ обыденными интересами жизни, отдать свои силы служенію великой идеѣ. И тогда мы въ правѣ были-бы сказать, что въ тяжелыя минуты государственной жизни на защиту родины встаютъ всѣ ея лучшія силы, что увеличенная по мобилизаціи армія есть армія народной мощи, физической и духовной.

Октябрь 1905 года. Будучи всецѣло занятъ своими слѣдственными дѣлами, въ непрерывныхъ разъѣздахъ, я почти совершенно просмотрѣлъ назрѣвавшее въ извѣстныхъ кругахъ революціонное настроеніе. Числа 8-10 октября (— въ числахъ, можетъ быть, ошибаюсь), выѣхалъ я изъ Орла въ Тулу по одному небольшому дѣлу и разсчитывалъ, что пробуду тамъ день, а съ ночнымъ поѣздомъ вернусь обратно. Поѣхалъ совсѣмъ налегкѣ, съ однимъ портфелемъ и съ 15 руб. въ карманѣ. Пришлось, однако, задержаться тамъ еще и на слѣдующій день, и тогда, окончивъ дѣло, собрался выѣхать изъ Тулы въ 5 час. дня. Неожиданно узнаю, что Московско-Курская дорога стала въ 3 часа дня. Рѣшилъ попытать счастья и пробраться кругомъ, черезъ Сызрано-Вязем-

скую дорогу: поѣздъ долженъ былъ тамъ отойти около 1 ч. ночи; пріѣхалъ туда на вокзалъ часовъ въ 12 ночи, — оказывается и эта дорога въ 11 ч. ночи забастовала. Положеніе непріятное. Приглядываюсь къ лицамъ, къ настроенію: настроеніе на вокзалѣ смутное, — желѣзнодорожное начальство озабочено, рабочіе и низшіе служащіе чувствуютъ себя приподнято, возбужденно, но особой увѣренности незамѣтно, скорѣе проглядываетъ тревога. Пришлось вернуться въ гостиницу. Думаю, пройдетъ дня два и все наладится. На слѣдующій день въ городѣ настроеніе взвинченное; было что-то въ родѣ митинга на базарѣ. Въ частяхъ войскъ все спокойно. Однако, проходитъ два, три, четыре дня, поѣзда все стоятъ. Рабочіе, — а въ Тулѣ масса рабочихъ, — ходятъ уже торжествующе по улицамъ. Жизнь въ городѣ по вечерамъ замираетъ. Деньги мои подходятъ къ концу. Одинъ изъ командировъ полковъ, видя, что я здѣсь задерживаюсь, предложилъ переѣхать къ нему; очень симпатично проводимъ время, а дни все идутъ. Слышу, что нѣкоторые московскіе богачи, застрявшіе въ Тулѣ, за громадныя деньги выписываютъ изъ Москвы автомобили. Пытаюсь нанять лошадей, — просятъ до Орла не меньше 200 рублей. Потомъ меня пригласилъ одинъ изъ офицеровъ запаса, горный инженеръ, переѣхать къ нему. А дни все идутъ и надежда, что поѣзда скоро пойдутъ, становится все туманнѣе и туманнѣе. Приглядываюсь къ настроенію въ городѣ, — оно все тревожнѣе. Между прочимъ, два раза чуть не попалъ въ непріятность. Разъ иду часовъ около $8^1/_2$ вечера по главной улицѣ, улица совершенно пуста, ни прохожихъ, ни извозчиковъ нѣтъ. Съ боковой улицы появилось сзади меня два человѣка и, слышу, догоняютъ меня; голоса возбужденные. Слышу, наконецъ, такой разговоръ: „Да онъ-ли это?" — „Ну, конечно, онъ!" — „Смотри, не ошибиться-бы!" — „Чего тамъ ошибаться, — конечно онъ!" — и уже быстро подходятъ ко мнѣ шага на четыре. Я, конечно, понялъ, что они меня приняли за кого-то такого, съ кѣмъ, при такой обстановкѣ, было очень соблазнительно расправиться, — вѣроятно, думаю, за жандармскаго офицера, ибо военно-судебное вѣдомство имѣетъ также серебряный приборъ, — и

былъ моментъ, когда я ждалъ, что получу или пулю въ спину или ударъ по головѣ. Тутъ я опять примѣнилъ испытанный способъ: повернулся къ нимъ, оказался лицомъ къ лицу, и спросилъ: „скажите, пожалуйста, вы не знаете, гдѣ здѣсь парикмахерская?" Впечатлѣніе получилось удивительное: они, очевидно, увидали, что они ошиблись, что я не тотъ, за кого они меня принимали, и сначала совершенно оцѣпенѣли, затѣмъ растерянно стали указывать: „вотъ тамъ, тамъ... большой фонарь!" — и затѣмъ повернули и быстро пошли назадъ.

Другой случай былъ смѣшнѣе. Иду поздно вечеромъ по какому-то дѣлу въ Управленіе воинскаго начальника; оно помѣщается въ довольно глухой боковой улицѣ. Догоняю какого-то пьянаго; онъ въ самомъ веселомъ настроеніи и начинаетъ со мной разговоръ. Мирно продолжаемъ путь вмѣстѣ, онъ то въ стѣнку толкнется, то въ меня; я ему даже далъ гривенникъ, такъ какъ онъ печалился, что хочется еще выпить, да денегъ нѣтъ. Подходимъ къ кабачку и я уже думаю проститься съ своимъ компаньономъ, какъ неожиданно изъ кабака появляется угрюмая фигура какого-то весьма всклокоченнаго человѣка. Фигура эта устремляетъ на меня взглядъ и мрачно восклицаетъ: „А, Сергѣй Ивановичъ!" Я спрашиваю своего пьянчугу-компаньона: „Это ты Сергѣй Ивановичъ?" — а мрачная фигура мнѣ заявляетъ: „Нѣтъ, это Вы Сергѣй Ивановичъ! Вы думаете, мы Васъ не знаемъ? Отлично мы Васъ знаемъ! это Вы сейчасъ такъ одѣты, а потомъ переодѣнетесь, — да все равно, мы Васъ всѣ знаемъ!" Мой пьянчуга тоже добавляетъ: „Вѣрно, вѣрно, Сергѣй Ивановичъ!" Очевидно, и эти приняли меня за какого-то мало пріятнаго имъ человѣка, — опять-же, думаю, за жандармскаго офицера. Вижу, что, пожалуй, дѣло можетъ кончиться и непріятно, я оборвалъ разговоръ, сказалъ имъ, что они глупости говорятъ, и предложилъ имъ не терять времени и идти себѣ въ кабачокъ; они ушли, но, откровенно говоря, я, все-таки, ждалъ еще, что они могутъ вернуться съ кѣмъ-нибудь еще изъ кабацкой компаніи, но все обошлось благополучно.

Вообще въ то время среди рабочихъ больше всего было раздраженіе противъ жандармовъ. Мнѣ разъ надо

было вызвать одного жандармскаго унтеръ-офицера съ вокзала Сызрано-Вяземской дороги. Звоню по телефону въ дежурную комнату, прошу его вызвать; въ отвѣтъ слышу: „не позову!“ Спрашиваю, почему, — „не хочу!“ — „Да почему не хотите?“ — „Не хочу я звать жандарма!“ — „А кто Вы такой?“ — „Не скажу!“ — и повѣсилъ трубку. Пришлось посылать нарочно вѣстового.

Однако, терпѣніе мое истощалось, надо было выбиваться изъ создавшагося неопредѣленнаго положенія. Подыскалъ я себѣ двухъ компаньоновъ до Мценска и рѣшили идти пѣшкомъ, но въ послѣдній моментъ удалось найти извозчиковъ, которые взялись насъ везти, ихъ до Мценска за 15 руб., а меня до Орла за 25, — и поѣхали. Смѣшно было ѣхать трое сутокъ на лошадяхъ вдоль желѣзной дороги, гдѣ на нѣкоторыхъ станціяхъ стояло по нѣсколько составовъ поѣздовъ. Любопытны были и два типа извозчиковъ: мой — старикъ лѣтъ 60-ти, высокій, коренастый, по виду ему можно было дать лѣтъ 40, серьезный, выдержанный, — очень критически относился къ революціи; другой — молодой, лѣтъ 25, — съ радостью, видимо, мечталъ, какъ все у господъ будутъ отбирать и дѣлить; напрасно мы ему говорили, что онъ, — имѣя что-то около 5 десятинъ земли, свою хату, 4 лошади и прочее хозяйство, и около 300 рублей чистаго дохода деньгами въ мѣсяцъ, — меньше другихъ можетъ завидовать служащимъ людямъ, что, если дѣлить, то ему-то, пожалуй, придется кое-что изъ своего отдать, — онъ и слышать ничего не хотѣлъ; мы своихъ ямщиковъ по дорогѣ и кормили и поили, но молодой все-же смотрѣлъ на насъ звѣремъ; мой старикъ его опредѣленно презиралъ. Только на 16-й день послѣ выѣзда изъ Орла я вернулся туда обратно.

Въ дальнѣйшемъ можно было рѣзко замѣтить, что бо̀льшій размахъ революція получила въ Тулѣ и въ Брянскѣ, т. е. въ городахъ съ большимъ фабричнымъ населеніемъ, тогда какъ въ Орлѣ и въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ революціоннаго настроенія почти не было.

По счастью это революціонное настроеніе совершенно не коснулось войскъ, и только въ декабрѣ 1905 г. въ хаосъ безчинствъ, которыя прокатились по всей

Россіи, втянулись отчасти и солдаты. Это не были солдаты строевыхъ частей, составлявшихъ гарнизоны городовъ, а солдаты возвратившихся съ Д. Востока расформированныхъ командъ, мѣстами задерживавшіеся до окончательнаго ухода по домамъ. Нѣсколько такихъ командъ, напр., остановилось въ Брянскѣ, и мнѣ лично одинъ разъ пришлось столкнуться съ творимыми ими безобразіями. Былъ я тогда въ Брянскѣ на какомъ-то слѣдствіи. Брянскъ-городъ отдѣленъ отъ своихъ двухъ вокзаловъ, — Риго-Орловской и Московско-Кіево-Воронежской желѣзныхъ дорогъ, — рѣкою Десной. Отъ вокзала Риго-Орловской дороги черезъ Десну устроенъ временный плашкоутный мостъ, который зимой снимаютъ, и тогда ѣздятъ прямо по льду, по рѣкѣ. Почему-то въ это время ледъ на Деснѣ разломался и, не наводя моста, переправу черезъ Десну совершали на лодкахъ. Окончилъ я слѣдствіе часовъ въ 6 вечера и собрался ѣхать на Риго-Орловскій вокзалъ, но оказалось, что ѣхать нельзя, переправы нѣтъ, ибо лодочники, работая на холоду, къ 5 час. вечера такъ напиваются, что послѣ 5-ти час. имъ запрещено перевозить. Тогда я рѣшилъ ѣхать на Моск.-Кіево-Ворон. вокзалъ, куда велъ постоянный мостъ, чтобы потомъ по передаточной линіи попасть на Риго-Орловскую дорогу. Но передаточный поѣздъ шелъ только около 12 час. ночи, и до вокзала надо было ѣхать верстъ 7-8. Сижу и жду въ гостиницѣ, а затѣмъ около 10½ час. веч. прошу хозяина позвать мнѣ извозчика. Онъ что-то замялся, но пошелъ и позвалъ. Схожу уже одѣтый по лѣстницѣ, — хозяинъ меня окликаетъ: „Не ѣздите“, говоритъ, „не доѣдете“. Я удивился, спрашиваю, въ чемъ дѣло. „Да развѣ Вы не знаете, что на тотъ вокзалъ теперь даже и днемъ-то ѣхать опасно, вѣдь тамъ по дорогѣ каждый день по 7, по 8 человѣкъ убиваютъ, — это все наши запасные, — а какъ-же Вы хотите ѣхать ночью? Не доѣдете!“ Подумалъ я и рѣшилъ остаться въ гостиницѣ до утра. Но какъ мнѣ было непріятно сознавать, что изъ-за солдатъ, — съ которыми, казалось-бы, можно чувствовать себя, какъ со своими, — пришлось отложить поѣздку, что изъ-за солдатъ нельзя проѣхать на вокзалъ!

Лѣтомъ 1906 года я получилъ назначеніе помощникомъ военнаго прокурора въ Одесскій военно-окружный судъ. Жаль было оставлять свой слѣдственный участокъ. Несмотря на то, что работа слѣдователя бывала подчасъ очень тяжелой, она давала очень многое въ смыслѣ судебной техники, и особенно въ смыслѣ навыка искать и находить правду, въ смыслѣ умѣнія разбирать правду и ложь въ словахъ людей, умѣнія угадывать потайныя пружины людскихъ поступковъ. Жаль было оставлять и уже налаженный слѣдственный аппаратъ: въ каждомъ городѣ я уже имѣлъ хорошихъ врачей-экспертовъ изъ военныхъ или земскихъ врачей, которыхъ удалось заинтересовать судебно-медицинской работой, а въ большихъ городахъ и врачей-экспертовъ по спеціальнымъ болѣзнямъ. Удалось добиться и значительнаго улучшенія въ постановкѣ военно-судебнаго дѣла въ частяхъ войскъ, въ смыслѣ производства дознаній, направленія дѣлъ и разсмотрѣнія ихъ въ полковыхъ судахъ; въ одномъ изъ полковъ удалось привлечь къ этому дѣлу призваннаго изъ запаса слѣдователя Рязанскаго окружнаго суда, и его серьезная работа сразу дала себя знать; въ другомъ полку ту-же работу съ большимъ успѣхомъ выполнялъ также призванный изъ запаса помощникъ присяжнаго повѣреннаго; въ сотрудничествѣ съ ними съ большой энергіей и знаніемъ работали на судебномъ поприщѣ и строевые офицеры.

Впрочемъ, и новая предстоявшая мнѣ работа въ должности помощника военнаго прокурора въ Одесскомъ военно-окружномъ судѣ открывала большія и интересныя перспективы въ томъ смыслѣ, что, какъ я зналъ, въ Одесскомъ военномъ округѣ, въ силу того, что онъ былъ на военномъ положеніи, къ компетенціи военно-окружнаго суда относились всѣ дѣла о важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ лицами гражданскаго вѣдомства, — что давало большой матеріалъ для наблюденій и обѣщало большой судебный опытъ.

III

Въ Одессу я прибылъ въ началѣ сентября 1906 года. Первыя впечатлѣнія были, что городъ, о которомъ такъ много говорили, какъ о городѣ, полномъ жизни, потерялъ свою жизнерадостность; чувствовались слѣды какой-то пережитой и еще не ушедшей тревоги. Революціонная волна 1905 года сильно задѣла Одессу и, кромѣ чисто революціонныхъ выступленій, разбудила и разнуздала безпокойные элементы города и городъ жилъ подъ постояннымъ опасеніемъ вымогательствъ, вооруженныхъ нападеній и т. д. Возьмете Вы утромъ газету и прочтете о бывшихъ за день въ городѣ 5 - 6 убійствахъ, 5 - 6 разбояхъ, а по ночамъ слышите то тамъ, то тамъ стрѣльбу. Чувствовалось, въ общемъ, что власть овладѣла уже положеніемъ, но еще и преступныя силы не сдавались. Преступный элементъ, главнымъ образомъ, состоялъ изъ „революціонной молодежи", — изъ среды рабочихъ и молодого еврейства. Очень были распространены т. наз. вымогательства, т. е. требованія отъ состоятельныхъ людей денегъ въ крупныхъ суммахъ, съ угрозой, въ случаѣ невыдачи, смертью; часто эта угроза приводилась въ исполненіе. Какъ это ни странно, но эти вымогатели оказывались въ очень благопріятномъ положеніи. По закону, въ то время существовавшему, вымогательство состояло въ числѣ т. наз. уголовно-частныхъ преступленій, по которымъ судебное преслѣдованіе виновныхъ могло начаться не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго и во всякій моментъ могло окон-

читься примиреніемъ между жертвой и виновнымъ, т. е. прекращеніемъ дѣла безъ наказанія виновнаго; власть сама по себѣ не имѣла права, безъ жалобы потерпѣвшаго, привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Вымогатели отлично пользовались этимъ привилегированнымъ положеніемъ: послѣ нѣсколькихъ случаевъ осуществленной угрозы смертью, запуганный обыватель рѣдко отказывалъ въ выдачѣ денегъ, а такъ какъ къ требованію обыкновенно присоединялась угроза, что, въ случаѣ жалобы, ему также грозитъ смерть, то обыкновенно и не рѣшался жаловаться; если-же кто нибудь и заявитъ жалобу, то за этимъ ему слѣдовало новое увѣдомленіе, что, если онъ немедленно не примирится съ виновнымъ, то также будетъ убитъ, и послѣ этого почти всегда уже потерпѣвшій дѣлалъ заявленіе, что онъ „*примирился*“ съ виновнымъ, и всякое судебное преслѣдованіе виновнаго прекращалось, вымогатель торжествовалъ и могъ снова безпрепятственно продолжать свою полезную дѣятельность въ томъ-же направленіи. Только послѣ цѣлаго ряда такихъ печальныхъ инцидентовъ и настойчивыхъ представленій судебныхъ властей былъ изданъ законъ, которымъ подобное вымогательство было изъято изъ числа уголовно-частныхъ преступленій и стало преслѣдоваться въ общемъ судебномъ порядкѣ.

Очень были распространены въ Одессѣ тогда и разбои, — т. е. насильственное, подъ угрозой смерти, или и съ убійствомъ, отнятіе денегъ или драгоцѣнностей. Пріемъ обыкновенный: врывается компанія, наставляетъ револьверы, „руки вверхъ!“ и отбираютъ, что возможно. Впрочемъ, это, по тогдашней терминологіи, называлось не разбоемъ, а „экспропріаціей“. Какъ извѣстно, экспропріаціей называется принудительное отчужденіе, распоряженіемъ государственной власти, частной собственности ради общественной пользы за справедливое вознагражденіе, — наши-же одесскіе экспропріаторы также совершали „принудительное отчужденіе частной собственности“, но только въ свою пользу. Терминъ этотъ вначалѣ пустили въ оборотъ революціонныя организаціи, добывавшія, частью путемъ вымогательствъ, а частью именно путемъ такихъ разбоевъ, деньги на свои партійныя цѣли, — но напрасно и онѣ прикрывались

этимъ болѣе красивымъ терминомъ: ихъ разбои и вымогательства все-же оставались разбоями и вымогательствами.

Революціонныя организаціи въ Одессѣ къ тому времени еще существовали. Въ главномъ онѣ уже были разбиты, открытыхъ партійныхъ выступленій почти уже не было, но члены этихъ организацій еще иногда проявляли себя одиночными выходками. Такихъ революціонныхъ организацій было, собственно, двѣ: партія соціалъ-демократовъ и партія соціалистовъ-революціонеровъ. Партія соціалъ-демократовъ, поставившая на своемъ знамени девизъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, въ своихъ прокламаціяхъ, широко распространявшихся въ Одессѣ, была болѣе теоретична, однако, неизмѣнно твердила, что „Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя“. Главнымъ образомъ ея агитація шла среди рабочаго класса, по программѣ Маркса, съ девизомъ борьбы рабочихъ противъ капиталистовъ, въ интересахъ дальнѣйшей соціализаціи промышленныхъ предпріятій, — и въ этомъ смыслѣ она была очень сильна въ Одессѣ, гдѣ масса рабочихъ, ремесленниковъ, приказчиковъ и т. д. очень увлекалась этой идеей соціализаціи фабрикъ, заводовъ, и во всякомъ случаѣ эта партія играла большую роль въ дѣлѣ созданія и обостренія классовой ненависти. По отношенію къ крестьянамъ эта партія замалчивала свои положенія, ибо она знала, что соціализація земли, т. е. обращеніе земли въ общественную собственность съ правомъ для отдѣльныхъ крестьянъ лишь пользованія землей, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ плодовъ работы, совершенно не соотвѣтствуетъ истиннымъ мечтамъ крестьянина объ увеличенной земельной собственности, — и поэтому свои обращенія къ крестьянамъ считала лишь „тактическимъ шагомъ“, направленнымъ къ возбужденію ихъ недовольства противъ помѣщиковъ-собственниковъ, къ подготовкѣ изъ крестьянъ массы, готовой на „ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя“.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ была, главнымъ образомъ, партіей крестьянскаго революціоннаго движенія и, какъ таковая, въ Одессѣ, городѣ фабричномъ, промышленномъ и торговомъ, большого развитія получить и не могла-бы, но поставленный ею лозунгъ „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, съ проповѣдью неустанной борьбы противъ существующаго государственнаго строя, сильно дѣйствовалъ на неуравновѣшенные, безпокойные элементы, заражая ихъ самой идеей борьбы, — и на ея совѣсти была, главнымъ образомъ, организація террористическихъ актовъ противъ представителей власти; главными жертвами этой партіи были городовые, жандармы, пристава, но доходило и до высшихъ чиновъ администраціи. Въ Севастополѣ, напр., было совершено покушеніе на ген. Неплюева, бывшаго тогда комендантомъ города: въ моментъ выхода его изъ собора, въ него была брошена бомба, которою 6 человѣкъ было убито и 30 ранено. Организаторомъ этого покушенія былъ извѣстный Борисъ Савинковъ, — впослѣдствіи управлявшій военнымъ министерствомъ при Керенскомъ, а затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда неопредѣленныхъ политическихъ зигзаговъ, „выбросившійся изъ окна“ у большевиковъ. Къ сожалѣнію, онъ послѣ этого покушенія успѣлъ скрыться и прислалъ письмо въ судъ изъ Швейцаріи съ указаніемъ своего адреса.

Обѣ эти политическія партіи, безусловно, лишь въ очень незначительной части имѣли въ своемъ составѣ идейно-убѣжденныхъ людей, большинство-же состояло изъ навербованныхъ, озлобленныхъ, недовольныхъ, безпокойныхъ элементовъ большого города, причемъ въ „послужныхъ спискахъ“ этихъ революціонеровъ нерѣдко значились въ прошломъ и дѣянія мало почтеннаго характера въ родѣ кражъ, грабежей и т. д. — Анархисты-коммунисты и анархисты-индивидуалисты были въ очень ограниченномъ количествѣ.

На борьбу съ этими революціонными организаціями въ Одессѣ выступилъ „Союзъ русскаго народа“, — насчитывавшій въ своихъ рядахъ очень значительное число членовъ; состоялъ онъ тоже, главнымъ образомъ, изъ молодежи, и очень рѣшительной; знаю, напр., такой случай: какъ-то вечеромъ, въ центрѣ города, одна ре-

волюціонная группа была обнаружена полиціей; полиція окружила домъ, гдѣ она находилась, но ничего сдѣлать не могла, — тѣ, потушивъ свѣтъ, отстрѣливались; явились на мѣсто члены „Союза русскаго народа“, узнали въ чемъ дѣло, ворвались въ домъ и повытаскали оттуда стрѣлявшихъ. Конечно, революціонное населеніе города звало этихъ членовъ Союза русскаго народа „черносотенцами“, „хулиганами“, — но фактъ остается фактомъ: этотъ союзъ много принесъ дѣлу освобожденія Одессы отъ революціонныхъ элементовъ; противопоставивъ силу силѣ, рѣшительность рѣшительности, онъ заставилъ преступные элементы революціоннаго міра сократить свои выступленія.

Раіонъ дѣйствія Одесскаго военно-окружнаго суда составляли Херсонская и Екатеринославская губерніи, Бессарабія, Крымъ и Область Войска Донского. На этомъ пространствѣ, помимо нормальной подсудности военнослужащихъ, вѣдомству военно-окружнаго суда подлежали всѣ совершенныя лицами гражданскаго вѣдомства наиболѣе тяжкія преступленія, какъ-то убійства, разбои, поджоги, вооруженное сопротивленіе органамъ власти, нападеніе на нихъ, и дѣла о принадлежности къ революціоннымъ сообществамъ и о революціонныхъ выступленіяхъ. Эти дѣла выдѣляются въ военную подсудность, при объявленіи мѣстности на военномъ положеніи, въ силу самаго закона, а при объявленіи ея на положеніи чрезвычайной или усиленной охраны — распоряженіемъ Главноначальствующаго или Генералъ-губернаторовъ. Выдѣленіе дѣла въ военную подсудность влечетъ за собою и примѣненіе процессуальнаго военнаго кодекса и примѣненіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, наказаній по законамъ военнаго времени: за вооруженное нападеніе на органовъ власти, за вооруженное имъ сопротивленіе, за убійство, покушеніе на убійство, за разбои и поджоги по законамъ военнаго времени полагается смертная казнь, по отношенію-же ко всѣмъ остальнымъ преступленіямъ, даже и при выдѣленіи ихъ въ военную подсудность, военные суды назначаютъ тоже наказаніе, которое могли бы назначить и суды гражданскаго вѣдомства, и, слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ, смыслъ передачи такихъ дѣлъ на рѣшеніе

военнаго суда заключается только въ большей скорости разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, по срокамъ военнаго времени, въ большей рѣшительности военнаго суда и въ большей устойчивости его рѣшеній по сравненію съ судомъ гражданскаго вѣдомства.

Къ моменту моего пріѣзда Одесскій военно-окружный судъ былъ буквально заваленъ такими дѣлами; помимо того, что въ самой Одессѣ судебныя разбирательства шли ежедневно, параллельно съ тѣмъ въ теченіе 8-9 мѣсяцевъ въ году во всѣхъ болѣе крупныхъ центрахъ, — въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Севастополѣ, Новочеркасскѣ, — были выѣздныя сессіи суда, также имѣвшія ежедневныя судебныя засѣданія. По должности помощника военнаго прокурора я долженъ былъ разсматривать поступающія въ военно-прокурорскій надзоръ слѣдственныя дѣла, составлять по нимъ заключенія, — или заключенія о прекращеніи или обвинительные акты,— а въ судебныхъ засѣданіяхъ выступать въ качествѣ обвинителя.

Самымъ острымъ вопросомъ времени былъ, конечно, вопросъ о смертной казни. Совершенно ясно, что исключительная суровость этой кары налагаетъ особыя обязанности на судъ въ смыслѣ осторожности ея примѣненія, но я не могу стать на точку зрѣнія тѣхъ лицъ, которыя готовы изломать правосудіе, лишь-бы не примѣнить къ виновному смертной казни, когда она опредѣляется закономъ за данное его преступленіе. Смертная казнь, опредѣляемая судомъ, не является неожиданностью для виновнаго, ибо заранѣе объявляется, за какого рода преступленія она будетъ опредѣляться, и уже дѣло каждаго, идущаго на преступленіе, считаться съ возможностью объявленной кары. Затѣмъ я совершенно не принадлежу къ людямъ, страдающимъ, по выраженію А. Ф. Кони, „жестокою чувствительностью", которые слишкомъ чувствительны къ виновнику преступленія и слишкомъ жестоки къ его жертвѣ, — мнѣ лично всегда больше жаль жертву преступленія, чѣмъ виновника его. Въ Одессѣ въ то время вопросъ о смертной казни, назначаемой судомъ, служилъ спеціальнымъ средствомъ для возбужденія вражды и къ суду и къ администраціи. Около зданія военно-окружнаго суда, по

каждому дѣлу, по которому могъ быть смертный приговоръ, собиралась громадная толпа народа и часами иногда ждала момента произнесенія приговора и, если оказывалось, что подсудимый приговоренъ къ смертной казни, то въ толпѣ раздавались крики ужаса, иногда рыданія, истерики; правды въ этомъ не было, — было, конечно, много горя въ такомъ осужденіи для близкихъ къ осужденному лицъ, но такихъ лицъ въ толпѣ бывало, можетъ быть, по 10 - 15 человѣкъ, это максимумъ, а всѣ остальные только инсценировали свое возмущеніе и состраданіе: проходя сейчасъ-же послѣ объявленія приговора черезъ эту самую толпу, я видѣлъ совершенно безучастныя лица, слышалъ смѣхъ и совершенно посторонніе разговоры, — очевидно, до судьбы осужденнаго всей этой массѣ не было никакого дѣла. Къ тому-же въ это время всѣ эти инсценировки были и совершенно излишни: примѣненіе смертной казни фактически было сведено до минимума; каждый приговоръ о смертной казни представлялся на утвержденіе Комадующему войсками округа или Генералъ-губернатору и уже совершенно опредѣлилось положеніе, что, если только виновнымъ не было совершено убійство, то, безусловно, смертный приговоръ не будетъ утвержденъ и смертная казнь будетъ замѣнена каторжными работами, т. е. нормальнымъ наказаніемъ. Бывали даже такіе случаи, что одинъ и тотъ-же подсудимый нѣсколькими приговорами по отдѣльнымъ дѣламъ, по соучастію съ разными лицами, былъ присуждаемъ къ смертной казни, и ему каждый разъ наказаніе смягчалось и онъ совершенно спокойно шелъ и на новое свое обвиненіе, будучи увѣреннымъ, что, если и на этотъ разъ его присудятъ къ смертной казни, то все-же она примѣнена не будетъ. Помню разъ такое дѣло: обвинялось 5 человѣкъ въ разбоѣ, происшедшемъ безъ убійства; потерпѣвшій, почтенный еврей, даетъ серьезно свои показанія, всѣхъ обвиняемыхъ опознаетъ, но подтверждаетъ, что, на самомъ дѣлѣ, разбойниковъ было не пять, а шесть, какъ значилось и по дѣлу. Затѣмъ даетъ показаніе одинъ свидѣтель, уже передъ тѣмъ недѣли за двѣ присужденный за такой-же разбой къ смертной казни, которому она была замѣнена каторгой на 20 лѣтъ. Вдругъ

получается неожиданность: послѣ его показанія встаетъ потерпѣвшій и заявляетъ: „А вотъ этотъ самый и есть шестой разбойникъ!“ Заявленіе это было занесено въ протоколъ, дѣло было пріостановлено и направлено къ дослѣдованію для привлеченія новаго обвиняемаго, — а уличенный выслушалъ это совершенно спокойно, не сталъ даже и протестовать противъ такого обвиненія, такъ какъ онъ отлично зналъ, что, все равно, и въ этомъ случаѣ, смертной казни ему не будетъ.

Проведя въ Одессѣ нѣсколько незначительныхъ дѣлъ, я въ концѣ сентября 1906 г. былъ назначенъ и. об. военнаго прокурора въ сессію военно-окружнаго суда въ Екатеринославъ. Объ этой сессіи говорили какъ объ одной изъ самыхъ серьезныхъ: помимо обще-уголовныхъ дѣлъ, здѣсь впервые подлежали разсмотрѣнію крупныя политическія дѣла о желѣзнодорожныхъ забастовкахъ и революціонныхъ выступленіяхъ 1905 года. Дѣлъ было много, — расписаніе дѣлъ было составлено до половины декабря. Помимо количества и рода дѣлъ имѣлось въ виду еще и то, что Екатеринославъ, вообще, отличался своимъ революціоннымъ настроеніемъ, и предполагалось, что военный судъ встрѣтитъ тамъ рѣзко враждебное отношеніе. Поэтому Командующій войсками округа генералъ Каульбарсъ потребовалъ, чтобы мы, т. е. предсѣдательствующій и я, не останавливались въ частной гостиницѣ, и намъ было отведено помѣщеніе въ офицерскомъ собраніи 133 пѣх. Симферопольскаго полка; на вокзалѣ насъ встрѣтилъ взводъ драгунъ, который и эскортировалъ насъ до назначеннаго намъ помѣщенія. Почти съ самаго момента прибытія къ намъ стали пріѣзжать то начальникъ жандармскаго управленія, то начальникъ охраннаго отдѣленія, то начальникъ сыскного отдѣленія, и всѣ предупреждали, чтобы мы были осторожнѣе, просили, если можно, никуда не выходить, такъ какъ, по ихъ свѣдѣніямъ, на насъ готовятся покушенія: одинъ разъ, говорятъ, задержали какого-то человѣка, поселившагося вблизи нашего помѣщенія и имѣвшаго при себѣ бомбы; другой разъ на трамваѣ, по

направленію къ намъ, задержали какого-то человѣка съ бомбой, — хотя, собственно, этихъ данныхъ еще было мало, чтобы считать, что эти бомбы предназначались именно для насъ. Мы, однако, не очень слушались этихъ предупрежденій, ходили по городу, а особенно часто посѣщали Таврическій садъ: съ нами всегда ходилъ и нашъ помощникъ секретаря, въ штатскомъ, и мы смѣялись, что его-то, вѣроятно, и будутъ всѣ считать за прикомандированнаго къ намъ агента охраннаго отдѣленія. На настойчивыя просьбы не выходить мы стали, наконецъ, отвѣчать шуткой: „Помилуйте", говорили мы, „вѣдь мы здѣсь пробудемъ почти три мѣсяца и, если не будемъ выходить, то, навѣрное, за это время умремъ, а такъ, все-таки, больше вѣроятія остаться въ живыхъ, ибо, если и будутъ стрѣлять, то вѣдь не обязательно попадутъ, могутъ и промахнуться." Впрочемъ, несомнѣнно, извѣстная осторожность требовалась, за нами, безусловно, слѣдили: было три случая, когда насъ явно преслѣдовали и, вѣроятно, только вниманіе и удачное занятіе нами по отношенію къ преслѣдующимъ болѣе выгоднаго положенія избавляли насъ отъ покушеній.

Настроеніе въ городѣ, какъ мы приглядѣлись, было не столько революціонное, сколько вообще безпокойное, взбудораженное, — много даже болѣе безпокойное, чѣмъ въ Одессѣ. На этой почвѣ произошелъ довольно оригинальный случай. Были мы приглашены на обѣдъ къ губернатору, а передъ тѣмъ рѣшили прогуляться и пошли по большому мосту черезъ Днѣпръ, который ведетъ въ поселки Амуръ и Нижнеднѣпровскъ. Передъ обѣдомъ, естественно, зашелъ разговоръ о настроеніяхъ въ Екатеринославѣ и губернаторъ сказалъ, что теперь, по сравненію съ тѣмъ, что было, положимъ, за полгода назадъ, въ Екатеринославѣ совершенно спокойно, а затѣмъ сталъ насъ разспрашивать, какъ намъ здѣсь нравится. Мы сказали, что Екатеринославъ намъ очень нравится и что мы вотъ только что совершили прекрасную прогулку. Губернаторъ встревожился: „Какъ! Вы были на этомъ мосту? ходили къ Амуру? — да вѣдь туда-же нельзя ходить, тамъ ежедневно бываетъ по 5 - 6 убійствъ, а какъ-же вы, за которыми, несомнѣнно,

слѣдятъ, туда идете?“ — „Ваше П-во“, отвѣтили мы, „да вѣдь Вы-же сами сказали, что теперь въ городѣ совершенно спокойно!“ — „Да“, — сказалъ онъ, „въ городѣ-то еще ничего, а туда ходить совершенно невозможно.“ Дѣйствительно, какъ мы потомъ узнали, эти два рабочіе поселка, Амуръ и Нижнеднѣпровскъ, были рѣзко-революціонно настроены и тамъ очень часто были убійства городовыхъ, приставовъ и т. д. Помню, разъ въ судебномъ засѣданіи одному изъ допрошенныхъ свидѣтелей городовому было предложено идти домой, но онъ просилъ разрѣшенія остаться дождаться другихъ свидѣтелей, городовыхъ и пристава, такъ какъ надо идти на Амуръ, а туда имъ по-одиночкѣ ходить невозможно. Къ сожалѣнію, почти всѣ эти убійства чиновъ полиціи оставались не раскрытыми. При такомъ положеніи дѣла командиръ расположеннаго въ Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ кавалерійскаго дивизіона, при обнаруженіи первыхъ-же фактовъ явно-враждебнаго отношенія населенія къ чинамъ его отряда, объявилъ населенію, что, если будетъ убитъ или раненъ хоть одинъ солдатъ или офицеръ его дивизіона, то онъ сожжетъ оба эти поселка, и это рѣшительно подѣйствовало, никакихъ покушеній ни на кого изъ нихъ не было. Этотъ фактъ совершенно опредѣленно указывалъ, что и убійства чиновъ полиціи не были дѣломъ отдѣльныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ лицъ, а были работой цѣлой преступной организаціи, имѣвшей прочныя связи съ населеніемъ.

Если, однако, вопросъ о непосредственной опасности для насъ, т. е. для состава суда, оставался еще подъ сомнѣніемъ, то ясно сказалась другая тенденція, — опорочить судъ со стороны его законности, показать нашу кровожадность, выставить насъ, какъ „палачей“. Чуть-ли не на второй день нашего прибытія въ одной изъ мѣстныхъ газетокъ появилась статья, гдѣ именно въ такомъ духѣ освѣщалась населенію предстоящая работа нашей сессіи. Въ этой статейкѣ, напр., было указано, что первымъ назначено дѣло о „скромномъ юношѣ 18 лѣтъ“, къ которому, по приговору суда прошлой сессіи, не была примѣнена смертная казнь, но, вслѣдствіе „незаконной“ отмѣны этого приговора, те-

перь его дѣло будетъ снова пересматриваться съ тѣмъ, чтобы назначить ему смертную казнь; далѣе указывалось, что вообще вся сессія будетъ состоять изъ ряда дѣлъ, по которымъ нужно ждать смертныхъ приговоровъ, хотя, въ дѣйствительности, по характеру преступленій, этого не должно-бы быть, и примѣненіе смертной казни будетъ являться произвольнымъ толкованіемъ законовъ, — и т. д. въ такомъ-же родѣ. Все это было сплошной ложью. Этотъ „скромный юноша 18 лѣтъ" на самомъ дѣлѣ былъ 24-25-лѣтній парень, совершившій два убійства; предыдущій судъ совершенно неправильно не примѣнилъ къ его преступленію законовъ военнаго времени и, естественно, этотъ приговоръ былъ въ кассаціонномъ порядкѣ отмѣненъ. Чтобы сразу-же оказать противодѣйствіе такимъ выпадамъ газетки, я, по соглашенію съ предсѣдателемъ, составилъ опроверженіе на эту статью и предсѣдатель, съ этимъ опроверженіемъ, поѣхалъ поговорить на эту тему съ генералъ-губернаторомъ. Генералъ-губернаторъ посмотрѣлъ на дѣло еще рѣшительнѣе; онъ вызвалъ къ себѣ редактора этой газеты, прочелъ ему его статью, прочелъ ему наше опроверженіе и затѣмъ предложилъ на выборъ: или пусть онъ въ своей газетѣ помѣститъ наше опроверженіе и даже не въ видѣ нашего возраженія, а въ видѣ заявленія своей газеты, или онъ будетъ высланъ, а газета закрыта. Редакторъ поспѣшилъ согласиться на первое и на слѣдующій день въ газетѣ на первомъ мѣстѣ, за подписью редакціи, появилась статья, приблизительно, слѣдующаго содержанія: — „Помѣщенная въ №... нашей газеты статья подъ заголовкомъ... представляетъ собою сплошной вымыселъ. Свѣдѣнія о томъ-то... являются совершенно не соотвѣтствующими истинѣ. Такое-то указаніе статьи... является явно тенденціознымъ. Сообщенный въ статьѣ фактъ... является грубымъ искаженіемъ дѣйствительной обстановки" и т. д. Послѣ этого атмосфера стала совершенно нормальной и отчеты газеты о нашихъ дѣлахъ стали вполнѣ соотвѣтствовать истинѣ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ нашей сессіи было дѣло о крест. Василіи Даценко, 23 лѣтъ, анархистѣ-коммунистѣ, обвинявшемся въ убійствѣ пристава. Введенный

въ залъ судебнаго засѣданія съ двумя конвойными, Даценко въ весьма развязной позѣ развалился на стулѣ. Когда предсѣдатель обратился къ нему съ формальными вопросами объ его имени, фамиліи, возрастѣ и т. д., Даценко, оставаясь въ той-же позѣ, сказалъ: „А зачѣмъ, собственно, я Вамъ долженъ объ этомъ говорить? „Предсѣдатель ему заявилъ, что, если онъ объ этомъ спрашиваетъ, то спрашиваетъ въ силу закона, и напомнилъ Даценкѣ, что при обращеніи къ нему суда онъ долженъ вставать. Даценко демонстративно-неохотно поднялся. На вопросъ, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ предъявленномъ ему обвиненіи, Даценко заявилъ: „Я вообще не считаю нужнымъ давать Вамъ какія-нибудь объясненія, я пришелъ къ Вамъ не судиться, а выслушать смертный приговоръ.“ — „Если Вы его заслужили, Вы его услышите“, отвѣтилъ ему предсѣдатель, „но я Вамъ обязанъ предлагать такіе вопросы; Вы, по закону, имѣете право не отвѣчать на предлагаемые вопросы и Ваше молчаніе не можетъ быть сочтено за признаніе вины, но во всякомъ случаѣ быть приличнымъ по отношенію къ суду, когда онъ къ Вамъ обращается, Вы обязаны.“ При начавшемся допросѣ свидѣтелей Даценко держалъ себя неприлично, и предсѣдатель еще разъ напомнилъ ему: „Вы жаловались на слѣдствіи, что съ вами въ полиціи обращались некорректно, — потрудитесь-же сами быть корректны по отношенію къ свидѣтелямъ.“ Несмотря на всѣ эти предупрежденія, Даценко одного изъ свидѣтелей выругалъ и тогда судъ постановилъ удалить его изъ залы засѣданія и продолжать разсмотрѣніе дѣла въ его отсутствіе. По окончаніи допроса свидѣтелей Даценко снова былъ введенъ въ залъ и предсѣдатель передалъ ему сущность показаній, данныхъ въ его отсутствіе. Даценко опять заявилъ, что пришелъ не судиться, а только выслушать смертный приговоръ. Приговоромъ суда онъ былъ присужденъ къ смертной казни. По прочтеніи этого приговора, Даценко театрально воскликнулъ: „Да здравствуетъ анархическій коммунизмъ! Смерть тиранамъ!“, но эффекта это никакого не произвело, — сопровождавшіе его конвойные отнеслись къ его возгласу совершенно безразлично. Послѣ этого отъ одного изъ присутствовавшихъ при его казни лицъ

я слышалъ, что Даценко передъ самой казнью такъ хвастался своимъ прошлымъ: „У меня былъ товарищъ,— его двѣ недѣли тому назадъ повѣсили по приговору полевого суда, — и мы съ нимъ перегонялись, кто больше убьетъ, и я перегналъ: онъ убилъ 18 человѣкъ, а я 23!“

Главную массу дѣлъ этой сессіи составляли дѣла о разбояхъ. Всѣ эти разбои были совершенно одинаковаго порядка и были настолько цинично-скверными, что ихъ даже не рѣшались называть „экспропріаціями“. Обвиняемыхъ было по большинству дѣлъ по 4 - 5 человѣкъ, и, характерно, все молодежь въ возрастѣ 20 - 24 лѣтъ; все это были любители не-трудовой наживы, грубо-жадные, не признающіе ничьего человѣческаго достоинства, хулиганы по всему своему нравственному складу, — типичный продуктъ разнузданности, освобожденной и обостренной революціоннымъ настроеніемъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было сплоченное общество, — не фактическимъ соглашеніемъ на каждое отдѣльное преступленіе, а принципіальной общностью интересовъ и поддержкой преступной дѣятельности. За обнаруженными преступниками стояли другіе не-обнаруженные и развивали въ населеніи терроръ, имѣвшій цѣлью уничтожить сопротивляемость преступникамъ и мѣшать обнаруженію виновныхъ. Терроръ этотъ направлялся на свидѣтелей и жертвъ преступленія. По одному дѣлу, напр., судъ вызываетъ свидѣтелей, — оказывается, всѣ свидѣтели по дѣлу, давшіе показанія противъ обвиняемыхъ, убиты. По другому дѣлу спрашиваемъ свидѣтелей, — а затѣмъ узнаемъ, что эти свидѣтели, бывшіе на судѣ и уличавшіе такъ или иначе обвиняемыхъ, также всѣ убиты. Разъ приходитъ къ намъ передъ судебнымъ засѣданіемъ вызванная судомъ потерпѣвшая отъ разбоя женщина со своею 14-ти лѣтнею дочерью, и показываетъ письмо, которое она получила: въ письмѣ ей пишутъ, конечно, безъ подписей, что, если только она на судѣ не откажется отъ данныхъ ею раньше показаній и отъ опознанія обвиняемыхъ, то съ ней поступятъ такъ-же, какъ съ семьей Абрамовичей, гдѣ всю семью вырѣзали и домъ сожгли; плачетъ, трясется вся бѣдная женщина и проситъ посовѣтовать, какъ ей поступить. Конечно, мы ей посовѣтовали отказаться на судѣ отъ прежнихъ

своихъ показаній, — и надо было видѣтъ торжествующія физіономіи подсудимыхъ! торжествовали, конечно, напрасно, — всѣ они были осуждены.

Печально было положеніе защиты по этимъ дѣламъ: сказать что-нибудь серьезное въ пользу такихъ негодяевъ защита совершенно не могла, а защищать была обязана, ибо и она могла-бы оказаться подъ угрозой и воздѣйствіемъ этихъ преступныхъ шаекъ. Иногда прямо было видно, какъ неловко себя чувствуетъ защитникъ, по совѣсти ничего не видящій въ дѣлѣ въ пользу своего подзащитнаго, и потому или голословно отвергающій несомнѣнные факты, или проявляющій всю силу своего краснорѣчія по поводу ничего не стоющихъ мелочей. Особенно излюбленнымъ пріемомъ защиты у подсудимыхъ этой категоріи было установленіе своего alibi, т. е. установленіе, съ помощью вызванныхъ ими свидѣтелей, что они никакъ не могли совершить даннаго преступленія, такъ какъ какъ разъ въ это время находились совершенно въ другомъ мѣстѣ. Конечно, можетъ быть такой случай, когда будетъ привлечено къ судебной отвѣтственности, по ошибкѣ, лицо, которое фактически даже и не было на мѣстѣ совершенія преступленія, но вопросъ о такого рода ошибкѣ всегда будетъ поднятъ при самомъ началѣ судебнаго разслѣдованія, да и такіе случаи ошибки, конечно, рѣдкость. А тутъ на судѣ было такъ: проходитъ у Васъ передъ глазами подъ-рядъ 5-6 дѣлъ о разбояхъ, съ 4-5 обвиняемыми въ каждомъ дѣлѣ, — и оказывается, что всѣ до единаго привлечены совершенно невинно, ибо ни одинъ изъ нихъ даже и не былъ на мѣстѣ преступленія! И характерно, что эти свидѣтели alibi никогда не были выставляемы на предварительномъ слѣдствіи, а только вызывались на судъ. А еще, пожалуй, характернѣе были самые пріемы такихъ показаній: введутъ, бывало, такого свидѣтеля-алибиста, — и еще не успѣетъ предсѣдатель спросить объ его имени и напомнить ему о необходимости показывать правду, какъ свидѣтель уже говоритъ: „Я могу показать, что такой-то совершенно невиновенъ, ибо во время совершенія этого преступленія онъ находился со мной тамъ-то и тамъ-то.“ Самъ собою возникалъ вопросъ, откуда этотъ свидѣтель, раньше никогда не допраши-

вавшійся, знаетъ, зачѣмъ его вызвалъ судъ и что ему надо показать на судѣ. Подсудимымъ, видимо, такіе алибисты доставляли большое удовлетвореніе, — другихъ доказательствъ невиновности у нихъ не было, — но бѣдные защитники, которымъ приходилось, въ угоду подсудимымъ, пользоваться и еще какъ-бы серьезно останавливаться на такого рода доказательствахъ невиновности.

Впрочемъ, былъ со мною разъ случай, когда и я сначала-было повѣрилъ такому алибисту. Разсматривалось дѣло о такой-же разбойничьей шайкѣ въ 5-6 человѣкъ, но по дѣлу еще былъ привлеченъ въ качествѣ укрывателя мѣстный портной, Ицко Л-инъ, человѣкъ лѣтъ 35-37, хромой. Онъ клялся и божился, что онъ, честный еврей, совершенно непричастенъ къ этому дѣлу: „да что я, старый человѣкъ, буду имѣть общаго съ этими мальчишками? — я знаю свое дѣло, я больной человѣкъ, да я изъ нихъ никого и въ глаза не видѣлъ!“ Явился и свидѣтель со стороны этого Л-ина, почтенный еврей лѣтъ 50-ти, и удостовѣряетъ: „Ицку Л-ина я давно знаю, онъ честный портной и ни въ какихъ такихъ дѣлахъ не замѣшанъ. Послѣдній годъ до совершенія этого преступленія Ицко Л-инъ жилъ у меня на квартирѣ, я его каждый день видѣлъ, и могу сказать, что кромѣ заказчиковъ никто къ нему не приходилъ, и что изъ этихъ обвиняемыхъ у него никто никогда не былъ, да и самъ онъ почти никуда изъ дому не выходилъ“. Я задумался: показываетъ человѣкъ почтенный, да еще послѣ принятой присяги, которой обѣщался показать всю правду по дѣлу, — и, какъ значилось тогда въ текстѣ еврейской присяги, „не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ“. — „Что-же“, думаю, „можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, напрасно оговорили Ицку?“ — хотя, странно, по дѣлу улики противъ него не маленькія. Затѣмъ выходитъ другой, вызванный имъ-же свидѣтель, еще болѣе почтенный, лѣтъ 60-ти. Что-же, думаю, онъ скажетъ въ защиту Л-ина? — И, представьте, этотъ свидѣтель тоже буквально повторяетъ, что говорилъ и предыдущій: „этого Л-ина я отлично знаю... Онъ честный портной... Онъ до совершенія этого преступленія

жилъ у меня на квартирѣ 10 мѣсяцевъ и я могу удостовѣрить, что ни одинъ изъ этихъ обвиняемыхъ молодыхъ людей къ нему никогда не приходилъ, и самъ онъ никуда не выходилъ изъ дому". Спрашиваю его: „Скажите, Вы вмѣстѣ живете съ такимъ-то?" — т. е. съ предыдущимъ свидѣтелемъ. — „Нѣтъ", говоритъ, „я его даже не знаю." Алиби дѣйствительно получалось блестящее: Ицко Л-инъ оказался жившимъ за время до совершенія преступленія одновременно въ двухъ разныхъ мѣстахъ,— въ одномъ жилъ годъ, въ другомъ 10 мѣсяцевъ, — и при этомъ никуда ни съ одной, ни съ другой квартиры не выходилъ! Перестарались гг. свидѣтели! А вѣдь понятно, почему: подсудимый, вѣроятно, не разсчитывалъ, что они оба явятся, и предполагался одинъ на случай отсутствія другого, а они добросовѣстно явились оба. Излишества, оказывается, и въ защитѣ вредны. Дѣло для Ицки кончилось благополучно: его судъ призналъ виновнымъ только въ недонесеніи о совершенномъ преступленіи и приговорилъ на 3 года въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Первый разъ видѣлъ я такую радость при объявленіи все-же осуждающаго приговора: Л-инъ, который такъ плакался, что онъ ровно ничего не знаетъ по этому дѣлу, сталъ просить судъ, что, такъ какъ онъ приговоромъ вполнѣ доволенъ, и жалобы подавать не будетъ, то нельзя-ли приговоръ сейчасъ-же привести въ исполненіе.

Кромѣ дѣлъ о разбояхъ значительную часть и здѣсь занимали дѣла о вымогательствахъ, — въ сущности, это вѣдь дѣла одного порядка, подсказываемыя одними и тѣми-же побужденіями. И личности обвиняемыхъ и характеръ доказательствъ ничего новаго не давали. Бывали, конечно, и оправдательные приговоры, — въ общемъ, въ практикѣ военнаго суда какъ-то уже установилось, что около трети обвиняемыхъ оправдывается, но въ данной серіи дѣлъ оправданій было меньше, — уже очень несомнѣнны были улики и слишкомъ уже ярко были освѣщены личности подсудимыхъ ихъ преступленіями.

Приблизительно со второй половины сессіи началось разсмотрѣніе дѣлъ о политическихъ выступленіяхъ, — именно дѣлъ о желѣзнодорожныхъ забастовкахъ

въ декабрѣ 1905 года, связанныхъ съ вооруженными нападеніями и сопротивленіемъ чинамъ полиціи и войска. Такихъ дѣлъ было три: о забастовкѣ на ст. Пологи и Мечетная, о забастовкѣ на ст. Синельниково, и о вооруженномъ захватѣ ст. Александровскъ. По первому дѣлу было, кажется, 7 или 8 обвиняемыхъ, по второму 15, по третьему 80. Въ общемъ, схема преступленій была одинакова: сначала революціонная пропаганда, затѣмъ остановка работъ мастерскихъ и остановка движенія поѣздовъ, прекращеніе работы телеграфа, захватъ станціонныхъ сооруженій, насильственное устраненіе администраціи, избіеніе жандармовъ, вооруженное сопротивленіе имъ и т. д. Главные участники — рабочіе депо и мелкіе станціонные служащіе, но попадаются и агитаторы изъ пришлаго элемента; по Александровскому дѣлу составъ обвиняемыхъ значительно шире и разнообразнѣе.

Ничего особенно характернаго первыя два дѣла не дали. Прошли передъ нами одурманенныя революціоннымъ угаромъ лица, въ обстановкѣ самаго преступленія давшія волю своимъ грубымъ инстинктамъ, иногда доходившія до жестокости, а теперь, уличенныя, пытающіяся отклонить отъ себя кару закона. Свидѣтели явно дѣлились на двѣ группы: одни, — главнымъ образомъ, лица, непричастныя къ желѣзнодорожному міру, и желѣзнодорожные жандармы, — давали всю картину происшествій и, къ чести ихъ надо сказать, ихъ показанія были въ высшей степени объективны; съ удовольствіемъ можно было отмѣтить такую объективность со стороны жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ при самой революціи всячески поносили, которые подвергались постоянному риску быть убитыми или избитыми, — сына одного изъ нихъ, 8-милѣтняго мальчика, революціонеры выбросили изъ желѣзнодорожной больницы за то, что онъ сынъ жандарма, — и которые сумѣли отбросить эти лично-пережитыя оскорбленія и опасности и быть осторожными въ каждомъ своемъ словѣ на судѣ, чтобы не создать преувеличеній, не усилить виновности того или другого изъ обвиняемыхъ, а съ другой стороны не проявили и страха передъ местью, которая могла ихъ ожидать за сообщаемыя ими данныя по возвращеніи ихъ на мѣста.

Интересны были нѣкоторые свидѣтели защиты. По первому дѣлу, о забастовкѣ на ст. Пологи и Мечетная, явился свидѣтелемъ со стороны защиты инженеръ Z., кажется, начальникъ дистанціи. На допросѣ онъ заявилъ, что хочетъ разсказать, какъ, собственно, все произошло, и заявилъ, что забастовки на ст. Пологи и Мечетная не было, — это маленькія станціи, которыя поѣздовъ не отправляли, — а бастовала ст. Синельниково, которая не пускала поѣздовъ. Казалось, говоритъ человѣкъ съ положеніемъ, очень уже не молодой, — но факты не вязались съ его заявленіемъ, судъ фактъ забастовки на этихъ станціяхъ призналъ установленнымъ, и заявленіе этого инженера пришлось считать попыткой смягчить участь подсудимыхъ. На второмъ дѣлѣ, о забастовкѣ на ст. Синельниково, къ удивленію моему, этотъ-же инженеръ Z. снова оказывается въ числѣ свидѣтелей защиты. Помня его показаніе по предыдущему дѣлу, я думалъ, что-же онъ теперь покажетъ, — вѣдь онъ-же, свидѣтель защиты, долженъ будетъ утверждать фактъ забастовки во вредъ обвиняемымъ, — но дѣло оказалось проще: нисколько не смущаясь, этотъ свидѣтель заявилъ: „На станціи Синельниково забастовки не было, — это со ст. Пологи и Мечетная не пропускали поѣздовъ, и потому, естественно, ст. Синельниково оставалась бездѣятельной.“ Я положительно вскипѣлъ: „Да какъ-же, свидѣтель, вѣдь Вы на прошломъ дѣлѣ показывали совершенно противоположное! Вы говорили такъ-то!“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ невозмутимо, „я и тогда показывалъ то-же самое.“ И вѣдь оба раза свидѣтель давалъ свои показанія подъ присягой! Затѣмъ было оригинальное показаніе одной телеграфистки. Спрашиваю ее насчетъ забастовки телеграфа. Она дѣлаетъ удивленное лицо и говоритъ: „Нѣтъ, нашъ телеграфъ не бастовалъ, — но никто какъ-то не подавалъ телеграммъ.“ Это была уже наивность свыше мѣры. „Скажите, пожалуйста“, спросилъ я ее, „вѣроятно у Васъ и поѣзда потому не ходили, что никто ѣздить не хотѣлъ?“ — Смертной казни, конечно, ни по одному изъ этихъ дѣлъ не было, около трети обвиняемыхъ было оправдано. Значительное число главныхъ виновныхъ успѣло заблаговременно скрыться.

Самымъ большимъ, самымъ интереснымъ и самымъ отвѣтственнымъ дѣломъ этой сессіи было дѣло о вооруженномъ захватѣ ст. Александровскъ. По существу своему оно было близко къ двумъ предыдущимъ дѣламъ, но было болѣе серьезно по напряженности революціонной атмосферы и по интенсивности борьбы, — захватъ этотъ былъ ликвидированъ лишь послѣ двухдневнаго боя войскъ съ революціонной массой, причемъ съ обѣихъ сторонъ было довольно много убитыхъ и раненыхъ. Обвиняемыхъ по дѣлу было привлечено болѣе 120 человѣкъ, но часть успѣла скрыться и къ моменту суда налицо было 80 обвиняемыхъ, содержавшихся подъ стражей; въ числѣ ихъ было, кажется, 4 инженера. По дѣлу вызывалось около 400 свидѣтелей. Разсмотрѣніе дѣла предполагалось дней на 10 - 12, съ тѣмъ, чтобы засѣданіе начиналось въ 10 ч. утра и велось до 9 - 10 ч. вечера.

Какъ разъ передъ началомъ этого дѣла произошелъ такой случай: послѣ дѣла о забастовкѣ на ст. Синельниково, мы разсмотрѣли одно небольшое по существу дѣло о 4 лицахъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ или въ разбоѣ съ убійствомъ. Они были присуждены къ смертной казни. На слѣдующій день ихъ къ 10 ч. утра должны были привести изъ тюрьмы въ судъ для объявленія приговора въ окончательной формѣ. Въ 10 ч. утра ихъ нѣтъ, въ 11 — нѣтъ, и только около $11^1/_2$ ч. узнаемъ, что, когда ихъ вели конвойные, конвойныхъ окружила толпа человѣкъ въ 30 и разстрѣляла, — двое изъ нихъ были буквально изрѣшетены пулями, — и освободила арестованныхъ, которые, конечно, и бѣжали.

На слѣдующій день послѣ этого, начиналось Александровское дѣло. Этотъ случай съ разстрѣломъ конвойныхъ былъ очень показателенъ: сопровождавшіеся ими арестованные, по личности своей, не представляли какого-либо особеннаго интереса, были обычные уголовные типы, — однако, для ихъ освобожденія была составлена цѣлая организація, которая рискнула сдѣлать нападеніе днемъ, правда, на окраинѣ города, но все-же на глазахъ довольно большой публики. Это очень пришлось учесть и по Александровскому дѣлу: здѣсь въ числѣ обвиняемыхъ были лица, въ освобожденіи кото-

рыхъ были, несомнѣнно, заинтересованы революціонные круги, и имѣлись уже заранѣе свѣдѣнія, что предполагается попытка къ ихъ освобожденію; затѣмъ, всѣхъ этихъ 80 арестованныхъ приходилось водить въ судъ въ теченіе ряда дней черезъ весь городъ и уводить обратно уже позднимъ вечеромъ, что, конечно, могло облегчить освобожденіе. Поэтому къ дѣлу ихъ охраны и сопровожденія были призваны и общая полиція, и конная полиція, и полурота солдатъ, причемъ, въ виду свѣдѣній о нѣсколько сомнительномъ настроеніи нѣкоторыхъ ротъ, для этой охраны были выбраны двѣ роты, которыя и чередовались. Настроеніе, все-же, было довольно напряженное, но его очень энергично разрѣшилъ одинъ изъ ротныхъ командировъ. Въ первый-же день, когда приходилось его ротѣ сопровождать арестованныхъ, онъ, на глазахъ арестованныхъ, построивъ полуроту, подалъ команду: „на первый-второй разсчитайся!“ — это была обычная команда для построеній, — а затѣмъ громко сказалъ солдатамъ: „Помните, что дѣлать, въ случаѣ нападенія, первымъ номерамъ, а что вторымъ!“, и послѣ этого поставилъ полуроту на мѣсто къ арестованнымъ и приказалъ ихъ вести. Арестованные по дорогѣ спросили солдатъ, что именно приказано дѣлать первымъ, а что вторымъ номерамъ; тѣ отвѣтили: „первымъ стрѣлять по нападающимъ, а вторымъ по вамъ, чтобы не разбѣжались.“ Въ тотъ-же день была перехвачена записка арестованныхъ, гдѣ они писали, что узнали, что есть такое распоряженіе, и что поэтому просятъ отказаться отъ мысли ихъ освободить, такъ какъ это было-бы „безуміемъ“. Никакихъ попытокъ къ освобожденію ихъ, дѣйствительно, не послѣдовало, все сопровожденіе ихъ въ судъ и обратно за всѣ дни прошло безъ всякихъ инцидентовъ.

На судъ явились всѣ 80 обвиняемыхъ. Ихъ защищало 12 адвокатовъ. Повѣрка свидѣтелей и чтеніе обвинительнаго акта заняло цѣлый день. Никто изъ обвиняемыхъ себя виновнымъ въ предъявленномъ обвиненіи не призналъ и большинство изъ нихъ усвоило систему полнаго молчанія. Такъ какъ суду было важно установить не только общую картину событій, но и улики и данныя противъ каждаго отдѣльнаго обвиняемаго, то

процессъ шелъ очень медленнымъ темпомъ, отъ свидѣтелей требовалась особая точность ихъ показаній, каждую отдѣльную улику приходилось оцѣнивать по ея достовѣрности и значенію въ отношеніи каждаго изъ 80 обвиняемыхъ. Особенно было трудно свидѣтелямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они сравнительно мало знали обвиняемаго, о которомъ говорятъ, — имъ приходилось узнавать такихъ лицъ изъ всей массы арестованныхъ, а это было дѣломъ очень не-легкимъ, такъ какъ съ момента преступленія прошелъ уже годъ. Свидѣтели, какъ и въ двухъ предыдущихъ дѣлахъ, распались на двѣ группы: одни, не связанные ничѣмъ съ обвиняемыми, старались установить объективную истину, другіе, связанные съ тѣмъ или другимъ обвиняемымъ, говорили только о немъ, въ его пользу. Были, впрочемъ, и просто малодушные: видно было, что онъ просто правды сказать не хочетъ, такъ какъ боится непріятныхъ для себя послѣдствій, — такіе свидѣтели замалчивали даже такіе факты, которые, очевидно, нельзя было и скрыть.

Исключительно благопріятное впечатлѣніе произвело показаніе свидѣтеля инженера француза, кажется, г-на Кордье: чувствовалось, что онъ со всѣмъ своимъ вниманіемъ взвѣшиваетъ точность каждаго своего слова, стараясь дать суду только безусловную истину. Если ему приходилось дѣлать ссылку на кого-либо изъ обвиняемыхъ, онъ съ чрезвычайной осторожностью сообщалъ факты, именно къ нему относящіеся, и если ему приходилось опознавать тѣхъ, о комъ говоритъ, то дѣлалъ это съ такою тщательностью, что въ самомъ фактѣ опознанія уже не оставалось никакого сомнѣнія. Между прочимъ, эту исключительную осторожность и добросовѣстность свидѣтеля захотѣлъ использовать одинъ изъ обвиняемыхъ, М-енко. Г. Кордье сообщалъ факты, рѣзко говорившіе противъ него. М-енко сидѣлъ въ 4-5 ряду обвиняемыхъ, рѣзко выдѣляясь изъ другихъ своими черными очками. Когда г. Кордье было предложено предсѣдателемъ, можетъ-ли онъ указать среди обвиняемыхъ этого М-енко, о которомъ онъ говоритъ, г. Кордье, внимательно вглядѣвшись въ подсудимыхъ, сказалъ, что онъ здѣсь узнать М-енко не можетъ. Неожиданно поднимается М-енко и заявляетъ: „Г-нъ

предсѣдатель, прошу обратить вниманіе, что свидѣтель, который такъ много говорилъ о моей виновности, не узналъ меня въ лицо; очевидно, онъ ошибается, и то, что онъ говорилъ, ко мнѣ не относится." — Предсѣдатель тогда предложилъ М-енко снять очки. „А, теперь я его узнаю", заявилъ г. Кордье, „въ очкахъ я его не узналъ, такъ какъ онъ тогда очковъ не носилъ." М-енко и самъ, очевидно, почувствовалъ, что послѣ этого ему излишне было-бы увѣрять кого-либо въ своей невиновности.

Въ общемъ процессъ кончился такъ: я отказался отъ обвиненія 11 подсудимыхъ, судъ, кромѣ того, еще не призналъ виновности пяти, а остальные 64 были признаны виновными. Смертной казни никому не было.

По объявленіи приговора въ окончательной формѣ произошелъ оригинальный случай: мнѣ солдатъ докладываетъ, что меня желаетъ видѣть такой-то, оправданный по этому дѣлу. Нашъ секретарь меня уговариваетъ: „Не ходите, еще убьетъ!" Я пошелъ и вижу передъ собой этого оправданнаго въ парадномъ костюмѣ, въ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ галстукомъ. Онъ говоритъ, что вотъ судъ его оправдалъ, но ему очень непріятно, что я не вѣрю въ его невиновность. Я ему откровенно сказалъ, что я лично и до сихъ поръ не перемѣнилъ своего мнѣнія, что, если-бы я считалъ его невиновнымъ, то отказался-бы отъ его обвиненія, но что онъ можетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, разъ судъ призналъ его невиновнымъ. Что значилъ этотъ приходъ? Дѣйствительно-ли его мучило, что я не вѣрю въ его невиновность, или ему, уже оправданному, но виновному, хотѣлось испытать щекочущее чувство своей безопасности въ мѣстѣ, гдѣ ему грозила опасность быть осужденнымъ?

По окончаніи сессіи въ Екатеринославѣ я возвратился въ Одессу и съ того времени моя дальнѣйшая дѣятельность по военно-судебному вѣдомству, — до перехода въ концѣ 1911 года въ военно-учебное вѣдомство, — протекала въ Одессѣ и командировокъ въ сессіи я не имѣлъ, такъ какъ на меня, помимо прямыхъ обязанностей по должности помощника военнаго прокурора, было возложено завѣдываніе слѣдственной частью, т. е.

учетомъ и контролемъ дѣлъ, поступающихъ къ военнымъ слѣдователямъ Одесскаго военнаго округа, что требовало постояннаго нахожденія въ мѣстѣ расположенія суда.

Не могу не вспомнить, съ чувствомъ глубокаго уваженія, свѣтлаго облика вновь назначеннаго къ тому времени Прокурора Одесскаго военно-окружнаго суда генерала Сергѣя Іосифовича Калишевскаго. Это былъ человѣкъ исключительнаго духовнаго благородства, съ глубокимъ пониманіемъ задачъ судебнаго дѣла и отвѣтственности своей должности, отдавшій этому дѣлу всѣ свои силы, и человѣкъ неизмѣнно-обаятельный въ личныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, совмѣстная работа съ нимъ продолжалась недолго. Чрезмѣрное напряженіе, вызванное подавляющимъ количествомъ дѣлъ, поступающихъ въ нашъ военно-прокурорскій надзоръ, въ разрѣшеніи которыхъ онъ принималъ равное съ нами, его помощниками, участіе, напряженіе, доходившее до того, что онъ нерѣдко работалъ цѣлыя ночи, въ связи съ его исключительно чуткимъ воспріятіемъ всѣхъ тѣхъ острыхъ переживаній, которыя неизбѣжно были связаны съ судебной работой этого тяжелаго періода, совершенно подорвали его силы. По совѣту врачей онъ началъ гидропатическое леченіе, но, очевидно, для него, съ его рѣзко-подорванной нервной и сердечной системой, это леченіе такими сильными средствами, какъ перемѣнное обливаніе горячей и холодной водой, влажное укутываніе, оказалось губительнымъ: у него развилось острое душевное заболѣваніе и приблизительно черезъ годъ онъ умеръ. Свѣтлая память о немъ всегда будетъ жить въ сердцахъ тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь зналъ его.

Изъ ряда дѣлъ, по которымъ мнѣ, въ бытность мою въ Одессѣ до конца 1911 г., приходилось давать заключенія, или составлять обвинительные акты и выступать въ судебныхъ засѣданіяхъ въ качествѣ прокурора, я остановлюсь только на нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ.

Одно изъ дѣлъ давало характерную картину того, какъ хаотично-смутна была обстановка, съ которой приходилось сталкиваться судебнымъ властямъ при обслѣдованіи преступленій. Въ праздничный день, въ

самый разгаръ гулянья, въ 3 ч. дня, въ Амурѣ, предмѣстьи Екатеринослава, на главной улицѣ, была тяжело ранена выстрѣлами изъ револьверовъ одна изъ мѣстныхъ жительницъ, молодая дѣвушка. Ее немедленно отвезли въ больницу. Бывшій тутъ-же на гуляньи мѣстный судебный слѣдователь прибылъ вслѣдъ за нею и, послѣ произведенной ей операціи, приступилъ къ ея допросу. Она заявила, что въ нее стрѣляли два молодыхъ еврея, которыхъ она хорошо знаетъ, изъ мести за то, что она была въ близкихъ отношеніяхъ съ жандармскимъ вахмистромъ и, предполагалось, давала ему нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ преступныхъ элементахъ, — но имени этихъ двоихъ она сказать не пожелала, заявивъ, что скажетъ только тогда, если выздоровѣетъ. Трудно было чѣмъ-нибудь объяснить это послѣднее ея заявленіе. Чтобы узнать истину, къ ней послали этого ея знакомаго жандармскаго вахмистра, но и ему она ничего больше не сказала, упорно заявляя, что имена убійцъ назоветъ только когда выздоровѣетъ. Состояніе ея, однако, становилось все хуже и хуже, и въ 1 ч. ночи она попросила снова пріѣхать слѣдователя. Когда онъ прибылъ, она была уже очень слаба, и тутъ она заявила, что ее убили Пан-овъ и Р-уевъ, два русскихъ парня, — и больше ничего не сказала, впала въ забытье и умерла. Долго и старательно бился судебный слѣдователь, чтобы выяснить истину, опрашивалъ ея знакомыхъ, родныхъ, лицъ, бывшихъ свидѣтелями происшествія, — никто ничего не далъ для обнаруженія виновныхъ. Слѣдователь привлекъ въ качествѣ обвиняемыхъ Пан-ова и Р-уева, но никакихъ данныхъ къ установленію ихъ виновности ему добыть не удалось, — оставалось только одно предсмертное заявленіе убитой. Я не счелъ возможнымъ привлекать ихъ къ суду на основаніи одного этого ея заявленія, даннаго въ предсмертной агоніи и противорѣчащаго первымъ ея заявленіямъ, и далъ заключеніе о прекращеніи дѣла.

Очень интереснымъ дѣломъ являлось нашумѣвшее на всю Россію дѣло о покушеніи Тамары Принцъ на убійство Командующаго войсками Одесскаго военнаго округа генерала барона Каульбарса. Тамара Принцъ была по институту подругой дочерей барона Каульбарса

и была хорошо принята въ ихъ домѣ. Это обстоятельство было учтено революціонной партіей и на Тамару Принцъ, входившую къ тому времени въ революціонную организацію, было, — кажется „сѣвернымъ боевымъ отрядомъ партіи соціалистовъ революціонеровъ“, — возложено порученіе убить генерала, очевидно, какъ виднаго представителя власти. Съ этой цѣлью Т. Принцъ была командирована въ Одессу, но подъ постояннымъ наблюденіемъ одного изъ членовъ той-же партіи, который долженъ былъ слѣдить, чтобы она выполнила свое порученіе. Прибыли они оба въ Одессу, повидимому, 20 мая 1906 года, — по крайней мѣрѣ, утромъ въ этотъ день поселились въ „Петербургской гостиницѣ“, рядомъ съ дворцомъ Командующаго войсками, гдѣ и были прописаны она подъ своимъ именемъ, а ея спутникъ подъ фамиліей Голубева. Въ теченіе послѣдующихъ дней Тамара Принцъ была раза 2-3 въ семьѣ ген. Каульбарса. День 26 мая былъ, очевидно, назначенъ для совершенія убійства. Часовъ около 12 дня Тамара Принцъ вышла изъ гостиницы съ маленькимъ саквояжемъ въ рукахъ, въ которомъ была бомба, но тутъ-же при выходѣ или уронила или бросила этотъ саквояжъ, бомба взорвалась, а Т. Принцъ вбѣжала въ свой номеръ и застрѣлилась. Спутникъ ея Голубевъ немедленно скрылся изъ гостиницы. Естественно, весь интересъ дѣла сосредоточился на разысканіи этого Голубева. Дѣло велъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, при дѣятельномъ, конечно, содѣйствіи общей и жандармской полиціи и охраннаго отдѣленія, но въ теченіе цѣлаго полугода слѣдствіе не привело ни къ чему. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ домовъ Театральнаго переулка, былъ арестованъ молодой человѣкъ по фамиліи Ширевъ, и какъ-то сразу на немъ сосредоточилось все вниманіе слѣдственныхъ и полицейскихъ властей, — въ немъ былъ заподозрѣнъ скрывшійся Голубевъ. Началось предъявленіе его свидѣтелямъ, осмотръ и экспертиза переписки, — и въ результатѣ Ширевъ, — именно въ предположеніи, что онъ и есть скрывшійся Голубевъ, — былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и въ приготовленіи къ убійству ген. Каульбарса. Дѣло

было направлено къ военной подсудности и поступило на заключеніе ко мнѣ.

Ближайшее знакомство съ матеріаломъ показало слѣдующее: Ши-ревъ, безусловно, принадлежалъ къ разряду людей съ революціоннымъ уклономъ мысли, но никакихъ данныхъ ни о принадлежности его вообще къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, ни, въ частности, къ „сѣверному боевому отряду" этой партіи, не было установлено. Единственный намекъ на принадлежность къ „сѣверному отряду" могъ заключаться въ томъ, что онъ, до переѣзда въ Одессу, жилъ въ Петербургѣ, но и петербургскія слѣдственныя и жандармскія власти никакихъ данныхъ о принадлежности его къ революціонной партіи не имѣли. Данныя опознанія, при предъявленіи его свидѣтелямъ, служащимъ Петербургской гостиницы, были отрицательны: двѣ горничныя, правда, его очень характерно „опознали": одна сказала, что у него руки и самъ онъ со спины похожъ на Голубева, но лицомъ не похожъ, другая заявила, что онъ и лицомъ похожъ, но Голубевъ былъ выше его ростомъ. Такія „опознанія", конечно, ничего не давали. Большой интересъ возбудилъ на слѣдствіи еще одинъ фактъ: въ вещахъ Голубева было найдено письмо съ датой 19 мая, изъ Петербурга, которое было получено Голубевымъ въ Одессѣ, въ Петербургской гостиницѣ, 22-23 мая; въ содержаніи письма не было ничего, относящагося къ покушенію на убійство ген. Каульбарса, но почеркъ письма мѣстные эксперты признали тождественнымъ съ почеркомъ Ши-рева.

Ши-ревъ на слѣдствіи, конечно, отрицалъ свою какую-либо причастность къ дѣлу. По его показаніямъ, онъ до половины мая служилъ въ Петербургѣ на одной фабрикѣ, но въ половинѣ мая взялъ расчетъ, затѣмъ еще съ мѣсяцъ оставался безъ дѣла въ Петербургѣ и только въ серединѣ іюня пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ надѣялся, при помощи знакомыхъ, найти работу; этихъ знакомыхъ онъ указать, однако, не могъ, а равнымъ образомъ онъ не могъ объяснить, на какія средства онъ жилъ въ Одессѣ. Такимъ образомъ, показанія его заставляли отнестись къ нимъ съ извѣстнымъ сомнѣніемъ. Правда, объясненіе его, что онъ прибылъ въ

Одессу въ половинѣ іюня, подтверждалось пропиской его на паспортѣ, но это еще не исключало возможности, что онъ и до того нѣсколько времени жилъ безъ прописки. Равнымъ образомъ, можно было не вѣрить и его заявленію, что онъ, по полученіи расчета на фабрикѣ, еще съ мѣсяцъ проживалъ въ Петербургѣ. Однако, для обоснованія обвиненія нельзя было остановиться на одномъ отрицательномъ отношеніи къ его заявленіямъ, — надо было установить несомнѣнно возможность его тождества съ т. наз. Голубевымъ, а для этого, конечно, прежде всего надо было выяснить, могъ-ли онъ быть въ Одессѣ утромъ 20 мая, т. е. именно тогда, когда прибылъ въ „Петербургскую гостиницу" Голубевъ. Если предположить, что Голубевъ, т. е. въ данномъ случаѣ Ши-ревъ, пріѣхалъ въ гостиницу прямо съ вокзала, что онъ ѣхалъ изъ Петербурга курьерскимъ поѣздомъ,— и то и другое было вполнѣ естественно, — то, при существовавшемъ тогда желѣзнодорожномъ расписаніи, онъ долженъ былъ-бы выѣхать изъ Петербурга въ 8 час. вечера 18-го мая. Этотъ вопросъ, — могъ-ли Ши-ревъ выѣхать изъ Петербурга въ 8 ч. веч. 18-го мая, — надо было разрѣшить несомнѣнно, и единственно твердой датой для этого могло быть только время полученія Ши-ревымъ расчета на фабрикѣ. Самъ Ши-ревъ точно дня полученія расчета установить не могъ, говорилъ только, что „въ серединѣ мая" (— т. е., значитъ, могло быть и 15-е и 16-е мая), но въ найденной у него при обыскѣ расчетной фабричной книжкѣ было обозначено, что онъ получилъ расчетъ 19-го мая. Если эту дату признать точной, то надо было признать, что Ши-ревъ не можетъ быть Голубевымъ, ибо онъ, въ такомъ случаѣ, не могъ-бы выѣхать изъ Петербурга вечеромъ 18-го. Но если эта дата ошибочна всего хотя-бы на одинъ день, т. е. если онъ получилъ расчетъ 18-го, то вѣдь можно предположить, что того-же 18-го мая вечеромъ онъ могъ выѣхать изъ Петербурга, и тогда утромъ 20-го мая могъ быть въ Одессѣ, и, значитъ, могъ быть Голубевымъ. Естественно, что на этотъ вопросъ и обратилось все вниманіе слѣдственныхъ властей; произведенное, по ихъ требованію, въ Петербургѣ разслѣдованіе установило, что данныя расчетной книжки совершенно точны,

что Ши-ревъ получилъ расчетъ именно 19 мая, т. е., что еще 19 мая онъ былъ въ Петербургѣ, а нѣкоторые изъ свидѣтелей, знавшихъ его на фабрикѣ, показали, что видѣли его и въ ближайшіе слѣдующіе дни. Такимъ образомъ, и при всемъ отрицательномъ и подозрительномъ отношеніи къ показаніямъ самого Ши-рева, по даннымъ уже документальнаго характера нельзя было не признать, что Ши-ревъ не могъ выѣхать изъ Петербурга раньше 19-го мая, что онъ, такимъ образомъ, не могъ быть въ Одессѣ утромъ 20-го мая, и, слѣдовательно, онъ не могъ быть Голубевымъ.

Оставалась другая улика, — признанное экспертами тождество почерка письма, найденнаго у Голубева, съ почеркомъ Ши-рева, — т. е., другими словами, предположеніе, что это письмо писано Ши-ревымъ. Видимо, слѣдственная власть одно время считала, что эта улика также указываетъ на тождество Ши-рева съ Голубевымъ, — но, очевидно такъ ее оцѣнивать не было никакой возможности: вѣдь если предположить, что Ши-ревъ и есть Голубевъ, и что письмо, найденное у Голубева, было писано Ши-ревымъ, то это значитъ признать, что онъ писалъ это письмо самъ себѣ, — какой-же былъ-бы смыслъ въ такой мистификаціи? Но можно было, теоретически, допустить другое предположеніе: Ши-ревъ не Голубевъ, а если онъ писалъ это письмо Голубеву, то, значитъ, у него была съ Голубевымъ какая-то связь, т. е. что онъ могъ быть такъ или иначе причастенъ и къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и, въ частности, и къ покушенію на ген. Каульбарса. Тутъ могло-бы и не имѣть значенія то, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего, относящагося къ дѣлу покушенія на ген. Каульбарса, — въ письмѣ могла быть вложена и другая какая-нибудь записка, имѣющая отношеніе къ дѣлу, которая была Голубевымъ уничтожена, да, наконецъ, и письмо это слѣдовало, можетъ быть, извѣстнымъ образомъ расшифровать и тогда оно могло получить иной смыслъ и значеніе. Однако, для меня лично такое предположеніе, что Ши-ревъ былъ авторомъ этого письма, являлось логически мало пріемлемымъ: вѣдь для этого надо было допустить совершенно исключительное совпаденіе фактовъ: ищутъ Голубева, находятъ

человѣка, который подозрѣвается въ томъ, что онъ Голубевъ, а оказывается, что это не Голубевъ, а знакомый Голубева, писавшій ему письмо. Въ виду этого я усомнился въ правильности заключенія экспертовъ и рѣшилъ подвергнуть осмотру самое письмо, хранившееся при дѣлѣ въ особомъ конвертѣ; въ сравненіи почерковъ приняли участіе и другіе чины военно-прокурорскаго надзора, и безусловно было признано, что эксперты поторопились съ своимъ заключеніемъ, почерки были безусловно нетождественны.

Такимъ образомъ, естественно, опредѣлилось прекращеніе дѣла въ отношеніи Ши-рева, и въ этомъ смыслѣ я и далъ заключеніе, и такъ какъ въ это время я исполнялъ обязанности военнаго прокурора, то это заключеніе я цѣликомъ взялъ на свою отвѣтственность. Генералъ-губернаторъ съ этимъ заключеніемъ согласился и дѣло было прекращено. Однако, упреки мнѣ за прекращеніе этого дѣла были: „политиканствующіе" говорили мнѣ, что я поступилъ неосторожно, что по такому дѣлу, какъ покушеніе на убійство Командующаго войсками, мнѣ лучше было-бы не брать на свою отвѣтственность прекращеніе дѣла, а надо было-бы внести дѣло въ судъ съ обвинительнымъ актомъ и пусть-бы уже судъ оправдывалъ Ши-рева. Имъ я отвѣтилъ такъ: „Я слишкомъ высоко ставлю судебное дѣло во всѣхъ его отдѣльныхъ моментахъ, чтобы позволить себѣ когда-либо шалить съ оцѣнкой судебнаго матеріала въ зависимости отъ какихъ-либо постороннихъ соображеній; я самъ считаю Ши-рева человѣкомъ съ революціоннымъ уклономъ мысли, считаю, что онъ внушаетъ большія подозрѣнія въ чистотѣ его дѣятельности, но это уже дѣло полицейскихъ и жандармскихъ властей взять его въ этомъ смыслѣ на учетъ, — а судебная власть никогда, никому, ни въ какомъ случаѣ не можетъ приписывать обвиненій, которыя или совершенно ничѣмъ не доказаны или совершенно опровергнуты."

Очень интереснымъ по своей обстановкѣ и очень характернымъ для настроеній Одесскаго населенія того времени явилось дѣло „объ истязаніи Мельникова". Къ сожалѣнію, не помню точно датума самаго происшествія, — кажется, это было въ маѣ 1907 года. Около

1 ч. ночи проходившій мимо Александровскаго парка солдатъ пограничной стражи услышалъ крикъ, несшійся изъ глубины парка, отъ моря. На этотъ крикъ залаяла собака. Солдатъ сталъ кричать и на его голосъ изъ глубины парка появился молодой человѣкъ, лѣтъ 22 - 23, совершенно голый, прикрытый только простыней, съ веревкой на шеѣ; все его тѣло было изодрано, исцарапано, слѣды крови были и на простынѣ, и на той-же простынѣ бумажными буквами была вышита надпись: „За преданность кровопійцѣ барону Каульбарсу. Боевой отрядъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ". Молодой человѣкъ весь трясся и былъ въ состояніи почти ненормальномъ. Это былъ Мельниковъ. Съ помощью солдата и прибѣжавшаго постового городового, Мельниковъ былъ доставленъ въ военный госпиталь. При осмотрѣ его на немъ было обнаружено, кажется, 148 царапинъ на шеѣ, на рукахъ, на ногахъ, а главнымъ образомъ на груди и на спинѣ; царапины были въ разныхъ направленіяхъ, длиною до 4 - 5 вершковъ, съ рваными краями; видъ царапинъ ясно указывалъ, что онѣ сдѣланы какимъ-то обрывкомъ желѣза или жести съ неровными краями. Мельниковъ сначала былъ въ такомъ состояніи, что не могъ ничего объяснить. Придя въ себя, онъ разсказалъ слѣдующее. Онъ — членъ Союза русскаго народа. Часовъ около 7 вечера въ этотъ день онъ пошелъ прогуляться на берегъ моря къ Ланжерону. Здѣсь къ нему подошли три молодыхъ человѣка, закурили папиросы, предложили выпить съ ними пива, а затѣмъ предложили прокатиться въ лодкѣ по морю. Поѣхали они по направленію къ Малому фонтану. За Малымъ фонтаномъ лодка пристала къ берегу и Мельникову бывшіе съ нимъ молодые люди пригрозили, что, если онъ будетъ кричать, то его убьютъ, затѣмъ завязали ему глаза и повели куда-то по каменистой дорогѣ; шли минутъ 10; затѣмъ остановили его, но велѣли повязки не снимать. Такъ прошло, можетъ быть, съ-часъ. Наконецъ, ему сняли повязку и онъ увидалъ себя не то въ какомъ-то старомъ подвалѣ, не то въ пещерѣ, слабо освѣщенной, и вокругъ себя увидалъ семь человѣкъ, среди которыхъ была одна женщина, похожая на еврейку, лѣтъ 25 - 26; остальные

были тоже молодые люди и тоже, повидимому, евреи. Ему приказали раздѣться, объявили ему, что на немъ отомстятъ Союзу русскаго народа за его противодѣйствіе соціалистамъ-революціонерамъ, и стали царапать ему тѣло какими-то кусками жести или желѣза. Скоро отъ боли и отъ испуга онъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя только тогда, когда снова ѣхали въ лодкѣ: ему было холодно, все тѣло у него болѣло, онъ былъ голый, только прикрытъ пальто. Лодка причалила къ берегу около Александровскаго сада. Его вывели и повели въ гору. Затѣмъ съ него сняли пальто, накинули простыню и надѣли на шею веревку. Онъ понялъ, что его хотятъ повѣсить, и сталъ кричать. На крикъ его кто-то отозвался, привезшіе его люди разбѣжались, и онъ побѣжалъ туда, откуда слышался голосъ. Никого изъ истязавшихъ его онъ до того времени не зналъ.

Дѣло это было передано въ производство судебному слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ г. Александрову. Въ Одесскомъ обществѣ это происшествіе породило живѣйшіе толки и скоро обозначилось два совершенно опредѣленныхъ теченія. Одни были увѣрены, что это безобразная, жестокая, грубая выходка революціонеровъ, мстившихъ за свои неудачи Союзу русскаго народа, часто становившемуся имъ на дорогѣ, и въ то-же время своего рода террористическій актъ по отношенію къ ген. Каульбарсу, Командующему войсками Округа, за то, что онъ, по характеру своихъ обязанностей, направлялъ дѣла о революціонныхъ выступленіяхъ, объ убійствахъ и т. д. къ военной подсудности и утверждалъ приговоры военно-окружнаго и военно-полевыхъ судовъ, по которымъ подсудимые приговаривались къ смертной казни. Другіе, наоборотъ, съ горячностью доказывали, что здѣсь никакого истязанія не было, что все это происшествіе инсценировано и является „провокаціей“ Союза русскаго народа по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ революціонерамъ; нашлись даже и свидѣтели въ этомъ смыслѣ, напр., одинъ изъ бывшихъ товарищей Мельникова по школѣ даже „*припомнилъ*“, что какъ разъ въ самый день истязанія Мельниковъ заходилъ къ нему и искалъ у него на дворѣ какого-нибудь куска желѣза. Мельниковъ

подвергался неоднократнымъ допросамъ, ему нѣсколько разъ предъявлялись нѣкоторыя задержанныя личности, на которыхъ падало подозрѣніе въ участіи въ этомъ истязаніи, но Мельниковъ не признавалъ въ нихъ виновныхъ. Наконецъ, была задержана нѣкая Марія К-ская, и въ ней Мельниковъ, хотя и не безъ колебаній, призналъ ту женщину, которая находилась при его истязаніи. Эта Марія К-ская, — по документамъ русская, но по внѣшнему облику похожая на еврейку, — виновной себя не признала и въ оправданіе свое заявила, что она во время даннаго происшествія даже и не была въ Одессѣ; точно указать, гдѣ она была въ день этого происшествія и въ ближайшіе дни, она не можетъ, такъ какъ она мѣсяца два за это время не имѣла постояннаго жительства, а шла пѣшкомъ изъ своего родного города Курской губерніи въ Одессу; она назвала рядъ городовъ, черезъ которые, будто-бы, она проходила, но заявила, что она нигдѣ по-долгу не останавливалась и никого изъ знакомыхъ при этомъ путешествіи не встрѣчала. Затѣмъ былъ задержанъ по подозрѣнію еще одинъ молодой еврей, лѣтъ 24-25, фамиліи его не помню; онъ также виновнымъ себя не призналъ и Мельниковъ, хотя и опознавалъ его, но еще съ большей осторожностью, чѣмъ К-скую. Оба эти лица были привлечены къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ.

Съ этого момента дѣло еще больше оживилось и раньше высказывавшіяся два мнѣнія о сущности этого дѣла стали еще рѣзче проявляться. Къ сожалѣнію, одно время и слѣдственная власть поддалась извѣстной тенденціи. Пока велъ слѣдствіе г. Александровъ, оно велось совершенно объективно, а затѣмъ, когда, за его отсутствіемъ, дѣло переходило въ руки другого слѣдователя, ясно было видно, что онъ сторонникъ мнѣнія о „провокаціи“ и это сказалось даже въ записи имъ показаній. Напр., одно изъ показаній Мельникова, при предъявленіи ему Маріи К-ской, этотъ слѣдователь записалъ такъ: „въ этой женщинѣ небольшого роста, русской, блондинкѣ, я признаю ту женщину средняго роста, еврейку, брюнетку, которая... и т. д.“. Всякому ясно, что это не были слова Мельникова, да и матеріалъ для такой записи взятъ несерьезно: понятія „небольшого“

и „средняго“ роста — понятія малоразличимыя, К-ская не была вовсе блондинкой, а темной шатенкой, и по типу она безусловно не была русской, а очень походила на еврейку. Вообще, по моему мнѣнію, требовать отъ обыкновеннаго человѣка детальнаго описанія чертъ лица и внѣшняго вида кого-либо, даже и при условіяхъ спокойнаго наблюденія, совершенно невозможно, — детальное описаніе могутъ дать только люди, привыкшіе изучать человѣческія лица, напр., психіатры, художники, — и уже никакъ нельзя было требовать точности описаній отъ Мельникова, человѣка небольшого развитія, и притомъ еще находившагося, за время истязанія, въ состояніи, несомнѣнно, исключительнаго нервнаго возбужденія.

Наконецъ, слѣдствіе было окончено и дѣло, — съ обвиненіемъ Маріи К-ской и другого привлеченнаго въ истязаніи Мельникова, — было, въ особомъ порядкѣ, изъято изъ гражданской подсудности и передано къ военной подсудности и поступило на заключеніе ко мнѣ. Характерно, что судебныя власти даже не поставили обвиняемымъ обвиненія въ принадлежности къ революціонному сообществу, что было-бы вполнѣ естественно, ибо предполагалось истязаніе въ видѣ мести опредѣленной партіи и, конечно, истязатели должны были-бы принадлежать къ этой партіи. Еще до тѣхъ поръ, пока я успѣлъ изучить дѣло, мнѣ пришлось выдержать опять-же натискъ „политиканствующихъ“. Тѣ-же самые, которые упрекали меня въ неосторожномъ прекращеніи дѣла о покушеніи на ген. Каульбарса, теперь спрашивали меня: „конечно, Вы дѣло прекратите? — вѣдь здѣсь-же явная провокація Союза русскаго народа!“ Я сказалъ, что еще съ дѣломъ не разобрался, но что я очень пораженъ такимъ заявленіемъ: вѣдь это дѣло, по которому предъявлено обвиненіе только въ истязаніи, по характеру своему, совершенно не подлежало военной подсудности, и было изъято изъ гражданской подсудности лишь въ особомъ порядкѣ ходатайства; военный судъ не можетъ назначить по этому дѣлу иного наказанія, какое могъ-бы назначить и судъ гражданскаго вѣдомства, — значитъ, основаніемъ для ходатайства о передачѣ дѣла къ военной подсудности могло быть

только то, что оно, по свойству преступленія, является настолько вопіющимъ, что желательно самое энергичное разсмотрѣніе дѣла по срокамъ военнаго времени. Но что-же тогда значатъ заявленія, что это провокація и что это дѣло надо прекратить? — вѣдь прекратить это дѣло могла и сама гражданская прокуратура!

Когда я затѣмъ ознакомился съ дѣломъ, у меня сложилось совершенно опредѣленное мнѣніе: о провокаціи не можетъ быть и рѣчи, — налицо несомнѣнно истязаніе; обстановка, можетъ быть, нѣсколько романтически прикрашена, но истязаніе, какъ фактъ, было; что-же касается виновности именно двоихъ привлеченныхъ, то здѣсь, думалъ я, возможны сомнѣнія, такъ какъ вообще на опознаніе, если оно только одно имѣется въ качествѣ доказательства, полагаться рискованно, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, имѣя въ виду состояніе Мельникова во время истязанія, — въ такомъ вопросѣ можетъ разобраться только судъ. Поэтому я далъ заключеніе о внесеніи дѣла въ судъ съ обвинительнымъ актомъ, но при этомъ, въ личномъ объясненіи съ прокуроромъ и предсѣдателемъ суда, настаивалъ, чтобы на судъ безусловно былъ вызванъ потерпѣвшій Мельниковъ, хотя онъ, изъ боязни дальнѣйшей мести, и былъ увезенъ довольно далеко отъ Одессы, въ одно изъ мѣстечекъ Кавказскаго побережья; я настаивалъ, что ограничиться прочтеніемъ его показаній, — хотя-бы и при законности его неявки изъ-за дальности разстоянія, — невозможно, что разобраться въ дѣлѣ можно только при личныхъ его показаніяхъ, оцѣнивая ихъ значеніе на основаніи общаго впечатлѣнія отъ его личности. Затѣмъ, имѣя въ виду, что по дѣлу нельзя было ставить обвиненіе въ одномъ истязаніи безъ обвиненія привлеченныхъ въ принадлежности къ тому революціонному сообществу, отъ имени котораго истязаніе производилось, я возбудилъ вопросъ о предъявленіи обвиняемымъ дополнительнаго обвиненія въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Наконецъ, имѣя въ виду, что дѣло получило исключительный интересъ въ обществѣ именно въ томъ смыслѣ, была-ли здѣсь месть со стороны революціонеровъ или провокація со стороны Союза русскаго народа, я настойчиво про-

силъ исходатайствовать разрѣшеніе Командующаго войсками, чтобы это дѣло въ изъятіе изъ общихъ правилъ, слушалось при открытыхъ дверяхъ и даже съ приглашеніемъ на него видныхъ представителей различныхъ слоевъ одесскаго общества. Рѣшивъ, такимъ образомъ, вопросъ о направленіи дѣла, я уже могъ опредѣленно высказать свое мнѣніе „политиканствующимъ“, сказалъ имъ, что пусть они придутъ въ судебное засѣданіе и, я надѣюсь, они сами убѣдятся, что здѣсь чистое истязаніе, а не провокація.

Дѣло было назначено къ слушанію: залъ былъ полонъ, но Мельниковъ не явился, приславъ извѣщеніе, что онъ боится ѣхать въ Одессу. Несмотря на формальную законность причины неявки, — далѣе 300 верстъ отъ мѣста суда, — я, выдерживая свой взглядъ, заявилъ, что не считаю возможнымъ слушаніе дѣла въ его отсутствіе, и просилъ судъ дѣло слушаніемъ отложить и принять мѣры къ безусловной явкѣ Мельникова. Судъ мое ходатайство удовлетворилъ, дѣло отложилъ и обратился къ Командующему войсками съ просьбой, чтобы онъ распорядился о предоставленіи Мельникову всѣхъ возможныхъ мѣръ охраны, которыя устранили-бы опасность какого-либо надъ нимъ насилія. Просьба эта была исполнена Командующимъ войсками и ко дню вновь назначеннаго засѣданія суда Мельниковъ явился, будучи доставленъ на одномъ изъ военныхъ кораблей. На меня лично онъ произвелъ впечатлѣніе даже лучшее, чѣмъ я ожидалъ, показанія давалъ очень осторожно, совершенно не сгущая красокъ. Дѣло продолжалось слушаніемъ два дня, при полномъ напряженномъ вниманіи публики. Между прочимъ, на судѣ еще ярче обнаружилась разница во взглядахъ на это дѣло; это личное убѣжденіе въ ту или иную сторону сказывалось въ самыхъ пріемахъ, въ самомъ тонѣ показаній свидѣтелей. Даже врачъ-экспертъ, почтенный старый человѣкъ съ виднымъ положеніемъ, — котораго я никакъ не хочу упрекать въ сознательной неправильности экспертизы, — настолько психически подчинился мнѣнію о провокаціи, что, хотя и не совсѣмъ рѣшительно, но все-же далъ свое заключеніе въ томъ смыслѣ, что въ данномъ случаѣ никакого истязанія не было, а что

Мельниковъ самъ себя такъ порѣзалъ, и, въ качествѣ основанія такого своего мнѣнія, сослался на то, что „порѣзы и царапины сдѣланы *только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Мельниковъ могъ достать рукой*“. Только тогда, когда я его спросилъ, „а скажите, пожалуйста, г-нъ докторъ, развѣ есть на тѣлѣ человѣческомъ хоть одна точка, гдѣ-бы человѣкъ не могъ достать рукой?“ — экспертъ понялъ, что это, искусственно-привившееся къ его заключенію, основаніе выбито у него изъ рукъ и что такая его экспертиза потеряла свою научную объективность. Ничего особенно новаго судебное разсмотрѣніе въ дѣло не внесло, только, несомнѣнно, показанія Мельникова получили больше довѣрія, чѣмъ могли дать въ ихъ прочтеніи. Въ отношеніи опознанія обвиняемыхъ онъ также былъ остороженъ и, подтверждая свои указанія на обвиняемыхъ, онъ допускалъ возможность и своей ошибки.

Судебное слѣдствіе было закончено. Начались рѣчи сторонъ, — обвиняемыхъ защищали три присяжныхъ повѣренныхъ. Я въ своей рѣчи, съ первыхъ-же словъ, поставилъ вопросъ такъ, что въ данномъ случаѣ широкіе общественные круги заинтересованы, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, есть-ли здѣсь истязаніе или провокація, и поэтому я считаю нужнымъ дать на это, прежде всего, опредѣленный отвѣтъ; такая постановка вопроса вполнѣ согласуется и съ требованіемъ закона, ибо въ томъ случаѣ, когда возникаетъ сомнѣніе, было-ли совершено данное преступленіе и было-ли оно дѣяніемъ данныхъ обвиняемыхъ, судъ долженъ ставить и разрѣшать эти вопросы отдѣльно. Перейдя къ самому существу дѣла и къ разсмотрѣнію доказательствъ, я опредѣленно заявилъ, что я не сомнѣваюсь въ наличности здѣсь именно истязанія, и свои доводы изложилъ въ двоякомъ порядкѣ: сначала по прямому способу доказательствъ, а затѣмъ путемъ доказательствъ отъ противнаго, т. е. „предположимъ, что это была провокація, и тогда увидимъ, что мы дойдемъ до абсурдныхъ положеній“. Въ отношеніи указаній на виновность подсудимыхъ я привелъ весь имѣвшійся противъ нихъ матеріалъ и, между прочимъ, очень детально разобралъ показанія Маріи К-ской относительно ея путешествія

и указалъ суду на полную вымышленность этого повѣствованія: я по картѣ указалъ, что она изъ всѣхъ названій городовъ, черезъ которые, будто-бы, она проходила, назвала только нѣсколько городовъ своей Курской губерніи, о которыхъ, естественно, знала по наслышкѣ, но и то ихъ указала не въ томъ порядкѣ, какъ могла-бы ихъ фактически проходить, если-бы шла пѣшкомъ на югъ, а въ безпорядкѣ, то называя городъ къ югу отъ ея родного города, то къ сѣверу, то къ востоку, куда совсѣмъ ей путь и не лежалъ; заявленіе ея, что она прошла мимо Кіева, не останавливаясь въ немъ, я объяснилъ тѣмъ, что она и не могла-бы показать, что была въ Кіевѣ, ибо тогда сочла-бы себя обязанной представить какое-либо указаніе на прописку свою въ этомъ городѣ; заявленіе ея, что она не можетъ указать никого, съ кѣмъ за время этого путешествія встрѣчалась, по моему мнѣнію, было сдѣлано затѣмъ, чтобы не допустить какой-либо повѣрки ея ссылокъ, которыя, конечно, оказались-бы неправильными. Все это давало мнѣ полное основаніе утверждать, что весь этотъ ея разсказъ является выдуманнымъ, и что этой выдумкой она старается увести судъ въ сторону отъ возможности точно установить, гдѣ она именно за этотъ періодъ находилась, а это и указываетъ на причастность ея къ этому дѣлу.

По окончаніи моей рѣчи начались рѣчи защитниковъ. Естественно, и имъ пришлось слѣдовать установленному мною порядку, т. е. отвѣтить прежде всего на ту часть моей рѣчи, которая касалась вопроса, есть-ли здѣсь наличность преступленія, т. е. другими словами, было-ли здѣсь дѣйствительно истязаніе, или провокація. Къ полному моему удовлетворенію, защита сочла себя, по даннымъ дѣла, опредѣленно вынужденной признать, что и она фактъ истязанія считаетъ установленнымъ, — это признаніе защиты, сдѣланное передъ полнымъ заломъ представителей мѣстнаго общества, явилось лучшимъ отвѣтомъ для тѣхъ, кто говорилъ о провокаціи, — и затѣмъ защита перешла собственно къ изложенію своихъ соображеній о невиновности привлеченныхъ подсудимыхъ. Судъ, въ своемъ приговорѣ, призналъ фактъ истязанія, но обоихъ подсудимыхъ оправдалъ,

найдя имѣвшіяся противъ нихъ улики недостаточными. Фактъ оправданія подсудимыхъ сначала былъ истолкованъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ неправильно, и одинъ изъ видныхъ членовъ общества, захлебываясь, сталъ говорить кому-то по телефону: „оправдали! оправдали! признали провокацію!". Я ему сказалъ объ его заблужденіи, напомнилъ, что и защита уже бросила всякую попытку говорить о провокаціи, — но онъ былъ въ какомъ-то угарѣ. На слѣдующій день истинный смыслъ судебнаго приговора былъ объявленъ въ газетахъ и этимъ былъ положенъ предѣлъ произвольнымъ его толкованіямъ.

Къ числу наиболѣе интересныхъ дѣлъ этого періода относится дѣло о Перецѣ А-бергѣ. Интересно оно не только по своей обстановкѣ, но и по цѣлому ряду другихъ, связанныхъ съ нимъ обстоятельствъ, и даже обстоятельствъ моей частной жизни, иногда настолько странно переплетавшихся съ этимъ дѣломъ, что получалось впечатлѣніе какого-то уголовнаго романа. Поэтому пусть не удивляется читатель, если нѣкоторыя приводимыя здѣсь подробности моей частной жизни покажутся ему на первый взглядъ какъ-бы лишними, — онѣ не лишни, и, если я о нихъ упоминаю, то только потому, что эти подробности имѣли извѣстное отношеніе къ дѣлу.

Дѣло было такъ: 5 марта 1908 года около 3 ч. дня, на окраинѣ Одессы, по дорогѣ, кажется, къ деревнѣ Фомина-Балка, возвращался на заводъ кассиръ г. Сорокинъ (— можетъ быть, впрочемъ, въ фамиліи ошибаюсь), везшій около 40 тысячъ рублей заводскихъ денегъ. Ѣхалъ онъ на маленькой бричкѣ съ кучеромъ не то Янчевскимъ, не то Яновскимъ, — фамиліи также точно не помню, буду называть его Янчевскимъ. Когда они только что проѣхали подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, къ ихъ бричкѣ бросилось 5 человѣкъ; двое остановили лошадь, а трое, вынувъ револьверы, направили ихъ на Сорокина и отобрали отъ него бывшія при немъ деньги, а затѣмъ всѣ разбѣжались. Сорокинъ доѣхалъ до деревни и тамъ разсказалъ крестьянамъ, что съ нимъ случилось. Крестьяне, изъ которыхъ многіе уже достаточно передъ тѣмъ страдали отъ налетчиковъ,

приняли самое живое участіе и бросились къ желѣзной дорогѣ ловить разбойниковъ и увидѣли, что одинъ какой-то человѣкъ бѣжитъ отъ нихъ по линіи желѣзной дороги, по насыпи. Крестьяне его задержали, — это оказался безработный крест. Агѣевъ; Сорокинъ и Янчевскій опознали въ немъ одного изъ нападавшихъ, который именно остановилъ лошадь, и самъ Агѣевъ признался въ участіи въ нападеніи, но соучастниковъ своихъ не назвалъ, сказавъ, что ихъ не знаетъ. На мѣстѣ нападенія была обнаружена случайно оброненная кѣмъ-то изъ нападавшихъ обойма отъ браунинга съ патронами, на которыхъ была надрѣзана оболочка пули; такіе патроны, какъ производящіе большее разрушительное дѣйствіе, обыкновенно употреблялись революціонными организаціями для террористическихъ актовъ, но никакихъ указаній на то, что это нападеніе на Сорокина было организовано какой-либо революціонной группой, а не являлось дѣломъ обыкновенныхъ разбойниковъ, не было.

Въ то время, въ виду перегруженности судебныхъ слѣдователей, былъ введенъ и для обще-уголовныхъ дѣлъ законъ, существовавшій ранѣе только въ военномъ вѣдомствѣ, — что, если дѣло выяснено дознаніемъ съ достаточной полнотой, то оно можетъ быть направлено въ судъ и безъ предварительнаго слѣдствія. Такъ какъ въ данномъ случаѣ въ отношеніи задержаннаго Агѣева никакихъ сомнѣній, при наличности и собственнаго его сознанія, не имѣлось, то дѣло о немъ и было внесено съ обвинительнымъ актомъ въ Одесскій военно-окружный судъ по даннымъ полицейскаго дознанія. Дѣло было уже назначено къ слушанію, но дня за два до назначеннаго для слушанія дня дѣло было затребовано прокурорскимъ надзоромъ обратно въ виду задержанія новаго обвиняемаго. Недѣли черезъ $1^1/_2$ дѣло снова поступило въ судъ и, кромѣ Агѣева, въ дѣлѣ фигурировалъ уже и второй задержанный обвиняемый, Перецъ А - бергъ.

Начался процессъ. Я выступалъ въ качествѣ обвинителя. Защищалъ А - берга присяжный повѣренный Литвицкій. Агѣевъ на судѣ сознался въ участіи въ разбоѣ, а въ отношеніи А - берга дѣло стояло такъ: въ данныхъ дознанія значилось, что и Сорокинъ и Янчевскій

его опознали, какъ одного изъ тѣхъ, кто стоялъ съ револьверомъ около брички; самъ А-бергъ виновнымъ себя не признаетъ и Агѣевъ говоритъ, что А-бергъ не былъ въ числѣ нападавшихъ. Очевидно, все зависѣло отъ того, что дастъ судебное засѣданіе, и, естественно, большое значеніе имѣли личности Сорокина и Янчевскаго для опредѣленія цѣнности ихъ показаній. Кассиръ Сорокинъ съ перваго-же взгляда производилъ самое благопріятное впечатлѣніе, — видимо, человѣкъ твердый, стойкій, серьезный, спокойный; Янчевскій казался человѣкомъ мало-серьезнымъ, не-вдумчивымъ, иногда даже просто легкомысленнымъ. Показанія ихъ по самому существу дѣла вполнѣ соотвѣтствовали даннымъ дознанія. Когда дошла очередь до опознанія ими обвиняемыхъ, то оба они увѣренно опознали Агѣева, а въ отношеніи А-берга опредѣлились извѣстныя колебанія: Янчевскій его безъ оговорокъ опозналъ, — „да, да, тотъ самый, я его отлично опознаю, и усики такіе-же черненькіе", — а Сорокинъ сталъ говорить какъ-то неувѣренно: „очень похожъ, но все-таки я боюсь сказать, тотъ-ли самый." У меня даже закралось сомнѣніе, неужели-же мое впечатлѣніе отъ Сорокина ошибочно, неужели-же онъ, кажущійся такимъ твердымъ человѣкомъ, теперь просто на судѣ малодушничаетъ: вѣдь онъ на дознаніи опредѣленно опозналъ А-берга, почему-же теперь мѣняетъ свои показанія? боится мести? — Надо сказать, что такая боязнь говорить уличающую обвиняемыхъ правду у свидѣтелей, дѣйствительно, существовала и имѣла извѣстныя основанія: какъ въ Екатеринославѣ, на что я раньше указывалъ, такъ и въ Одессѣ было много случаевъ, что свидѣтелямъ мстили за ихъ показанія и убивали ихъ иногда до суда, иногда послѣ суда. Неужели-же, думаю, и Сорокинъ ради этого не рѣшается на судѣ опознать А-берга? Напоминаю Сорокину, что вѣдь на дознаніи онъ опознавалъ А-берга, — „да", говоритъ, „на дознаніи опозналъ, а теперь все-таки не могу сказать рѣшительно, что это онъ." Но при всемъ этомъ меня поражало еще одно обстоятельство: я съ своего прокурорскаго мѣста, — т. е. на разстояніи около 12 шаговъ отъ подсудимыхъ, — сразу-же обратилъ вниманіе на совершенно исключительную наружность А-берга:

у него нервныя, рѣзкія черты лица, длинные волосы, а самое главное — удивительные глаза, они горятъ какимъ-то особеннымъ блескомъ. Если, думаю, мнѣ съ моего мѣста, его лицо такъ бросается въ глаза, то почему-же свидѣтели, Сорокинъ и Янчевскій, ничего не говорятъ объ этихъ характерныхъ чертахъ его лица? Начинаю детально допрашивать Янчевскаго, не обратилъ-ли онъ вниманіе на какія-либо особенности лица А - берга, — ничего не указываетъ, только повторяетъ „тотъ самый, и усики такіе-же“, а между тѣмъ у А - берга „усиковъ“, собственно, не было, а только проступали слегка волосы надъ губой, какъ будто онъ вообще усы бреетъ, а здѣсь не брилъ ихъ нѣсколько дней. Допрашиваю детально и Сорокина, — онъ, оказывается, замѣтилъ и длинные волосы и нервность лица, но о глазахъ ничего не говоритъ. Вопросъ опознанія, такимъ образомъ, оставался довольно неопредѣленнымъ. На процессъ, между прочимъ, былъ приглашенъ врачъ-экспертъ для опредѣленія возраста А - берга, такъ какъ документальныхъ данныхъ объ этомъ не было, а для суда, въ смыслѣ опредѣленія наказанія, имѣло значеніе, имѣетъ-ли онъ болѣе 21 года. Съ цѣлью такого освидѣтельствованія А - бергъ былъ введенъ въ отдѣльную комнату, гдѣ находился и экспертъ и составъ суда. Имѣя возможность близко разсмотрѣть А - берга, я еще больше поразился блескомъ его глазъ, — получалось впечатлѣніе, что онъ впустилъ въ глаза какое-либо раздражающее средство,— и еще новой особенностью, которую я съ мѣста не могъ видѣть: его волосы были двухъ цвѣтовъ, начинались какъ темно-каштановые, а затѣмъ переходили въ совершенно черные. Эта двухцвѣтность волосъ навела меня на мысль, не подкрасилъ-ли онъ ихъ передъ судомъ, ибо я знаю, что бываютъ случаи, что волосы по своей длинѣ нѣсколько мѣняютъ окраску, но въ такомъ случаѣ они ближе къ корню темнѣе, а къ концу свѣтлѣютъ, а тутъ было наоборотъ. Измѣненіе обвиняемыми своей наружности передъ судомъ, съ цѣлью затруднить опознаніе, было дѣло извѣстнымъ: одинъ, бывшій при совершеніи преступленія съ длинными волосами, передъ судомъ острижется, другой, носившій короткіе волосы, отпуститъ ихъ, третій отраститъ бороду и т. д. Разъ у меня

явилась мысль, что А-бергъ себѣ подкрасилъ волосы, то, естественно, было предположить, что онъ искусственно придалъ и блескъ своимъ глазамъ, — все съ цѣлью, чтобы не быть легко узнаннымъ, — и, можетъ быть, подумалъ я, этимъ и объясняется, что Сорокинъ теперь на судѣ не опознаетъ его такъ рѣшительно, какъ на дознаніи. Я обратилъ вниманіе врача на эти особенности лица А-берга, врачъ очень внимательно его осмотрѣлъ, сказалъ, что онъ и самъ очень удивленъ и блескомъ глазъ и цвѣтомъ волосъ, но что онъ не находитъ, что здѣсь было какое-нибудь искусственное измѣненіе. Такимъ образомъ вопросъ опознанія возвращался къ прежнему неопредѣленному положенію.

Я былъ въ большомъ сомнѣніи: положиться цѣликомъ на опознаніе Янчевскаго я не рѣшался, я очень считался съ осторожнымъ показаніемъ Сорокина, а другихъ, собственно, уликъ противъ А-берга не было. Такъ какъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу произведено не было, то данныя личности А-берга были мало освѣщены, и поэтому я на судѣ старался выяснить, что, собственно, онъ изъ себя представляетъ. Какъ разъ по ходатайству защиты въ залъ засѣданія былъ допущенъ братъ А-берга, — не то аптекарь, не то аптекарскій ученикъ. Я приступилъ къ его допросу и свѣдѣнія получились даже неожиданныя: оказывается, Перецъ А-бергъ кончилъ 6 классовъ гимназіи, происходитъ изъ очень состоятельной семьи, — отецъ его богатый торговецъ или лѣсопромышленникъ, чуть-ли не милліонеръ, — и самъ онъ пріѣхалъ въ Одессу учиться или аптекарскому или зубоврачебному дѣлу, не помню. Эти данныя меня еще больше поставили въ тупикъ: я никакъ не могъ связать въ одно безработнаго, кажется, даже безграмотнаго, простого рабочаго изъ крестьянъ Агѣева и этого А-берга, человѣка съ образованіемъ, изъ состоятельной семьи, — зачѣмъ могъ-бы А-бергъ идти вмѣстѣ съ Агѣевымъ на разбой? — Впрочемъ, думалъ я, это, можетъ быть, не былъ обыкновенный разбой, а нападеніе, организованное какой-либо революціонной группой, для партійныхъ цѣлей, гдѣ А-бергъ могъ участвовать, какъ партійный работникъ, а Агѣевъ былъ просто взятъ, какъ грубая сила. Основаніемъ для такой мысли

являлся именно отмѣченный мною фактъ нахожденія на мѣстѣ нападенія обоймы съ надрѣзанными въ оболочкѣ пулями, употреблявшимися именно революціонными организаціями.

Все-же еще полнаго убѣжденія въ виновности А-берга у меня не получалось, и я шелъ дальше въ разслѣдованіи. Когда давалъ показаніе приставъ, производившій дознаніе, и разсказалъ все, что было уже извѣстно, я ему задалъ вопросъ: „Скажите, пожалуйста, а почему собственно Вы задержали А-берга? Какія у Васъ были указанія на его виновность?". Приставъ какъ-то даже удивился. „Какъ почему?" отвѣтилъ онъ, — „да вѣдь мы въ тотъ-же день нападенія предъявили Сорокину и Янчевскому альбомъ съ фотографическими карточками налетчиковъ, имѣвшійся въ сыскномъ отдѣленіи, и они оба сразу опознали по карточкѣ А-берга." — „Какъ", спрашиваю, „значитъ А-бергъ уже раньше былъ извѣстенъ какъ налетчикъ?" — „Да", отвѣчалъ приставъ, „онъ, правда, не былъ ни разу захваченъ и не привлекался, но подозрѣнія на него были и потому онъ и былъ сфотографированъ." Это заявленіе пристава являлось уже громаднымъ фактомъ для обвиненія. Я спросилъ Сорокина, дѣйствительно-ли онъ въ день нападенія опозналъ по фотографіи А-берга, и онъ это подтвердилъ. Ни защитникъ, ни самъ А-бергъ ничего не могли сказать въ опроверженіе этого факта нахожденія его карточки въ альбомѣ сыскного отдѣленія. Для меня сомнѣній въ виновности А-берга уже не было. Этотъ фактъ, что онъ уже давно былъ въ подозрѣніи какъ налетчикъ, опознаніе его въ самый день нападенія по карточкѣ, имѣвшейся въ сыскномъ отдѣленіи, изъ числа всѣхъ налетчиковъ, рѣшительное опознаніе его на дознаніи Сорокинымъ и Янчевскимъ, опознаніе Янчевскимъ на судѣ и, наконецъ, фактъ нахожденія обоймы съ надрѣзанными пулями, — все это, несомнѣнно говорило въ пользу его виновности въ той именно концепціи, которую я себѣ представлялъ, а не-совсѣмъ рѣшительное опознаніе его Сорокинымъ на судѣ я объяснилъ себѣ теперь съ одной стороны тѣмъ, что уже прошло съ мѣсяцъ послѣ самаго нападенія и, быть можетъ, все-же лицо А-берга какъ-нибудь измѣнилось,

а съ другой стороны тѣмъ, что, разъ это нападеніе было организовано революціонной группой, то, вполнѣ возможно, было воздѣйствіе на Сорокина съ требованіемъ не опознавать А-берга на судѣ, въ силу чего онъ, при всей своей добросовѣстности, все-же не рѣшался сказать правду до конца. Всѣ эти свои соображенія я высказалъ въ своей обвинительной рѣчи. Защита никакихъ существенныхъ данныхъ, кромѣ общаго отрицанія виновности А-берга, не дала. Судъ, очевидно, также уже не имѣлъ сомнѣнія въ его виновности и приговоромъ суда и Агѣевъ и А-бергъ были признаны виновными въ разбойномъ нападеніи и присуждены къ смертной казни. Конечно, каждый изъ насъ, по уже установившемуся правилу, былъ увѣренъ, что, такъ какъ въ данномъ дѣлѣ убійства не было, то смертной казни Командующій войсками не утвердитъ и казнь будетъ замѣнена каторжными работами.

На слѣдующій день было назначено объявленіе приговора въ окончательной формѣ. Когда я шелъ въ судъ, меня остановилъ на улицѣ братъ А-берга, бывшій въ судебномъ засѣданіи, — я его сначала и не узналъ, — и сталъ спрашивать совѣта, какъ поступить. „Увѣряю Васъ", говорилъ онъ, „что братъ невиновенъ." Я сказалъ ему, что вѣдь онъ самъ былъ на процессѣ и видѣлъ, какія были противъ его брата данныя, такъ что говорить о невиновности мало основаній. „Вѣрно", отвѣтилъ онъ, „я самъ вижу, что на судѣ все такъ сложилось, что онъ виноватъ, но, — я не могу этого доказать, — а все-таки я увѣренъ, что онъ невиновенъ. Какъ поступить? Подавать-ли кассаціонную жалобу? Я боюсь, что Командующій войсками утвердитъ приговоръ и брата казнятъ." Я ему отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, смертной казни, безусловно, здѣсь не будетъ, и что подавать кассаціонную жалобу нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ, онъ самъ видѣлъ, никакихъ кассаціонныхъ нарушеній въ дѣлѣ не было, но что я-бы ему совѣтовалъ, если онъ такъ увѣренъ въ невиновности брата, немедленно подать Командующему войсками просьбу о пріостановленіи исполненія приговора и позаботиться о представленіи доказательствъ невиновности. Впрочемъ, сказалъ я ему, пусть лучше еще посовѣтуется съ защитникомъ.

Дней черезъ пять послѣ этого ко мнѣ пришелъ защитникъ А-берга прис. пов. Литвицкій, сообщилъ, что Командующій войсками приговоръ смягчилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: „Помните, Янчевскій говорилъ, что у А-берга были усики, — вотъ Вамъ фотографическая карточка А-берга, снятая 2-го марта, т. е. за три дня до нападенія, и, видите, никакихъ усиковъ у него нѣтъ, — значитъ, Янчевскій невѣрно его опозналъ." На карточкѣ, дѣйствительно, А-бергъ былъ безъ усиковъ и на оборотной сторонѣ была поставлена дата 2 марта 1908 г. „А кто эту дату поставилъ?" спросилъ я. „Я", отвѣтилъ г. Литвицкій. „Вы сами, конечно, понимаете", сказалъ я, „что Вами поставленная дата не доказательство, надо было-бы хотя взять удостовѣреніе изъ фотографіи. Но, во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, это не имѣетъ никакого значенія: я вовсе не считалъ, что у А-берга были усики, а что Янчевскій такъ только опредѣлилъ впечатлѣніе отъ пробивавшихся надъ губой волосковъ, и если 2 марта, какъ Вы говорите, А-бергъ снимался, то, естественно, онъ передъ этимъ побрился, и тогда вполнѣ понятно, что 5-го у него опять уже могли пробиваться волосы." Г. Литвицкій со мной согласился. Недѣли черезъ двѣ-три г. Литвицкій снова приходитъ ко мнѣ и очень взволнованно сообщаетъ: „Вы знаете, какая громадная ошибка? Вѣдь карточки Переца А-берга никогда не было въ сыскномъ отдѣленіи: Тамъ есть карточка Лейбы А-берга (та-же фамилія), — сыскное отдѣленіе обѣщало даже выдать мнѣ въ этомъ удостовѣреніе!" Я, откровенно говоря, не очень этому повѣрилъ, но отвѣтилъ ему, что, если-бы это дѣйствительно оказалось такъ, то это имѣло-бы большое значеніе, ибо для меня лично, для моего убѣжденія, этотъ фактъ съ карточкой на судѣ сыгралъ громадную роль, — онъ именно и связалъ всѣ разрозненныя и недостаточныя сами по себѣ въ отдѣльности доказательства въ логически несомнѣнную картину. Г. Литвицкій ушелъ, сказавъ, что онъ приложитъ всѣ силы, чтобы этотъ фактъ установить документально.

Черезъ нѣсколько времени, въ концѣ мая, я заболѣлъ. Болѣзнь была тяжелая и опасная, — спасеніемъ своимъ я обязанъ исключительно женѣ и молодому

врачу Одесскаго военнаго госпиталя Константину Николаевичу Кононовичу, которые цѣлыми ночами неотступно слѣдили за моимъ состояніемъ, а затѣмъ блестящей операціи, произведенной старшимъ врачемъ Евангелической больницы д-ромъ Аукстомъ. Болѣлъ я четыре мѣсяца и только съ октября понемногу началъ опять входить въ работу. О дѣлѣ А-берга я за это время ничего не слыхалъ и только приблизительно уже въ февралѣ 1909 года узналъ, что защитою возбуждено въ Главномъ военномъ судѣ ходатайство о возобновленіи этого дѣла.

Въ концѣ мая 1909 г. я получилъ разрѣшеніе на трехмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья; ѣхать на какой-либо курортъ я не могъ рѣшиться, для этого нужно было больше средствъ, и мы остановились на мысли, по совѣту знакомыхъ, поѣхать всей семьей въ дер. Звонковое, Кіевской губ., въ 12-ти верстахъ отъ ст. Мотовиловки, въ дивную, здоровую, сухую мѣстность съ сосновымъ лѣсомъ и съ возможностью даже получать кумысъ, который всегда мнѣ очень помогалъ. Такъ какъ дачи въ Звонковомъ къ этому времени были уже всѣ разобраны, то пришлось ограничиться заочнымъ наймомъ оставшейся дачи черезъ посредство какого-то еврея, — оказалась это дача у какой-то „бабы Гали“, слывшей тамъ чуть-ли не колдуньей. Однако, къ отъѣзду встрѣтилось новое препятствіе, — мы не могли найти прислуги, которая согласилась-бы ѣхать съ нами на дачу. Такъ тянулось недѣли полторы. За это время я узналъ изъ газетъ, что Главный военный судъ дѣло А-берга возобновилъ, т. е., слѣдовательно, предстоялъ пересмотръ дѣла. Наконецъ, намъ удалось найти прислугу, которая согласилась ѣхать, и мы рѣшили не откладывать болѣе ни дня.

Кажется, числа 8-го іюня мы выѣхали. Я съ семьей занималъ три мѣста въ купэ 2-го класса, а четвертымъ пассажиромъ въ купэ былъ какой-то господинъ, по виду лѣтъ 55 - 60, еврей, очень тихій. Дѣти, естественно, въ вагонѣ вели себя оживленно, ходили намъ по ногамъ, все стремились къ окну, и нашъ компаньонъ даже уступилъ имъ мѣсто у окна, а самъ подвинулся къ двери. Я извинился, что причиняемъ ему безпокойство, но онъ

сказалъ, что пусть насъ это не смущаетъ, что онъ отлично понимаетъ, что дѣти всегда въ поѣздѣ всѣмъ интересуются, — вообще, онъ показалъ большую деликатность. Такъ прошло часовъ до 7-ми вечера. Затѣмъ я на нѣсколько минутъ прошелъ въ сосѣднiй вагонъ къ прислугѣ и, возвращаясь, вижу, что около окошка въ коридорѣ стоитъ нашъ компаньонъ по купэ съ моей старшей дочерью, 6-ти лѣтъ. Только что я подошелъ къ нимъ, онъ обращается ко мнѣ и говоритъ: „Мнѣ Ваша дочь сказала, кто Вы такой, — а у меня какъ разъ въ Вашемъ судѣ было дѣло о сынѣ, его приговорили въ прошломъ году къ смертной казни, а теперь дѣло о немъ возобновлено и будетъ снова пересматриваться, — вотъ я и хочу Васъ спросить..." Я сразу-же, конечно, догадался, что это отецъ А-берга, такъ какъ другихъ возобновленныхъ дѣлъ въ то время не было. — „Вы г-нъ А-бергъ?" спросилъ я его. — „Да!" — Я ему тогда сказалъ, что я знаю, что дѣло возобновлено, и что самое дѣло я хорошо знаю, такъ какъ самъ его проводилъ. Это выраженiе „проводилъ дѣло" было ему, очевидно, непонятно, такъ какъ онъ сталъ мнѣ опять разсказывать про дѣло, и говорить, что и прокуроръ, — т. е. въ данномъ случаѣ, я, — самъ находитъ, что этотъ случай съ карточкой имѣетъ большое значенiе. Чтобы вопросъ совершенно выяснить, я ему прямо сказалъ, что именно я и былъ прокуроромъ по дѣлу, что это я обвинялъ его сына. Тогда онъ понялъ, но, — что меня даже поразило, — у него ни въ чемъ не мелькнуло ни тѣни какого-либо недоброжелательства или горечи по отношенiю ко мнѣ, наоборотъ, скорѣе почувствовалось, что онъ относится ко мнѣ даже съ особымъ довѣрiемъ. „Боже мой, какъ жаль, что Вы уѣзжаете изъ Одессы", сказалъ онъ, „вѣдь скоро дѣло будетъ разсматриваться, — а какъ-же безъ Васъ? Литвицкiй (защитникъ) говорилъ, что Ваше присутствiе на судѣ необходимо, что только Вы можете возстановить картину прошлаго суда и тогда будетъ ясно, въ чемъ была ошибка. Какъ-же теперь быть?" Я ему сказалъ, что, если защита находитъ нужнымъ мое показанiе на судѣ, то пусть проситъ судъ вызвать меня свидѣтелемъ, и я, несмотря на дальность разстоянiя, прiѣду, — и далъ

ему свой адресъ, по которому меня можно было вызвать или мнѣ написать.

Разговоръ между нами еще довольно долго продолжался и тутъ я отъ него услыхалъ дѣйствительно печальную повѣсть того, какъ отозвалось это дѣло на всей его семьѣ. Этотъ вопросъ о томъ, что судебный приговоръ отражается не только на осужденномъ, но иногда слишкомъ больно задѣваетъ и цѣлый рядъ лицъ, съ нимъ связанныхъ, давно стоялъ въ моемъ сознаніи, но теперь я слышалъ по нему живые факты. — „Посмотрите на меня“, говорилъ онъ, „вѣдь я теперь совсѣмъ развалина, мнѣ можно дать лѣтъ 60, я почти ни къ какой работѣ не гожусь, а вѣдь мнѣ всего 42 года, еще въ прошломъ году я былъ совсѣмъ какъ молодой человѣкъ!. Вы знаете, вѣдь мнѣ никто даже не сообщилъ, что мой сынъ былъ въ чемъ-то заподозрѣнъ, арестованъ и преданъ суду, и потомъ сразу и защитникъ и старшій сынъ написали, что Перецъ присужденъ къ смертной казни. Что со мной было, я и сказать не могу; да Вы видите, какой я сталъ. А съ дочерью и не знаю, что еще будетъ. У нея, какъ только она узнала, что случилось съ Перецомъ, началось страшное нервное разстройство, — едва-ли, думаю, не душевное заболѣваніе, — отправили мы ее въ лечебницу въ Швейцарію, но пока все еще ей не лучше, не знаю уже, и выздоровѣетъ-ли. Вѣдь этого мальчика мы больше всѣхъ любили. Старшій сынъ уже давно живетъ одинъ, а этотъ все время былъ съ нами. И неудача была у насъ въ семьѣ, и уже на этого сына мы особенно надѣялись. И отчего они меня не предупредили, что онъ арестованъ? — можетъ быть я пріѣхалъ-бы и что-нибудь могъ помочь! Слава Богу, что теперь дѣло возобновили, все-таки, есть надежда, что оправдаютъ, а если и теперь не оправдаютъ, то уже все кончено! Литвицкій проситъ меня, чтобы я пришелъ на судъ, а я думаю, что не смогу.“ — Да, слушая его, я хорошо понималъ легшій на его семью отъ этого дѣла ужасъ. Но меня еще поразили его слова о „неудачѣ“, бывшей въ его семьѣ; у меня мелькнула мысль, не есть-ли эта „неудача“ тотъ Лейба А - бергъ, карточка котораго (а не Переца), — если вѣрить теперешнимъ даннымъ, — имѣлась въ сыскномъ отдѣленіи,

какъ налетчика, — можетъ быть, этотъ Лейба третій его сынъ? Спросить его объ этомъ я, конечно, не рѣшился, но въ пользу такого предположенія говорило то, что если виновнаго узнали по карточкѣ Лейбы, а на судѣ и Сорокинъ почти-что признавалъ за виновнаго Переца, то откуда-же бы взялось такое близкое сходство при тождественности фамиліи?

Утромъ слѣдующаго дня мы простились съ г. А-бергомъ; онъ собирался или самъ сейчасъ-же ѣхать въ Одессу или писать прис. пов. Литвицкому о нашей встрѣчѣ, сообщить ему мой адресъ и мое согласіе пріѣхать на судебное засѣданіе, если судъ меня вызоветъ.

Пріѣхали мы въ Звонковое. Мѣсто очаровательное — песокъ, сосновые лѣса, дивный воздухъ, — лучшаго нельзя и желать. Немного неудачно вышло только съ самой дачей, — это оказалась запущенная деревенская хата, въ которой, повидимому, нѣсколько лѣтъ никто не жилъ, окна едва держатся, ставни гнилыя, наружныхъ дверей совсѣмъ нѣтъ, крыта соломой; шагахъ въ 20-ти отъ нея кухня, также крыта соломой и, странно, безъ трубъ, такъ что дымъ и искры какимъ-то необычайнымъ образомъ проходятъ черезъ солому; мы положительно удивлялись, какъ эта кухня не сгоритъ. Но и эти недостатки дачи можно было простить за ея расположеніе: она стояла въ большомъ саду, спускающемся къ оврагу, и притомъ совершенно въ сторонѣ отъ деревни, — ближайшая къ ней хата сосѣдей была шагахъ въ 300 - 400, и только по другую сторону тянулось нѣсколько хатъ, въ которыхъ жила сама „баба Галя“ и ея взрослые сыновья. Однимъ словомъ, создавалась обстановка самая подходящая для отдыха и поправки. На-счастье и погода была прекрасная; дивно было и въ лѣсу, хорошо было и около дома. Впрочемъ, случился и курьезъ: недолго намъ пришлось удивляться, какъ это кухня не сгоритъ, — она, дѣйствительно, загорѣлась, и такъ скоро пошелъ огонь, что едва успѣли вытащить изъ печи обѣдъ. Однако, и это не измѣнило нашего настроенія. Затѣмъ произошелъ другой случай, въ результатѣ довольно непріятный. Началось и тутъ съ курьеза. Возвращался я разъ со старшей дочерью изъ лѣса домой. Видимъ, передъ самой почти нашей

дачей, на лѣсной лужайкѣ, лежатъ на землѣ ничкомъ два человѣка, какъ разъ поперекъ тропинки. При нашемъ прекрасномъ настроеніи мы рѣшили пошалить, и, не обходя лежавшихъ, перепрыгнули черезъ нихъ; дочери это понравилось и мы еще раза два продѣлали то-же самое; лежавшіе не просыпались. Вечеромъ того-же дня вся деревня была встревожена грабежомъ: одну даму-дачницу грабители остановили, сняли съ нея всѣ цѣнныя вещи, вырвали серьги изъ ушей; была устроена погоня, но грабители отстрѣливались и сумѣли уйти. Выяснилось, что это были бѣжавшіе изъ Кіевской тюрьмы, приговоренные за разбой въ каторжныя работы, — въ Звонковое они пришли къ одному изъ сыновей нашей хозяйки, съ которымъ познакомились въ тюрьмѣ, и какъ разъ они-то передъ тѣмъ и лежали передъ нашей дачей и мы съ дочерью черезъ нихъ прыгали. Воображаю, какъ-бы они удивились, если-бы узнали, что черезъ нихъ прыгаетъ помощникъ военнаго прокурора! Естественно, что этотъ грабежъ заставилъ быть насторожѣ, но общее настроеніе отъ этого не измѣнилось.

Утромъ 29-го іюня, въ Петровъ день, ко мнѣ на дачу пріѣхалъ братъ А-берга, бывшій на судѣ, съ письмами отъ прис. пов. Литвицкаго и отъ отца. Прис. пов. Литвицкій писалъ, что онъ просилъ судъ вызвать меня въ качествѣ свидѣтеля, но судъ отказалъ; однако, онъ находитъ, что мое показаніе крайне существенно для дѣла, надѣется, что, если я, все-таки, пріѣду, то судъ не откажетъ въ моемъ допросѣ, и потому настойчиво проситъ пріѣхать; дѣло назначено на 4 іюля. Отецъ А-берга, въ своемъ письмѣ, поддерживаетъ эту просьбу защитника и добавляетъ, что, если я не пріѣду, то онъ не найдетъ въ себѣ силъ присутствовать на засѣданіи, такъ какъ будетъ имѣть мало надежды на благопріятный исходъ дѣла. Я, какъ и раньше говорилъ, былъ согласенъ пріѣхать, но тотъ фактъ, что судъ отказалъ въ моемъ вызовѣ, не давалъ мнѣ увѣренности, допуститъ-ли онъ меня къ дачѣ показаній, если-бы я и пріѣхалъ, — для этого надо было-бы мнѣ знать, по какимъ причинамъ судъ отказалъ въ вызовѣ. Естественно, ѣхать и не быть допущеннымъ къ дачѣ показаній, мнѣ

не хотѣлось. Поэтому я остановился на такомъ рѣшеніи: я сказалъ А - бергу, что пусть онъ немедленно возвращается въ Одессу, далъ ему письмо къ исполнявшему тогда обязанности военнаго прокурора генералу Б., въ которомъ въ краткихъ словахъ излагалъ дѣло и просилъ принять А - берга и выслушать его и дать ему отвѣтъ, буду-ли я допущенъ къ дачѣ показаній, если пріѣду, — а А - бергу сказалъ, что пусть онъ отвѣтъ прокурора мнѣ немедленно телеграфируетъ, и, въ зависимости отъ отвѣта, я уже и опредѣлю, пріѣду-ли на судебное засѣданіе. А - бергъ сейчасъ-же уѣхалъ.

Днемъ 30-го іюня получаю отъ него телеграмму: „Отвѣтъ прокурора Вамъ телеграфированъ. Если пріѣдете, будете допущены дать показаніе". Телеграмма эта мнѣ показалась странной: по тону ея совершенно не чувствовалось, чтобы мой пріѣздъ признавался настолько желательнымъ, какъ о томъ раньше писалъ г. Литвицкій, — я даже подумалъ, что, можетъ быть, по какимъ-либо причинамъ, онъ уже и не такъ считаетъ необходимымъ мой пріѣздъ, — а особенно меня удивила фраза: „отвѣтъ прокурора Вамъ телеграфированъ". Если здѣсь была только неправильная передача слова — „телеграфированъ" вмѣсто „телеграфировать", — то, конечно, телеграмма сомнѣній не возбуждала-бы, но если считать, что ошибки въ передачѣ нѣтъ, то дѣло становилось иначе: значитъ, прокуроръ мнѣ самъ что-то телеграфировалъ; зная обстоятельность генерала Б., я могъ быть увѣренъ, что его телеграмма была-бы настолько ясной, что не допускала-бы уже никакихъ сомнѣній, и потому-то, думалъ я, такъ блѣдно и безъ всякой настойчивости телеграфируетъ А - бергъ. Значитъ, надо было точно узнать, была-ли, дѣйствительно, какая-нибудь телеграмма на мое имя отъ генерала Б., — узнать это можно было только на слѣдующій день на станціи, надо было спеціально за этимъ кого-нибудь послать (— до ст. Мотовиловки, какъ я раньше сказалъ, было 12 верстъ). Я лично скорѣе предполагалъ, что, если такая телеграмма была, то тамъ-бы говорилось, что суду положеніе дѣла извѣстно и что мой пріѣздъ считаться необходимымъ для дѣла не можетъ. При такихъ предположеніяхъ мое первоначальное рѣшеніе

непремѣнно поѣхать на разборъ дѣла нѣсколько поколебалось, и поэтому я рѣшилъ еще испытать обстановку. Я написалъ обширный оффиціальный рапортъ на имя генерала Б., сообщая ему все, что имѣло значеніе для дѣла, и просилъ его самого рѣшить, необходимъ-ли мой пріѣздъ, и, если необходимъ, то мнѣ телеграфировать, а если онъ найдетъ достаточнымъ этотъ мой письменный докладъ, то чтобы онъ оффиціально предложилъ его суду. Я разсчиталъ такъ: утромъ 1-го іюля это мое письмо пойдетъ; несомнѣнно, утромъ 2-го будетъ у генерала Б., онъ мнѣ 2-го-же можетъ телеграфировать, 2-го-же къ вечеру, а самое позднее 3-го днемъ, я получу его телеграмму и, если будетъ нужно, вечеромъ 3-го выѣду и утромъ 4-го буду на судебномъ засѣданіи. Весь вопросъ должно было разрѣшить это мое письмо. Надо было только организовать посылку человѣка раннимъ утромъ съ этимъ письмомъ на ст. Мотовиловку, чтобы этотъ-же человѣкъ справился и о томъ, не было-ли еще мнѣ телеграммы отъ прокурора.

Послать я рѣшилъ старшаго изъ сыновей нашей хозяйки, Тимоша; это былъ человѣкъ уже лѣтъ 40, онъ имѣлъ лошадей и иногда выѣзжалъ на станцію. Отправился я къ нему, но его дома не оказалось, — жена его сказала, что онъ сейчасъ на сѣнокосѣ, вернется поздно къ ночи, и тогда она его пошлетъ ко мнѣ. Сижу дома и жду. Дѣти уже легли спать. Ждалъ я такъ часовъ до 11 ночи. Слышу, наконецъ, стукъ телѣги, рѣшилъ, что ѣдетъ Тимошъ съ братьями съ сѣнокоса, и рѣшилъ его остановить около дома, чтобы онъ потомъ не стучался. Ночь темная. Выхожу и уже стука телѣги не слышу, — очевидно, она остановилась, не доѣзжая нашей дачи. Слышу только шагахъ въ 15 неясные голоса. По боковой террасѣ выхожу въ садъ, направляясь къ калиткѣ, иду почти ощупью, такъ какъ по вечерамъ я почти ничего не вижу, и спрашиваю: „Тимошъ, это Вы?“ Слышу отвѣтъ: „Мы, баринъ, держите при себѣ револьверъ, тутъ кто-то спрятался, — кажется, убійство начинается!“ — Вотъ уже никакъ не ожидалъ такой исторіи! — и главное, ничего не вижу, могу строить только догадки. По догадкѣ, дѣло мнѣ представилось такъ: очевидно, кто-то сидѣлъ, спря-

тавшись, около забора нашей дачи; хозяйкины сыновья, очевидно, это замѣтили и оттого остановились, не доѣзжая, — что-же, собственно, затѣвалось? на нашу дачу, можетъ быть, готовилось нападеніе? Во всякомъ случаѣ, надо было выяснить. Я кое-какъ, ощупью, добрался опять до своей двери, взялъ револьверъ, сказалъ женѣ, что что-то неладно, предупредилъ ее, чтобы не пугалась, если буду стрѣлять, и опять пошелъ, хотя, откровенно говоря, самъ не зналъ, что сумѣю сдѣлать, разъ ничего не вижу. Гостившая у насъ тогда сестра жены посвѣтила мнѣ нѣсколько изъ двери свѣчей въ садовомъ подсвѣчникѣ, но, чуть я отошелъ дальше, попалъ въ совершенную темноту. На этотъ разъ я уже ясно услышалъ, что тамъ за калиткой идетъ драка, слышатся удары и стучатъ косы, — но почти сейчасъ же все это смолкло и слышно было, какъ нѣсколько людей отбѣжало. „Подождите", слышится крикъ, „мы и вашихъ дачниковъ сожжемъ!" Это что еще за милое обѣщаніе? подумалъ я. Въ это время ко мнѣ черезъ калитку подошелъ младшій сынъ хозяйки, лѣтъ 25, и сказалъ, что ему сейчасъ въ дракѣ порѣзали косой руку. Привелъ я его въ домъ, — оказалась громадная рана отъ пальцевъ почти до локтя. Пока ему жена эту рану промыла и перевязала, онъ разсказалъ намъ, что, собственно, произошло. Оказывается, дѣйствительно, они трое ѣхали съ сѣнокоса и увидали, что подъ заборомъ около нашего сада кто-то прячется; они побоялись дальше ѣхать и остановились, и какъ разъ въ это время вышелъ я, и они меня и предупредили, что замѣтили. Тогда тѣ, кто прятались (очевидно, когда я уходилъ въ домъ за револьверомъ), бросились на нихъ, — оказалось, что это ихъ сосѣди, изъ сосѣдней хаты, о которой я упоминалъ; ихъ тамъ было отецъ и, кажется, два сына, — всѣ когда-то побывали въ тюрьмѣ; между ними и сыновьями нашей хозяйки старая вражда и какъ разъ еще и въ этотъ день на сѣнокосѣ была ссора и тѣ, очевидно, и рѣшили имъ отомстить, подождавъ ихъ въ глухомъ мѣстѣ, около нашей дачи; въ дракѣ, все-таки, наши хозяева побѣдили. Сюрпризъ для насъ былъ неожиданный; обѣщаніе насъ поджечь каждую минуту могло быть приведено въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что

поджечь нашъ домъ, въ сущности, ничего не стоило. Появились и какія-то странныя явленія: слышу, напр., кто-то пробѣжалъ подъ нашими окнами, — ну, думаю, пожалуй, правда, подожгли! — выхожу, но все благополучно; потомъ слышу, около оконъ заливается-лаетъ собака, — и откуда она взялась, не знаю, у насъ собаки не было, — опять выхожу, опять ничего нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, когда выходилъ, нѣсколько разъ слышалъ голоса за заборомъ нашего сада, — съ другой стороны, съ поворота дороги, не со стороны хозяйскихъ хатъ, — очевидно, тамъ все еще кто-то сидитъ. Такъ всю ночь, до свѣта, мы съ женой и продежурили. Всталъ передъ нами вопросъ: стоитъ-ли въ такихъ условіяхъ оставаться и дальше здѣсь? окружающая компанія мало пріятная, быть среди нихъ, живущихъ во враждѣ, съ возможностью стать косвеннымъ объектомъ мести, удовольствія не представляетъ; нападеніемъ въ лѣсу и этимъ случаемъ настроеніе уже подорвано, — вѣдь это значитъ, и прогулками пользоваться нельзя будетъ спокойно, да и по ночамъ можно ждать непріятностей, — какой-же тогда отдыхъ? — а намъ всѣмъ нуженъ былъ именно полный, безусловный отдыхъ. Думали и рѣшили уѣхать и остатокъ отпуска провести или гдѣ-нибудь на курортѣ, или около Одессы на морѣ; рѣшили, что числа 2-3 іюля выѣдемъ обратно въ Одессу, 4-го я буду на дѣлѣ А-берга, а тамъ будемъ устраиваться дальше. Такимъ образомъ отпалъ и всякій смыслъ въ посылкѣ какого-либо письменнаго сообщенія, не было смысла и запрашивать о чемъ-нибудь прокурора, — и я 2-го іюля послалъ А-бергу телеграмму, что на судъ пріѣду. Впрочемъ, мы изъ Звонкового не уѣхали: какъ разъ послѣ отправки телеграммы къ намъ пришли всѣ наши хозяева и стали усиленно просить, чтобы мы не уѣзжали, что это будетъ страшный скандалъ для нихъ, если дачники отъ нихъ изъ-за безпокойства уѣдутъ, обѣщали, что ничего подобнаго не повторится, и мы рѣшили рискнуть и остаться. Но уже въ отношеніи моей поѣздки въ Одессу дѣло было рѣшено, — разъ уже далъ телеграмму, что пріѣду, нельзя было не ѣхать.

Не странно-ли сложились обстоятельства? какъ въ началѣ, — не окажись я случайно въ одномъ купэ

съ отцомъ А-берга, защита могла-бы и не узнать моего адреса и самое ходатайство о моемъ вызовѣ и дальнѣйшія ко мнѣ обращенія могли-бы оказаться невозможными, такъ и теперь эта исторія на дачѣ 30 іюня окончательно опредѣлила мою поѣздку на дѣло.

Утромъ 4-го іюля я былъ въ Одессѣ. До начала судебнаго засѣданія я зашелъ къ генералу Б., разсказалъ ему всю эту исторію. Отъ генерала Б, я узналъ, что къ дѣлу теперь привлеченъ третій обвиняемый, кажется, по фамиліи Федоровъ, который уже передъ тѣмъ за что-то былъ осужденъ въ каторжныя работы безъ срока (— или къ смертной казни съ замѣной каторжными работами), и который сознается въ этомъ разбойномъ нападеніи на Сорокина. По просьбѣ защитника судъ допустилъ меня къ дачѣ показаній. Я былъ допрошенъ однимъ изъ первыхъ, сказалъ все, что имѣлъ сказать, и былъ, съ согласія сторонъ, освобожденъ отъ дальнѣйшаго присутствія въ залѣ засѣданія и вышелъ изъ зала опять въ военно-прокурорскій надзоръ. Генералъ Б. также былъ въ залѣ засѣданія, а затѣмъ вскорѣ вышелъ за мной и говоритъ мнѣ: „А Вы замѣтили третьяго подсудимаго, Федорова? Поразительно! Одно лицо съ А-бергомъ!“ Я, бывши въ залѣ, какъ-то совсѣмъ не обратилъ на него вниманія, но, услыхавъ это, пошелъ снова въ залъ: дѣйствительно, Федоровъ былъ удивительно похожъ на А-берга, — такого-же роста, такіе-же длинные волосы, очень сходныя черты лица, только нѣтъ того блеска въ глазахъ; его, оказывается, опозналъ и Сорокинъ, его участіе въ нападеніи признавалъ и Агѣевъ. Получалось нѣчто удивительное. Вѣдь если признать, что дѣйствительнымъ участникомъ нападенія былъ этотъ Федоровъ, то, значитъ, здѣсь имѣло мѣсто какое-то фантастическое совпаденіе: виновенъ въ разбоѣ, скажемъ, Федоровъ, виновнаго опознаютъ по имѣющейся въ альбомѣ сыскного отдѣленія карточкѣ, но это, оказывается, не карточка Федорова, а карточка Лейбы А-берга, очевидно, до чрезвычайности на него похожаго, а затѣмъ по этой карточкѣ задерживаютъ не Лейбу, а Переца А-берга, также до чрезвычайности на него похожаго. Три чрезвычайно похожихъ лица, другъ съ другомъ не связанныхъ?

Не дождавшись приговора, я съ пѣздомъ въ 1 ч. дня уѣхалъ изъ Одессы обратно въ Звонковое, попросивъ секретаря мнѣ телеграфировать, чѣмъ кончится дѣло. На слѣдующій день получилъ телеграмму отъ секретаря и отъ А-берга, гдѣ онъ сообщаетъ: „сынъ оправданъ". Потомъ слѣдовало полное благодарности письмо отца А-берга и письмо г. Литвицкаго.

Съ А-бергомъ я больше не встрѣчался. Съ прис. пов. Литвицкимъ я встрѣтился, конечно, по возвращеніи изъ отпуска. Онъ былъ безконечно радъ исходу дѣла и спрашивалъ меня, убѣдился-ли я, что Перецъ А-бергъ невиновенъ. „Не знаю", отвѣтилъ я ему, „я, къ сожалѣнію, послѣдняго процесса полностью не прослушалъ, но на меня фактъ появленія на немъ Федорова, какъ виновнаго, вмѣсто А-берга, въ нападеніи, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе: или тутъ дѣйствительно чудесное, недоступное ясному пониманію, совпаденіе, — чрезвычайное сходство трехъ постороннихъ другъ другу лицъ, — или, быть можетъ, что-то искусственное. Я остаюсь при своемъ мнѣніи: если, дѣйствительно, карточки Переца А-берга въ сыскномъ отдѣленіи не было, то съ этимъ для меня лично отпадаетъ логическая связь между остальными уликами, и я считалъ-бы ихъ недостаточными для убѣжденнаго обвиненія, но отсюда еще далеко до убѣжденнаго признанія невиновности." — Впрочемъ, у меня шевельнулась еще одна мысль, которую я тогда не высказалъ: не есть-ли этотъ Федоровъ — Лейба А-бергъ, въ свое время скрывшійся, затѣмъ осужденный подъ чужимъ именемъ и съ этимъ именемъ и фигурировавшій? — вѣдь тогда разрѣшился-бы вопросъ „чрезвычайнаго сходства трехъ лицъ, и тогда были-бы понятны и всѣ отмѣченныя мною колебанія въ заявленіяхъ Сорокина въ отношеніи опознанія.

Все-же, и сейчасъ говорю, это дѣло осталось для меня загадкой.

Наконецъ, однимъ изъ очень характерныхъ для того времени дѣлъ было дѣло объ Александрѣ Бе-кѣ. Обстановка дѣла была такая: въ Одессѣ, къ концѣ Херсонской улицы, былъ небольшой пустырь, съ рѣдкими деревьями, кустами и протоптанными въ разныхъ направленіяхъ дорожками. Какъ-то часовъ въ 9-10 ве-

чера, въ теплое время, проходившіе по улицѣ услыхали на этомъ пустырѣ выстрѣлы, и, прибѣжавъ на нихъ, увидали лежащаго на землѣ городового, тяжело раненаго, бывшаго безъ сознанія. Затѣмъ въ Херсонскій полицейскій участокъ прибѣжалъ почтальонъ Александръ Бе-къ и заявилъ, что онъ сейчасъ только проходилъ по пустырю, услыхалъ тамъ выстрѣлы и, прибѣжавъ на нихъ, увидалъ городового, повидимому, убитаго. Немедленно, по его заявленію, на мѣсто происшествія отправился приставъ съ нарядомъ городовыхъ, съ ними пошелъ и Бе-къ и остановился тутъ-же въ толпѣ. Раненаго городового стали приводить въ чувство и онъ вскорѣ заговорилъ. Стоявшая рядомъ съ Бе-комъ дѣвица сказала ему: „Сашка, уходи, а то плохо будетъ", — и оба они скрылись. Привезенный въ больницу городовой пришелъ въ себя и уже смогъ разсказать, что случилось: онъ проходилъ по этому пустырю и увидалъ въ сторонѣ молодого человѣка съ дѣвицей въ позѣ, внушившей ему подозрѣніе; онъ подошелъ къ нимъ и пригрозилъ, что отведетъ ихъ въ участокъ; въ отвѣтъ на это молодой человѣкъ выстрѣлилъ въ него раза 2-3 и онъ, раненый, упалъ; молодой человѣкъ былъ одѣтъ похоже на гимназиста, въ черныхъ брюкахъ, въ бѣлой рубашкѣ, съ кожанымъ поясомъ съ металлической бляхой. Послѣ этого заявленія городового чины полиціи сразу-же обратили вниманіе, что именно такъ и былъ одѣтъ почтальонъ, прибѣгавшій въ участокъ сообщить о происшедшемъ, т. е. Бе-къ; немедленно его разыскали, разыскали и дѣвицу, которая была съ нимъ въ толпѣ, но уже раненому городовому ихъ предъявить не могли, — ему стало хуже и онъ умеръ.

Слѣдствіе и было поведено въ томъ направленіи, что Бе-къ, прибѣгавшій въ полицію, на самомъ дѣлѣ былъ именно убійцей. Бе-къ виновнымъ себя въ убійствѣ не призналъ и настаивалъ на прежнемъ своемъ показаніи; согласно съ нимъ показывала и дѣвица; фразу свою „Сашка уходи, а то плохо будетъ" — дѣвица отрицала, но ее устанавливали бывшіе въ толпѣ свидѣтели. Никакихъ другихъ уликъ противъ Бе-ка не было. Бе-къ былъ арестованъ. Приблизительно черезъ недѣлю, точно не помню, та-же дѣвица явилась

въ полицію и заявила, что хочетъ сказать правду: она узнала, что убилъ городового такой-то, — фамиліи его не помню, что-то въ родѣ Морозова, чисто-русская фамилія; — что онъ самъ ей это сказалъ; она съ нимъ была въ пріятельскихъ отношеніяхъ и потому сначала объ этомъ не заявляла, а теперь поссорилась и рѣшила заявить; особенно на томъ, чтобы она заявила правду про Морозова, настаивала тетка Бе-ка; однако, сама эта тетка ни въ полицію, ни къ слѣдователю не обращалась. Разыскали и этого Морозова, — буду такъ его называть, — онъ себя виновнымъ не призналъ, заявилъ, что онъ совсѣмъ и не былъ тогда въ этой части города, и почему его оговариваетъ эта дѣвица, совершенно не знаетъ; съ ней онъ никакой ссоры не имѣлъ, такъ что она и по злобѣ не могла-бы на него указать. Какая-то родственница этого Морозова показала, что тетка Бе-ка что-то особенно стала внимательна къ этой дѣвицѣ, чего раньше не было. Ничего, въ сущности, болѣе опредѣленнаго на слѣдствіи выяснено не было.

Дѣло поступило на заключеніе ко мнѣ. Всталъ, такимъ образомъ, вопросъ, кто-же виновенъ въ убійствѣ, Бе-къ или Морозовъ. Противъ Бе-ка улики были косвенныя, противъ Морозова — прямой оговоръ. Я лично больше значенія придалъ уликамъ противъ Бе-ка; одежда убійцы вполнѣ соотвѣтствовала его одеждѣ, дѣвица эта съ нимъ, несомнѣнно, была передъ убійствомъ, да и она этого не отрицала, ея фраза, сказанная сейчасъ-же, какъ только городовой заговорилъ, была, естественно, вызвана опасеніемъ, что, если городовой придетъ совсѣмъ въ себя, то опишетъ убійцу и въ немъ сразу-же узнаютъ Бе-ка, и, наконецъ, самая явка Бе-ка съ заявленіемъ въ полицію являлась психологически понятной, — онъ былъ увѣренъ, что городовой убитъ, и, считая себя въ безопасности, въ силу своего повышеннаго послѣ убійства нервнаго состоянія, остро переживалъ это сознаніе безопасности и какъ-бы хотѣлъ еще усилить это сознаніе. Такіе случаи, когда преступникъ, сознающій, что онъ не открытъ, стремится снова какъ-нибудь подойти къ своему преступленію и, въ обостренномъ воспоминаніи о немъ, еще живѣе пе-

режить это сознаніе безопасности, давно извѣстны. Я еще съ своихъ молодыхъ лѣтъ помню такой случай: обращается ко мнѣ разъ мужъ нашей прислуги: „скажите, баринъ, а Вы не читали въ газетахъ, что у одного человѣка въ банѣ бѣлье украли?“ — я сразу-же подумалъ, что это онъ самъ укралъ бѣлье, такъ и оказалось. Это повышенное состояніе преступника, котораго тянетъ къ его преступленію, это желаніе преступника снова остро пережить свое преступленіе при сознаніи, что онъ не открытъ, блестяще изображено Ф. М. Достоевскимъ въ „Преступленіи и наказаніи“, когда Раскольниковъ, подъ вліяніемъ „неотразимаго и необъяснимаго желанія“, снова идетъ на квартиру убитой имъ старухи ростовщицы: „осмотрѣвъ комнаты, онъ вышелъ въ сѣни, взялся за колокольчикъ и дернулъ... тотъ-же звукъ!... дернулъ второй, третій разъ... онъ вслушивался и припоминалъ... прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущеніе начинало все ярче и ярче припоминаться ему, онъ вздрагивалъ съ каждымъ ударомъ и ему все пріятнѣе и пріятнѣе становилось“, „*холоду спинного опять испытать потребовалось*“, говоритъ Порфирій Петровичъ. — Что-же касается оговора Морозова, то онъ представлялся мнѣ слишкомъ грубымъ, роль въ этомъ тетки Бе-ка была очень подозрительной; меня только удивляла смѣлость этой дѣвицы, сдѣлавшей такой оговоръ, — въ Одессѣ такъ шалить было рискованно, тамъ убивали и за правильное показаніе; за непричастность Морозова къ дѣлу говорило и то, что онъ ничѣмъ не пытался объяснить оговора дѣвицы и даже не заявилъ, какъ обычно заявляется виновными, что оговоръ сдѣланъ „по злобѣ“.

На основаніи этихъ соображеній я рѣшилъ внести дѣло въ судъ съ обвинительнымъ актомъ въ отношеніи Бе-ка, но я допускалъ возможность, что, при ближайшемъ соприкосновеніи съ дѣломъ, когда на судѣ мы увидимъ и услышимъ обвиняемаго и свидѣтелей и будемъ имѣть возможность получить непосредственное впечатлѣніе объ ихъ личности и достоинствѣ ихъ показаній, взглядъ на дѣло можетъ и измѣниться. Поэтому я постарался поставить процессъ возможно широко, — на судъ были вызваны всѣ свидѣтели, отъ которыхъ

можно было надѣяться получить хотя малѣйшій штрихъ для дѣла, что-то около 32 свидѣтелей. Защищалъ Бе-ка прис. пов. Богомолецъ, котораго я особенно уважалъ за его идейное отношеніе къ судебнымъ дѣламъ и безукоризненное обращеніе съ судебнымъ матеріаломъ.

Дня суда я ждалъ съ большимъ интересомъ, — ждалъ именно возможности сдѣлать много интересныхъ наблюденій и сопоставленій. Но въ этомъ отношеніи процессъ принесъ мнѣ полное разочарованіе. Одна изъ двигательныхъ пружинъ процесса, — эта самая дѣвица, знакомая Бе-ка, — оказалась совершеннымъ ничтожествомъ; попробовала она сначала что-то отстаивать Бе-ка, но, послѣ первыхъ-же серьезныхъ вопросовъ, сразу-же разоблачила всю свою дешевую интригу съ оговоромъ Морозова, разсказала, что за этотъ оговоръ тетка Бе-ка обѣщала ей какое-то платье и подарила ей туфли, — и показала даже эти туфли, она въ нихъ была на судѣ, — и при всемъ этомъ эта дѣвица ничуть и не тревожилась всей недостойностью своего поведенія; вполнѣ понимаю, что и Морозовъ даже не проявилъ злобы къ ней за ея оговоръ, — такіе люди даже не стоятъ того, чтобы на нихъ сердиться. Всякій вопросъ о виновности Морозова на судѣ, такимъ образомъ, совершенно отпалъ. Былъ-ли Бе-къ виновнымъ въ убійствѣ? Я въ этомъ на судѣ уже не сомнѣвался и въ этомъ смыслѣ вполнѣ убѣжденно поддерживалъ обвиненіе. Защитникъ блестяще использовалъ матеріалъ и, не говоря о „невиновности" подсудимаго Бе-ка, доказывалъ, что въ виновности его есть сомнѣніе, что виновность его „не доказана". Судъ сталъ на точку зрѣнія защиты, призналъ виновность Бе-ка не доказанной и оправдалъ его.

Послѣ суда я разговаривалъ по этому дѣлу съ прис. пов. Богомольцемъ: оказалось, что и онъ, при изученіи дѣла, переживалъ всѣ тѣ-же колебанія и сомнѣнія, которыя испытывалъ и я. Прошло еще недѣли двѣ. Узнаю, что Бе-къ являлся снова съ судъ и просилъ ему дать вторую копію его оправдательнаго приговора, — первую онъ, будто-бы, потерялъ. Это было для меня еще новымъ доказательствомъ его виновности, — конечно, эта копія ему ни за чѣмъ нужна не была, но

его, въ силу уже отмѣченнаго мною психологическаго состоянія оказавшагося въ безопасности преступника, тянуло еще разъ подойти къ тому мѣсту, гдѣ ему такъ недавно грозила опасность быть осужденнымъ, его тянуло сюда сознаніе, что „вотъ я виновенъ, тутъ, именно тутъ, въ судѣ, меня могли осудить, а теперь я могу входить сюда свободно, я въ безопасности, меня уже не осудятъ". Встрѣтившись затѣмъ съ прис. пов. Богомольцемъ, я разсказалъ ему объ этомъ фактѣ и высказалъ свое убѣжденіе, — онъ призналъ, что, дѣйствительно, пожалуй, я правъ въ своемъ убѣжденіи; оказывается, что и къ нему, послѣ оправданія, Бе-къ являлся нѣсколько разъ на квартиру и все по какимъ-то пустяковымъ, не имѣющимъ никакого смысла, вопросамъ; очевидно, эти явки были такого-же порядка, какъ и первая его явка въ полицію и какъ послѣдующая явка въ судъ. Такимъ образомъ я не сомнѣвался, что оправданъ виновный. Но нашъ законъ гласитъ: „Оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ суда не можетъ быть вновь судимъ по тому-же дѣлу, хотя-бы открылись новыя обстоятельства, изобличающія его вину", — и Бе-къ можетъ быть спокоенъ, да къ тому-же и рѣчь тутъ идетъ не о „новыхъ обстоятельствахъ, изобличающихъ его вину", а о фактахъ чисто психологическаго порядка, вліяющихъ лишь на убѣжденіе.

На этомъ я заканчиваю свои воспоминанія объ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлахъ, прошедшихъ передо мною. Я далеко не исчерпалъ всего матеріала, а выбралъ только наиболѣе существенное и интересное по своему жизненному, психологическому и чисто судебному значенію. Задача моя, повторяю, такая: послужить дѣлу установленія *діагноза болѣзней жизни* и указанію способа леченія этихъ болѣзней. Поэтому, остальныя дѣла, которыя могли-бы, можетъ быть, даже показаться интересными по своей фабулѣ, но которыя, съ моей точки зрѣнія, ничего новаго въ это дѣло діагноза болѣзней жизни не вносятъ я оставляю безъ упоминанія. Но поставлю-ли я сейчасъ этотъ діагнозъ? Для себя

лично я извѣстные выводы сдѣлалъ, но выставлять ихъ, какъ непреложные, было-бы еще преждевременно, однихъ моихъ наблюденій для этого мало. Я только даю для этого матеріалъ; я данными своими воспоминаніями зову другихъ судебныхъ дѣятелей также пересмотрѣть свой матеріалъ и подѣлиться имъ, — и когда соберется матеріалъ достаточный, то, не сомнѣваюсь, найдутся люди, которые поймутъ всю его серьезность, изучатъ его, продумаютъ, и съ глубокой проникновенностью и съ полной объективностью поставятъ этотъ діагнозъ болѣзней жизни и укажутъ пути и способы ихъ леченія.

Но я предвижу одинъ вопросъ, по даннымъ моего изложенія, который мнѣ могутъ поставить. Что-же, скажутъ мнѣ, значитъ, въ судебныхъ дѣлахъ, даже и въ конечномъ моментѣ, при самой постановкѣ судебнаго приговора, далеко не всегда удается довести дѣло до той ясности и несомнѣнности, при которой только и самый приговоръ является несомнѣннымъ голосомъ правды? Значитъ, скажутъ мнѣ, и въ судѣ возможны такіе случаи, какъ было хотя-бы въ указанныхъ мною дѣлахъ о солдатѣ Ш-овскомъ и о А-бергѣ, когда одинъ судъ сначала признаетъ виновнымъ подсудимаго, а другой судъ затѣмъ его оправдаетъ? Значитъ, скажутъ мнѣ, данныя обвинительнаго матеріала оказывались настолько непрочными, что, при вторичномъ разбирательствѣ, онѣ не признавались судомъ достаточными для осужденія, а между тѣмъ при первомъ судебномъ разбирательствѣ по нимъ произносился обвинительный судебный приговоръ? Какъ-же съ такими непрочными данными рѣшаетесь Вы, прокуроръ, выступать? Какъ могли, напр., Вы поддерживать обвиненіе, — въ дѣлѣ объ истязаніи Мельникова, — противъ Маріи К-ской, если сами не считали, по убѣжденію, вполнѣ доказаннымъ ея участіе въ этомъ истязаніи? Не ошиблись-ли Вы и въ своей оцѣнкѣ виновности Бе-ка, котораго судъ, вопреки Вашей убѣжденной обвинительной рѣчи, оправдалъ?

На эти вопросы я отвѣчу: Да, судебныя дѣла — не математическія выкладки; въ судебныхъ дѣлахъ часто могутъ встрѣтиться сомнѣнія, и большія сомнѣнія, въ судебныхъ дѣлахъ могутъ быть и ошибки. А развѣ не

ошибаются врачи въ леченіи болѣзней? развѣ не ошибаются родители въ воспитаніи дѣтей? — а вѣдь имъ во многихъ случаяхъ найти истину гораздо легче, чѣмъ судебному дѣятелю. Или и имъ отказаться отъ своего дѣла въ виду возможныхъ ошибокъ? — Я совершенно намѣренно, въ своемъ изложеніи, показывалъ тѣ сомнѣнія и колебанія, которыя переживаетъ слѣдователь, прокуроръ и судъ, ища правды въ дѣлѣ. Эти сомнѣнія и колебанія, эту подчасъ двойственность доказательствъ въ дѣлѣ, одни изъ которыхъ указываютъ на виновность, другія на невиновность обвиняемаго, вполнѣ понималъ и учитывалъ нашъ законъ, и поэтому и требовалъ отъ судебныхъ дѣятелей глубочайшей объективности и безпристрастія въ оцѣнкѣ этихъ, иногда противорѣчащихъ, данныхъ дѣла. Средствомъ, обезпечивающимъ, и при этой почти неизбѣжной наличности въ каждомъ дѣлѣ извѣстныхъ противорѣчій, отысканіе истины и является введеніе въ процессъ въ самый рѣшительный его моментъ, въ моментъ разсмотрѣнія дѣла судомъ, состязательнаго начала. Наличіе данныхъ, говорящихъ въ сторону виновности подсудимаго, какъ-бы олицетворяется въ лицѣ обвинителя — прокурора, наличіе данныхъ, говорящихъ въ пользу невиновности подсудимаго, — въ лицѣ защитника. Ведется, такимъ образомъ, состязаніе данныхъ дѣла, серьезно поставленныхъ и логически освѣщаемыхъ, — и въ результатѣ судъ, — „по внутреннему убѣжденію, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи“, — произноситъ свой приговоръ. Нашъ законъ дѣлалъ все, чтобы довести судебный процессъ до осуществленія въ немъ требованій высшей справедливости, и вся задача судебныхъ дѣятелей сводится къ тому, чтобы этотъ идеально-построенный процессъ провести въ жизнь. Для этого каждый изъ дѣятелей судебнаго процесса долженъ безукоризненно выполнить свое назначеніе. Слѣдователь долженъ быть безпристрастнымъ искателемъ истины, — „обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія.“ Прокуроръ долженъ быть прокуроромъ, какъ его идейно представляетъ законъ, т. е.

блюстителемъ закона. Прокуроръ, который выше этой идейной роли поставитъ, напр., свои личныя либеральныя тенденціи, — уже не идейный служитель правды. „Прокуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ недостаточно либераленъ, — нашъ, нашъ", говоритъ Петръ Верховенскій („Бѣсы"). Защитникъ долженъ съ полнымъ вниманіемъ взять изъ дѣла все, что такъ или иначе можетъ говорить въ пользу его подзащитнаго. Но, опять-же повторяю, и при самой идеальной постановкѣ процесса ошибки возможны, ибо судебные дѣятели люди и, какъ люди, могутъ ошибиться, — но при идеальномъ отношеніи къ дѣлу эти ошибки могутъ быть сведены къ минимуму и больше этого отъ людей требовать нельзя. Скажу еще опредѣленнѣе: если, и при идеальномъ отношеніи къ процессу, ошибка все-же произойдетъ, то она не ляжетъ на совѣсть того, кто ошибся, вѣдь онъ сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Возможность ошибокъ, и при идеальномъ отношеніи къ дѣлу судебныхъ дѣятелей, объясняется несовершенствомъ судебнаго матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло въ уголовномъ процессѣ. Этотъ вопросъ о свойствахъ судебнаго матеріала и о его несовершенствахъ я, насколько могу, постараюсь освѣтить отдѣльно.

IV

Судебный матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло на уголовномъ процессѣ, складывается: 1) изъ объясненій и показаній обвиняемыхъ, 2) изъ показаній свидѣтелей и потерпѣвшихъ, 3) изъ т.-наз. вещественныхъ доказательствъ, при оцѣнкѣ которыхъ часто большую роль играетъ 4) экспертиза. Объ каждомъ изъ этихъ видовъ судебнаго матеріала надо поговорить особо.

Содержаніемъ для этого отдѣла я возьму не только данныя уже приведенныхъ мною процессовъ, но и данныя другихъ дѣлъ того-же періода 1902 - 1911 гг., мною не упомянутыхъ, и данныя дальнѣйшаго моего судебнаго опыта: за свое пребываніе въ военно-учебномъ вѣдомствѣ (1911 - 1918 гг.) я нѣсколько разъ выступалъ защитникомъ, по приглашенію, по уголовнымъ дѣламъ въ военно-окружномъ судѣ, а затѣмъ, съ 1919 по 1920 г., до Крымской эвакуаціи, въ Добровольческой арміи, вернувшись въ военно-судебное вѣдомство, я послѣдовательно исполнялъ должности военнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ при Главномъ военномъ прокурорѣ, военнаго прокурора постояннаго отдѣленія военно-окружнаго суда при Ставкѣ Главнокомандующаго и военнаго судьи Севастопольскаго военно-морского суда.

Итакъ, перехожу къ отдѣльнымъ видамъ судебнаго матеріала.

1) Объясненія и показанія обвиняемыхъ. Естественно, обвиняемый — одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ процесса. Независимо отъ вопроса обще-принципіальнаго

характера о значенiи или важности того или иного преступленiя, какъ нарушенiя правового порядка или какъ нарушенiя правъ или благъ отдѣльныхъ лицъ, не менѣе серьезное мѣсто въ процессѣ занимаетъ судьба самого обвиняемаго. Для обвиняемаго вопросъ его обвиненiя или оправданiя часто вопросъ жизни. Нельзя смотрѣть такъ, что только серьезныя наказанiя, — напр., каторжныя работы или арестантскiя отдѣленiя, — ломаютъ жизнь осужденныхъ; жизнь осужденнаго можетъ сломать и самое незначительное наказанiе, опредѣляемое ему приговоромъ суда, и не потому только, что онъ, напр., извѣстное время будетъ не на свободѣ, а въ тюрьмѣ, а потому, что самый фактъ заключенiя въ тюрьму, самое соприкосновенiе осужденнаго съ тюремной обстановкой и съ тюремной средой можетъ оставить на немъ неизгладимое на всю жизнь впечатлѣнiе. Нельзя при этомъ не учитывать и моральнаго значенiя осужденiя, ибо оно безусловно накладываетъ на осужденнаго извѣстное пятно, которое, въ общественномъ къ нему отношенiи, можетъ держаться очень долгое время. Нельзя не учитывать и того иногда потрясающаго влiянiя, которое, — какъ я уже имѣлъ случай указать, — можетъ имѣть осужденiе обвиняемаго на лицъ, ему близкихъ, съ нимъ связанныхъ. Не говоря уже о болѣе страшныхъ формахъ этого влiянiя, какъ, напр., указанныя мною въ дѣлѣ А-берга, даже простое осужденiе человѣка въ кражѣ, въ мошенничествѣ, можетъ совершенно разрушить весь нормальный бытъ его семьи, — развѣ легко, напр., дѣтямъ узнать, что ихъ отецъ воръ, что ихъ отецъ мошенникъ? Впрочемъ, мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что я здѣсь преувеличиваю; развѣ, скажутъ мнѣ, неизвѣстны случаи, когда на осужденнаго никакого влiянiя не оказываетъ отбываемое имъ наказанiе, что, напр., посидитъ человѣкъ въ тюрьмѣ и ему это какъ съ гуся вода, что бываетъ даже такъ, что человѣкъ весной и лѣтомъ живетъ себѣ прекрасно на теплѣ и на солнышкѣ, а къ поздней осени, на зиму, совершенно не прочь попасть въ тюрьму, на даровые хлѣба, въ привычную компанiю? Да, бываетъ и такъ, но вѣдь это-же, конечно, уродливости жизни, и рѣшать вопросъ надо не по нимъ, а по тѣмъ послѣдствiямъ,

которыя связаны съ осужденіемъ для людей съ болѣе или менѣе нормально-развитыми чувствованіями и отношеніемъ къ жизни, — а для такихъ людей, какъ и для ихъ близкихъ, повторяю, вопросъ осужденія или оправданія имѣетъ громадное, исключительное значеніе.

Итакъ, личность обвиняемаго имѣетъ громадное значеніе и интересъ въ процессѣ. Теоретически разсуждая, съ заявленіями и показаніями обвиняемаго надо исключительно серьезно считаться, — но для того, чтобы можно было практически обосновывать главнымъ образомъ на нихъ разрѣшеніе дѣла, надо имѣть увѣренность, что Вы отъ обвиняемаго слышите правду. Къ сожалѣнію, это большая, очень большая рѣдкость. Нашъ законъ предполагаетъ даже „явку съ повинной" и „чистосердечное, соединенное съ раскаяніемъ, сознаніе обвиняемаго". Боюсь, что эти идеальныя возможности основаны только на далекихъ прошлыхъ или разсчитаны на далекія будущія времена. Я, по крайней мѣрѣ, за всю свою судебную практику, не знаю ни одного случая явки съ повинной и ни разу не слышалъ чистосердечнаго, соединеннаго съ раскаяніемъ, сознанія обвиняемаго. Не сочту-же я „раскаяніемъ" эти вопли Ще-кова, о которомъ я упоминалъ въ 1-мъ отдѣлѣ, — „казните меня, накажите меня, я воръ, я мошенникъ!" — вѣдь это-же была, очевидно, своего рода мошенническая продѣлка, разсчитанная на слабые нервы судей. Одинъ разъ я слышалъ, впрочемъ, нѣчто въ родѣ раскаянія: обвиняемый, все время на слѣдствіи и на судѣ даже бравировавшій своимъ преступленіемъ, послѣ моей обвинительной рѣчи сказалъ: „Я только теперь понялъ, какую я гадость сдѣлалъ!" — но, думается мнѣ, что это было только минутное просвѣтлѣніе сознанія, такъ какъ вслѣдъ за этимъ онъ объяснилъ, что теперь уже больше онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ, но не потому, что понялъ всю преступность своего поведенія, а лишь затѣмъ, чтобы не подвергаться снова такимъ непріятнымъ послѣдствіямъ, какъ судъ. Другой разъ я встрѣтился съ очень оригинальнымъ явленіемъ: обвиняемый офицеръ, признавая фактъ совершеннаго имъ нарушенія закона, не признавалъ себя „виновнымъ", а считалъ себя героемъ, сдѣлавшимъ великое дѣло. Дѣло шло о

чисто формальномъ преступленіи, — онъ обвинялся въ вступленіи въ бракъ безъ разрѣшенія начальства, — и онъ даже приготовилъ и написалъ рѣчь, которую скажетъ передъ судомъ, и былъ очень обиженъ на меня, когда я, какъ его защитникъ, посовѣтовалъ ему все это бросить и просто на судѣ признать себя виновнымъ и разсказать, по какимъ основаніямъ онъ именно такъ поступилъ.

Итакъ, къ сожалѣнію, „чистосердечнаго, соединеннаго съ раскаяніемъ, сознанія подсудимаго" я не слыхалъ. Не такъ часто и простое, хотя-бы и безъ раскаянія, сознаніе подсудимыхъ. Въ 1906 г. въ Екатеринославской сессіи было разсмотрѣно около 60 дѣлъ и, если не ошибаюсь, ни по одному изъ нихъ ни одинъ изъ обвиняемыхъ, — а ихъ было по 5, по 6, разъ 15 и разъ 80, — не призналъ себя виновнымъ. Чаще, сравнительно, обвиняемый признаетъ себя виновнымъ на слѣдствіи и тогда съ этимъ признаніемъ переходитъ и на судъ; очень рѣдко не сознавшійся ранѣе обвиняемый признаетъ себя виновнымъ на судѣ, но и въ обоихъ этихъ случаяхъ признаніе себя виновнымъ является, обыкновенно, не результатомъ раскаянія или какого-либо идейнаго побужденія, а результатомъ того, что обвиняемый видитъ, что уже скрыть преступленія нельзя, иногда уже у него просто не хватаетъ фантазіи изворачиваться, такъ уже ничего другого не остается, какъ сознаться, — все-таки, это можетъ послужить основаніемъ къ смягченію наказанія.

Помню въ этомъ отношеніи характерный случай. Въ Одессѣ одинъ аптекарскій ученикъ изъ аптекарскаго склада, находившагося на Ришельевской улицѣ, близко отъ Дерибасовской, обвинялся въ храненіи, съ революціонными цѣлями, оружія и взрывчатыхъ веществъ. Предметы эти были найдены у него въ довольно большомъ количествѣ запрятанными въ разныхъ мѣстахъ его квартиры въ Павловскомъ зданіи, недалеко отъ вокзала, частью подъ поломъ, частью на чердакѣ, причемъ, напр., нѣкоторое число револьверовъ хранилось въ разобранномъ видѣ, бомбы были или въ разной степени готовности, или въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ. Онъ не отвергалъ, что все это оружіе, бомбы

и взрывчатыя вещества принадлежатъ ему, но виновнымъ себя не признавалъ, заявляя, что это онъ держалъ на случай погрома со стороны „черносотенцевъ“, для „самообороны“; выходило такъ, что, если-бы начался „погромъ“, то онъ побѣжалъ-бы со службы домой (— а это около $1\frac{1}{2}$ - 2 верстъ), тамъ-бы привелъ всѣ свои средства самообороны въ надлежащій видъ, явился-бы съ ними на мѣсто „погрома“ и сталъ-бы обороняться. Я, какъ прокуроръ, въ рѣчи своей сказалъ, что этимъ объясненіемъ онъ мнѣ напоминаетъ Некрасовскаго „Дядю Мазая“, охотника за зайцами:

„Ежели зайца теперь ÑослѣжÑƒ,
„Прежде я сяду, ружье положу,
„Надъ уголечками руки погрѣю,
„Да ужъ потомъ и палю по злодѣю.“

Видимо, ему самому это сравненіе понравилось, — онъ усмѣхнулся. Присужденъ онъ былъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. На слѣдующій день, при объявленіи приговора въ окончательной формѣ, предсѣдатель, объяснивъ ему возможные случаи кассаціоннаго обжалованія приговора, спросилъ его, будетъ-ли онъ подавать кассаціонную жалобу. Подсудимый вслухъ продѣлалъ такой расчетъ: „23 и 15, — тридцать восемь... молодой человѣкъ... нѣтъ, не буду!“, т. е., другими словами, разсчиталъ, что теперь ему 23 года, да прибавить 15 лѣтъ каторги, выйдетъ оттуда 38 лѣтъ, еще молодымъ человѣкомъ, — не стоитъ и жалобы подавать! Видите, какъ спокойно онъ отнесся къ приговору, — совершенно ясно, что онъ самъ ни на минуту не сомнѣвался, что его объясненіямъ нельзя повѣрить, что онъ будетъ осужденъ, и только такъ, на самый крайній случай, рѣшилъ не сознаваться, — а ну какъ, можетъ быть, почему-нибудь возьмутъ да и повѣрятъ и оправдаютъ!

Такимъ образомъ, несмотря иногда и на наличность несомнѣнныхъ данныхъ виновности, обвиняемые предпочитаютъ, на всякій случай, не сознаваться. Это, конечно, ихъ дѣло. Сознанія ихъ никто ни требовать, ни домогаться не будетъ, да и законъ это категорически

запрещаетъ. Подсудимый можетъ на судѣ даже молчать и не давать никакихъ объясненій по дѣлу, и законъ указываетъ, что молчаніе подсудимаго не можетъ считаться признаніемъ имъ своей вины, и даже запрещаетъ задавать несознающемуся подсудимому вопросы по обстоятельствамъ дѣла. И эта точка зрѣнія закона совершенно понятна, — онъ никакимъ образомъ не допускаетъ обстановки, которая могла-бы говорить о какомъ-либо „домогательствѣ“ сознанія подсудимаго во вредъ ему. Однако, молчаніе подсудимыхъ создаетъ подчасъ очень тажелое положеніе для суда и, по моему мнѣнію, широкое имъ пользованіе часто даже вредитъ подсудимымъ. Вѣдь во всякомъ самомъ обыкновенномъ житейскомъ дѣлѣ, если на кого-либо бросается какая-нибудь тѣнь, вполнѣ естественно, что къ этому лицу будетъ обращенъ вопросъ, правда-ли то, что про него говорятъ, и если онъ на всѣ Ваши вопросы будетъ только молчать, то, понятно, создается впечатлѣніе, что выясненіе этого дѣла для него невыгодно, т. е. создается впечатлѣніе не въ его пользу; гораздо естественнѣе, если человѣкъ, услышавъ неправильный на себя навѣтъ, будетъ рѣшительно протестовать противъ него, и эта сила и, въ особенности, направленіе протеста будутъ чаще всего говорить въ его пользу; исключеніе можетъ быть только въ тѣхъ случаяхъ, когда молчаніе человѣка, хотя-бы и во вредъ себѣ, объясняется нежеланіемъ сказать что-либо задѣвающее другое лицо, чистымъ именемъ и спокойствіемъ котораго онъ дорожитъ; за такое молчаніе его никто, конечно, упрекнуть не можетъ. Перенесите эти житейскія соображенія на процессъ и Вы поймете, что и въ процессѣ молчаніе подсудимаго, если къ этому нѣтъ исключительныхъ основаній, часто можетъ служить ему во вредъ. За признаніе имъ своей вины никто изъ судей его молчанія не сочтетъ, но непріятное впечатлѣніе отъ него во многихъ случаяхъ можетъ остаться, ибо прежде всего такое молчаніе можетъ разсматриваться какъ пріемъ, направленный къ затрудненію отыскан въ дѣлѣ истины. Особенно, помню, непріятное впечатлѣніе оставило молчаніе всѣхъ 80-ти подсудимыхъ по Александровскому дѣлу. — въ теченіе 5 - 6 дней никто изъ нихъ не далъ ни одного объясненія ни на одно изъ

показаній свидѣтелей и не сдѣлалъ ни одного заявленія, и только послѣ того, какъ я выразилъ удивленіе, что они такъ безучастно относятся къ такому важному для нихъ моменту, какъ судебный процессъ, что, мнѣ кажется, въ ихъ-же интересахъ, по крайней мѣрѣ, опровергать то, что, можетъ быть, приписываетъ имъ большее участіе въ дѣлѣ, что обязательное присутствіе на судѣ обвиняемыхъ установлено въ ихъ-же интересахъ, а полное ихъ безучастіе равносильно ихъ отсутствію, и что, наконецъ, судебное засѣданіе не есть какое-либо рѣшеніе ребуса или загадокъ, а имѣетъ цѣлью выясненіе истины и, въ частности, и въ интересахъ самихъ обвиняемыхъ, — нѣкоторые изъ нихъ стали принимать участіе въ процессѣ, дѣлать заявленія, и, безусловно скажу, къ своей пользѣ.

Итакъ, повторяю, конечно, все дѣло поведенія подсудимаго на судѣ его личное дѣло, — добиваться его сознанія или самообличенія никто не будетъ, — но, если судъ сдѣлаетъ какой-нибудь неправильный выводъ благодаря особымъ пріемамъ молчанія или самозащиты подсудимыхъ, это будетъ не его вина.

2) Показанія свидѣтелей. Показанія свидѣтелей, — и потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, если таковыя были, — очевидно, должны играть главенствующую роль въ уголовномъ процессѣ. Свидѣтели являются той именно общественной средой, въ которой совершается преступленіе, потерпѣвшіе — это именно тѣ лица, въ защиту правъ и благъ которыхъ выступаетъ уголовный законъ. Естественно, эти лица и должны дать суду всю правду о дѣлѣ, на основаніи ихъ показаній судъ, какъ объективный и вѣрный хранитель закона, долженъ произнести свой приговоръ. И именно необходимо, чтобы эти лица давали суду всю правду, и только правду, о дѣлѣ. Всегда-ли это бываетъ такъ? — Къ сожалѣнію, далеко не всегда.

Причины извѣстнаго уклоненія отъ истины свидѣтелей, — я вообще, для краткости, буду говорить о свидѣтеляхъ, понимая подъ тѣмъ и потерпѣвшихъ, — могутъ быть двояки: неспособность схватить въ своемъ наблюденіи истинную обстановку событія, и нежеланіе сказать суду правду, или, какъ разновидность этого,

сознательное заявленіе суду неправды. Каждаго изъ этихъ вопросовъ я коснусь въ отдѣльности.

Неспособность схватить въ своемъ наблюденіи истинную обстановку событій является, почти безъ исключенія, обще-человѣческимъ свойствомъ, — разница здѣсь между людьми только количественная: одинъ не схватитъ деталей, а другой не схватитъ даже и самаго существеннаго. Въ этомъ, я думаю, каждый имѣлъ возможность неоднократно убѣдиться изъ собственнаго опыта. Всякій инцидентъ въ какомъ-либо обществѣ, всякое происшествіе на улицѣ, даже всякій разговоръ между двумя людьми, получаютъ, въ освѣщеніи разныхъ, передающихъ ихъ, лицъ, различные оттѣнки, и иногда даже передача бываетъ настолько различна, что передающіе сами между собой могутъ спорить, что было такъ-то, а не такъ. Причина этого, естественно, заключается въ ограниченности человѣческаго вниманія, въ неспособности сосредоточивать свое вниманіе на наблюдаемомъ явленіи, и въ свойственной человѣку особенности къ внѣшнимъ наблюденіямъ прибавлять свои собственныя мысли, мнѣнія и убѣжденія. Эти собственныя мысли, мнѣнія и убѣжденія часто дѣйствуютъ настолько сильно, что, параллельно съ тѣмъ, что фактически наблюдаетъ данный человѣкъ, его мысль создаетъ иную картину, заслоняя дѣйствительную, и этой, созданной самимъ человѣкомъ, картинѣ онъ всецѣло вѣритъ,— онъ вѣритъ, что именно такъ онъ видѣлъ или слышалъ, что именно такъ было. Произведенные въ этомъ отношеніи опыты дали поразительные результаты. Приведу два такихъ опыта, — къ сожалѣнію только, не могу вспомнить, откуда я ихъ взялъ, и не могу вспомнить полностью всѣхъ данныхъ.

Первый опытъ заключался въ слѣдующемъ: Профессоръ юридическаго факультета, — именно съ цѣлью испытать наблюдательность своихъ слушателей, студентовъ 3-го или 4-го курса, — сговорился съ своимъ ассистентомъ, что они между собою, въ аудиторіи, инсценируютъ ссору, а затѣмъ студентамъ будетъ предложено, каждому въ отдѣльности, точно написать, что именно между ними произошло. Весь порядокъ и всѣ детали ссоры были заранѣе условлены, разучены и

запротоколированы. Въ одну изъ лекцій затѣмъ профессоръ и ассистентъ эту ссору и разыграли, причемъ третье лицо по протоколу слѣдило за точностью выполненія. Въ результатѣ оказалось, что въ своихъ отвѣтахъ, изъ присутствовавшихъ при этомъ опытѣ что-то около 400 студентовъ, только три или четыре совершенно правильно передали происшедшее, въ передачѣ-же остальныхъ была значительная доля неточностей и фантазіи. И это была аудиторія такихъ интеллигентныхъ наблюдателей, какъ студенты-юристы 3-4 курса! и это было по поводу такого явленія, которое, несомнѣнно, полностью привлекло ихъ вниманіе и наблюденію надъ которымъ имъ ничто не препятствовало!

Другой опытъ, если не ошибаюсь, былъ произведенъ въ Миланскомъ театрѣ, т. е. одномъ изъ самыхъ большихъ по вмѣстимости. Послѣ представленія трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь" къ присутствовавшимъ въ театрѣ была обращена просьба написать, какъ именно произошла на сценѣ смерть Юлія Цезаря; конечно, вѣроятно, отозвались не всѣ, но все-же была получена масса описаній и изъ нихъ совершенно точными оказалось только два или три. И опять-же вѣдь въ театрѣ присутствовала интеллигентная публика, спеціально пришедшая на трагедію и, конечно, особенно заинтересовавшаяся этимъ яркимъ мѣстомъ пьесы и съ особымъ вниманіемъ за нимъ слѣдившая.

Это отсутствіе должной наблюдательности каждый можетъ провѣрить на себѣ и на своихъ знакомыхъ путемъ довольно уже извѣстнаго опыта съ часами. Если Вы еще этого опыта не знаете, то продѣлайте его за мной, постепенно дѣлая то, что я буду говорить, и не заглядывая въ дальнѣйшее мое изложеніе; лучше даже закройте дальнѣйшій текстъ бумажкой. Отвѣтьте сначала на мои вопросы: Есть у Васъ карманные часы? Давно они у Васъ? Какіе они, — закрытые или открытые? золотые, серебряные или стальные? Циферблатъ черный или бѣлый? Какія цифры на циферблатѣ, — римскія или арабскія? Теперь возьмите карандашъ и пишите по моимъ вопросамъ. Какъ у Васъ написана цифра 5? Какъ написана 8? Какъ написана 9? Какъ написано 4? Какъ написано 6? — А теперь посмотрите

на свои часы и сравните ихъ цифры съ тѣмъ, что Вы написали. Цифры 5, 8 и 9, я думаю, Вы написали правильно. А какъ написали цифру 4? — если у Васъ римскія цифры, то, на 80% вѣроятія, Вы ее написали „IV“, а не „IIII“, какъ стоитъ на циферблатѣ! А какъ стоитъ у Васъ на циферблатѣ 6? — да ея, на большинствѣ часовъ, и совсѣмъ нѣтъ на циферблатѣ, ея мѣсто занимаетъ секундный кругъ, — а вѣдь Вы ее, вѣроятно, написали? Видите, какъ оказалось мало у Васъ наблюдательности, да еще по отношенію къ вещи, можетъ быть, уже нѣсколько лѣтъ находившейся въ Вашемъ обладаніи, вещи, на которую Вы ежедневно десятками разъ смотрите! Въ чемъ-же причина Вашей ошибки? — очевидно, въ томъ, что Вы убѣждены, что и на Вашихъ часахъ всѣ цифры на своихъ мѣстахъ и что цифры 4 и 6, при римскомъ начертаніи, написаны такъ, какъ вообще онѣ пишутся, т. е. „IV“ и „VI“, — и Ваше убѣжденіе Вы считаете несомнѣннымъ фактомъ.

Оригинальный случай такого-же порядка былъ и лично со мной. Какъ-то на цѣлое лѣто я съ семьей уѣзжалъ изъ квартиры, По возвращеніи осенью мы устроились попрежнему, разложили вещи. Нанятая вскорѣ послѣ этого прислуга, пробывъ у насъ 4 - 5 дней, насъ обокрала, забрала бѣлья, платья, обуви, всякой мелочи изъ шкафовъ и т. д., и скрылась. Ее разыскали, но вещей никакихъ уже у нея не оказалось. Особенно жена жалѣла одно ожерелье, очень оригинальное, изъ какого-то чернаго, блестящаго, граненаго камня, и всѣ мы себѣ совершенно ясно представляли, какъ и гдѣ именно оно лежало въ шкафу за нѣсколько дней до кражи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получили мы часть вещей, оставленныхъ нами временно, за время переѣздовъ, въ одномъ изъ городовъ, — и, представьте себѣ, въ этихъ вещахъ оказалось это ожерелье, которое мы считали украденнымъ! Очевидно, мы такъ раньше привыкли видѣть его постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ, что намъ уже оно ясно представлялось на томъ-же самомъ мѣстѣ и въ дни, предшествовавшіе кражѣ, — настолько была сильна привычка къ опредѣленному виду внутренности шкафа!

Если, такимъ образомъ, и наукой и практикой

устанавливаются такіе, сравнительно грубые, дефекты вниманія, то тѣмъ болѣе, очевидно, нельзя требовать отъ человѣка точнаго воспроизведенія наблюдаемыхъ имъ данныхъ болѣе тонкаго свойства. Напр., нельзя требовать отъ средняго человѣка, чтобы онъ описалъ чье-либо выраженіе лица, нельзя даже требовать, чтобы онъ описалъ вообще наружность кого-либо, — это, какъ я уже и раньше говорилъ, могутъ сдѣлать только лица, спеціально изучающіе человѣка, напр., психіатры, художники. Обыкновенно нельзя даже требовать и точнаго указанія, напр., цвѣта костюма; мужчины вообще часто различаютъ только вполнѣ опредѣленные цвѣта, — черный, бѣлый, синій, желтый и т. д., — и для нихъ, напр., совершенно непонятны нѣкоторые оттѣнки или смѣшанные, переходные цвѣта, — напр., „желтовато-сѣрый“, — тогда какъ дамы, въ большинствѣ случаевъ, въ этомъ отлично разбираются.

Эту ограниченную способность человѣка въ воспріятіи впечатлѣній, неизбѣжное различіе въ этомъ воспріятіи у отдѣльныхъ лицъ и почти несомнѣнную въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ субъективность оцѣнки и обобщенія видѣннаго или слышаннаго на основѣ своихъ собственныхъ мыслей, настроенія и даже фантазіи, отлично знаютъ судебные дѣятели и потому и не требуютъ отъ свидѣтеля больше того, что онъ можетъ дать. Поэтому судебные дѣятели вполнѣ учитываютъ и понимаютъ извѣстныя расхожденія и даже противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей, — эти расхожденія скорѣе даже служатъ гарантіей того, что каждый передаетъ именно свое непосредственное воспріятіе. Наоборотъ, если въ дѣлѣ приходится слышать отъ ряда свидѣтелей показанія фотографически, до деталей, сходныя, это должно быть учтено какъ признакъ какого-то процесса, оказавшаго на нихъ вліяніе: или они между собой много говорили по этому дѣлу и, путемъ перемѣшиванія впечатлѣній, создали какое-то коллективное представленіе о дѣлѣ, забывъ о собственныхъ впечатлѣніяхъ, или-же они подчинились какому-либо лицу, изобразившему имъ дѣло съ точки зрѣнія своего воспріятія, и это искусственно имъ привитое воспріятіе стали уже считать своимъ.

Гораздо острѣе и серьезнѣе стоитъ въ судебномъ процессѣ другой вопросъ, — нежеланіе свидѣтелей сказать суду правду или умышленное утвержденіе передъ судомъ неправды. Съ точки зрѣнія нравственной такое сознательное уклоненіе свидѣтелей отъ истины заслуживаетъ самаго жестокаго порицанія: отъ суда требуютъ справедливости, какъ величайшаго общественнаго блага, а члены общества стараются этотъ судъ ввести въ заблужденіе! Это тѣмъ болѣе безнравственно, что принципіально каждый свидѣтель признается правдивымъ, и до тѣхъ поръ, пока какимъ-нибудь образомъ его неправда не будетъ установлена, судъ считается съ каждымъ его словомъ, готовъ строить на нихъ свои выводы. Но, кромѣ того, самая неправда на судѣ можетъ быть двоякаго рода: или она направлена во вредъ подсудимому, или на пользу его. Хотя ложь, какъ ложь, всегда отвратительна, но между этими двумя видами лжи все-же разница громадная: ложь на пользу подсудимаго еще можетъ быть понятна съ точки зрѣнія человѣческаго обывательскаго міросозерцанія, — „какъ не порадѣть родному человѣчку“, — и часто она проявляется вслѣдствіе отсутствія надлежаще развитого сознанія, когда человѣку интересы момента или привычной обстановки дороже отвлеченныхъ принциповъ нравственнаго достоинства и справедливости; но сознательная ложь во вредъ подсудимому, съ цѣлью подвести подъ отвѣтственность невиннаго или сгустить тяжесть вины, есть преступная игра на человѣческой крови, несмываемый позоръ, свидѣтельство глубокаго моральнаго паденія ложнаго заявителя. Къ счастью, все-таки, такіе случаи ложныхъ показаній во вредъ подсудимому сравнительно рѣдки и, что характерно, бываютъ они, обыкновенно, не со стороны потерпѣвшихъ отъ преступленія, а со стороны „добровольныхъ уличителей“. Одинъ изъ случаевъ такого ложнаго заявленія я приводилъ уже въ дѣлѣ Бе-ка, — ложное заявленіе дѣвицы, знакомой Бе-ка, которымъ она оговаривала Морозова; тутъ еще могутъ говорить въ ея извиненіе, что она хотѣла такимъ путемъ спасти Бе-ка, но ложь все-же оставалась безобразной и даже и послѣ того, какъ она на судѣ отъ нея отказалась и разсказала исторію ея возникновенія.

Затѣмъ съ особенно-рѣзкой ложью свидѣтелей противъ подсудимаго я столкнулся въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ выступленій въ роли защитника. Все дѣло противъ моего подзащитнаго было создано показаніями этихъ свидѣтелей и, къ сожалѣнію. слѣдователь подчинился яростности ихъ нападковъ, не разобравъ, что причина ихъ — месть за то, что передъ тѣмъ ихъ мой подзащитный, тогда ихъ начальникъ, предалъ суду за ихъ темныя хозяйственныя операціи и одинъ уже изъ этихъ свидѣтелей, къ моменту настоящаго дѣла, былъ осужденъ въ арестантскія отдѣленія. Обвиненій была создана масса, и все тяжелыя. На судѣ, конечно, картина выяснилась скоро. Одна изъ свидѣтельницъ, дававшая массу обвинительнаго матеріала, но на судъ не явившаяся, сама себя отлично аттестовала еще въ періодъ слѣдствія: „когда я", сказала она, „одинъ разъ была по дѣлу моего мужа у присяжнаго повѣреннаго такого-то, то на другой разъ онъ меня не велѣлъ принимать". Другой свидѣтель прямо съ наслажденіемъ говорилъ все, что только можно придумать во вредъ обвиняемому; прокуроръ, видя въ его заявленіяхъ много обличительнаго матеріала, цѣлый рядъ его заявленій по дѣлу занесъ въ протоколъ судебнаго засѣданія. Затѣмъ началъ его допросъ я, какъ защитникъ, и подъ моими вопросами этотъ свидѣтель долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ показаній, и съ его-же словъ я, въ томъ-же порядкѣ, занесъ въ протоколъ его заявленія, послѣдовательно совершенно опровергавшія все то, что было занесено прокуроромъ. Въ результатѣ цѣлаго ряда такихъ показаній, прокуроръ, — человѣкъ очень живой и остроумный, — на обращенный къ нему вопросъ, какъ идетъ дѣло, отвѣтилъ: „Хорошо идетъ, М. С. (— т. е. я, защитникъ) громитъ мерзавцевъ, а я ихъ защищаю", — такъ онъ опредѣлилъ тѣхъ лицъ, которые давали по дѣлу обвинительный матеріалъ.

Затѣмъ въ своей слѣдовательской работѣ я одинъ разъ встрѣтился съ очень грубой и непріятной формой сговора свидѣтелей. Обвинялись по дѣлу рядовой въ нанесеніи удара унтеръ-офицеру, а унтеръ-офицеръ въ нанесеніи удара рядовому. Свидѣтелей было много, что-то около 30, причемъ они почти точно подѣлились по-

поламъ: одни утверждали, что только унтеръ офицеръ ударилъ рядового, другіе — что только рядовой ударилъ унтеръ-офицера, — и при этомъ показанія каждой половины были до деталей сходны, точно заучены. Сразу стало ясно, что тутъ сговоръ и что, повидимому, въ каждой группѣ былъ свой руководитель. Надо было, конечно, этотъ сговоръ разбить, и, такъ какъ я считалъ, что, въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ воздѣйствія, большое значеніе имѣетъ роль унтеръ-офицера, я рѣшилъ потребовать перевода этого унтеръ-офицера въ другую роту, написалъ въ этомъ смыслѣ свои соображенія командиру полка и объявилъ свое рѣшеніе унтеръ-офицеру. Это произвело на него громадное впечатлѣніе, онъ просилъ, если можно, вернуть пакетъ, обѣщая сказать правду, и затѣмъ признался, что только онъ одинъ виноватъ, что, дѣйствительно, онъ ударилъ рядового, а рядовой ему удара не наносилъ. — Случай этотъ оставилъ у меня очень тяжелое впечатлѣніе: даже и ложь этого унтеръ-офицера, хотя-бы и въ свою защиту, была непростительна, ибо онъ хотѣлъ избавиться отъ отвѣтственности, перекладывая вину на невиновнаго, но ложныя показанія поддерживавшихъ его свидѣтелей являлись уже возмутительно-безнравственными.

О ложныхъ показаніяхъ въ пользу обвиняемаго я уже говорилъ отчасти раньше, — я указывалъ на „алибистовъ“, щедро выставлявшихся чуть не по каждому дѣлу, указывалъ и на свидѣтеля-инженера, дававшаго свои совершенно противорѣчащія показанія по дѣлу о забастовкѣ на ст. Пологи и Мечетная и по дѣлу о забастовкѣ на ст. Синельниково. Въ отношеніи такихъ свидѣтелей у обвиняемыхъ даже было выраженіе: „я имѣю своихъ свидѣтелей, которые покажутъ то-то и то-то“. Особый родъ ложныхъ показаній въ пользу обвиняемыхъ представляютъ показанія, вынуждаемыя угрозою или терроромъ, о которыхъ я также уже говорилъ раньше; здѣсь иногда бывала на лицо дѣйствительная опасность показать на судѣ правду, и потому уже трудно было ставить эту ложь въ упрекъ свидѣтелямъ, — нельзя-же требовать отъ обыкновеннаго человѣка геройства, — и все моральное осужденіе за такую неправду на судѣ ложится, конечно, на тѣхъ, кто такъ преступно давилъ на совѣсть свидѣтелей.

Одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть замѣчательный случай организованной, продуманной лжи свидѣтельницы. Обвинялся студентъ У-нскій въ принадлежности къ революціонному сообществу, въ составленіи и распространеніи прокламацій революціонной партіи. Онъ былъ задержанъ какъ разъ въ моментъ составленія новой такой прокламаціи. Самъ онъ какъ-то неопредѣленно-уклончиво говорилъ о своей дѣятельности, но у него было найдено еще не законченное письмо къ одному изъ его знакомыхъ, гдѣ онъ пишетъ, что теперь партія разбилась, изъ прежнихъ работниковъ осталось всего человѣкъ 20, да и то сравнительно бездѣятельныхъ, и ему очень трудно, при такомъ положеніи, сдѣлать что-нибудь реальное въ пользу партіи, но, сколько можетъ, онъ работаетъ; письмо начиналось, приблизительно, такъ: „не знаю, найдетъ-ли Васъ это письмо; Вы такъ давно мнѣ ничего не сообщали, что я не знаю, гдѣ Вы теперь; пишу наугадъ, по старому адресу; хочется все-таки, сообщить Вамъ, что...“ и т. д. Въ дѣлѣ этомъ фигурировала одна молодая барышня, знакомая У-нскаго; она при допросахъ гораздо горячѣе его высказывала свои симпатіи къ революціонной дѣятельности и даже заявляла, что проситъ ее привлечь къ отвѣтственности; ее и привлекли въ качествѣ обвиняемой жандармскія власти, но я въ отношеніи ея дѣло направилъ къ прекращенію, такъ какъ никакой ея принадлежности къ революціонной партіи не устанавливалось, а за идеи и симпатіи законъ не наказывалъ. Такимъ образомъ на судѣ въ качествѣ обвиняемаго фигурировалъ только У-нскій, а барышня эта, вышедшая къ тому времени за У-нскаго замужъ, явилась на судъ въ качествѣ свидѣтельницы со стороны защиты. Защищало У-нскаго два присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ виновнымъ себя не призналъ, но опять-таки не давалъ ничего существеннаго и въ свое оправданіе. Вся защита выполнялась этой свидѣтельницей, теперь женой. Небольшого роста блондинка съ кроткими глазами, она тихимъ, ровнымъ голосомъ давала отвѣты на всѣ вопросы, которые, по обстановкѣ дѣла, можно было уже заранѣе ожидать съ моей стороны, и на всѣ вопросы, обращенные къ ней защитниками, и ея отвѣты и заявленія

производили впечатлѣніе подкупающей искренности. Она заявила суду, что весь обвинительный матеріалъ по дѣлу создался исключительно благодаря ея тщеславію: ея воображенію еще съ гимназіи постоянно рисовался красивый обликъ революціонерки, борющейся съ насиліями и произволомъ правительства; тогда-же она познакомилась и съ У-нскимъ и ее захватила идея видѣть въ немъ героя-революціонера; много они объ этомъ говорили, но онъ не имѣлъ въ себѣ такихъ революціонныхъ порывовъ, и она, не желая проститься съ созданною ея воображеніемъ мечтою, все время старалась разбудить въ немъ этотъ огонь идейной борьбы; такъ и возникли тѣ прокламаціи, которыя онъ писалъ: онѣ вовсе не предназначались для распространенія, а написалъ онъ ихъ только по ея просьбѣ, — „вотъ другіе такъ красиво, такъ хорошо пишутъ, — неужели-же ты не можешь?“ — и вотъ, въ угоду такому ея тщеславію, онъ и написалъ; ни къ какой партіи онъ не принадлежалъ, — все ихъ настроеніе не выходило за предѣлы ихъ разговоровъ. „Скажите, пожалуйста“, спросилъ я ее, „а что-же значитъ тогда это письмо, которое было найдено у г. У-нскаго, гдѣ онъ пишетъ товарищу или знакомому, что работа въ партіи пріостановилась, затруднена, но что, все-таки, насколько можетъ, онъ работаетъ?“ — „Ахъ, въ этомъ письмѣ тоже я виновата. У него былъ одинъ товарищъ, который зналъ его по гимназіи и который состоялъ въ революціонной партіи и очень вѣрилъ въ У-нскаго, вѣрилъ, что и онъ будетъ ему помощникомъ. Недавно этотъ товарищъ написалъ ему письмо, гдѣ спрашивалъ, неужели онъ навсегда простился съ своими революціонными мечтами и не вступитъ въ ряды борцовъ. У-нскій хотѣлъ написать ему, что онъ никакой революціонной дѣятельностью не занимается, но мнѣ стало жалко, если этотъ товарищъ, такъ въ него вѣрившій, въ немъ разочаруется, и я тогда убѣдила его, чтобы не разочаровывать товарища, написать ему такое письмо, т. е. написать, что онъ все-таки работаетъ въ партіи и т. д.“ — „А гдѣ-же это письмо этого товарища?“, спрашиваю я. — „Какъ гдѣ? Оно здѣсь-же въ дѣлѣ“, отвѣтила она, „оно было при обыскѣ взято жандармами.“ Я попросилъ судъ

удостовѣриться по подлиннымъ вещественнымъ доказательствамъ и по протоколу, что такого письма на имя У-нскаго взято при обыскѣ не было. Впечатлѣніе на судъ всѣ такія заявленія г-жи У-нской произвели громадное, — всѣ повѣрили ея искренности, поддерживаемой еще тѣмъ, что она признавалась въ своемъ тщеславіи, — повѣрили всѣ, кромѣ меня, для меня-же было ясно, что здѣсь налицо умѣло сфабрикованная и хорошо разыгранная ложь. Я и началъ свою рѣчь съ того, что вижу впечатлѣніе, которое произвели на судъ ея объясненія, вижу, что всѣ имъ повѣрили, и что, можетъ-быть, имъ повѣрилъ-бы и я, если-бы не видѣлъ такъ ясно скрытой за ея видимой искренностью лжи. Для начала я напомнилъ эту сцену съ письмомъ этого неизвѣстнаго товарища. „Г-жа У-нская такъ хорошо объяснила происхожденіе этого письма У-нскаго, — но гдѣ-же письмо этого его товарища, на которое онъ отвѣчалъ? Она утверждаетъ, что оно здѣсь, что его взяли при обыскѣ. Она удивилась, почему этого письма здѣсь не нашли. А я объясню, почему его здѣсь не нашли, — потому что его и не было! А что его не было, видно уже изъ самаго письма У-нскаго, — вѣдь онъ писалъ, что давно отъ этого товарища не имѣетъ вѣстей, что пишетъ наугадъ по старому адресу, потому что хочется съ нимъ подѣлиться и т. д. Такъ-ли пишутъ отвѣтъ на только что полученныя письма? Что-же стоитъ эта видимая искренность г-жи У-нской?“ — и затѣмъ послѣдовательно разобралъ сущность уликъ противъ У-нскаго и „искреннія“ объясненія г-жи У-нской. Послѣ моей рѣчи защитники и не пытались говорить объ его невиновности, признали, что г-жа У-нская, дѣйствительно, покривила душой, — „но вѣдь это-же такъ естественно, она ему жена, она его любитъ, вполнѣ понятно ея желаніе спасти его.“ „Да и онъ самъ теперь“, сказала защита, „создалъ себѣ свою семейную жизнь, и уже, конечно, никогда больше ни о какой революціонной партіи думать не будетъ“, — и просила объ оправданіи. Въ возраженіи я имъ отвѣтилъ: „Защита, признавъ виновность подсудимаго, проситъ объ его оправданіи? Оправданъ можетъ быть только невиновный. Слѣд., защита, подъ видомъ оправданія, проситъ

о помилованіи, — а право помилованія суду не предоставлено.“ Судъ, признавъ У-скаго виновнымъ, приговорилъ его къ минимальному наказанію.

Всѣ эти случаи неправды на судѣ со стороны свидѣтелей явленіе очень печальное. Судебнымъ дѣятелямъ, подходящимъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ съ принципіальнымъ къ нимъ довѣріемъ, приходится часто въ этомъ разочаровываться и искать истину не въ этихъ показаніяхъ, а гдѣ-то внѣ ихъ. Какую-же роль играютъ свидѣтели, приходящіе въ судъ, чтобы увести судъ отъ правды, вмѣсто правды подставить ему ложь? Если рѣчь идетъ о ложныхъ показаніяхъ, которыя даютъ жена, отецъ, мать, братъ подсудимаго, въ его пользу, то это, можетъ быть, скажутъ мнѣ, простительно, — отъ нихъ жестоко было-бы требовать, чтобы они говорили правду, которая погубила-бы близкаго имъ человѣка. Съ этимъ согласенъ, но вѣдь имъ-же законъ ради этого и предоставляетъ право отказаться отъ дачи показаній. Но между тѣмъ, чтобы не показать правду, которая могла-бы погубить близкаго имъ человѣка, и тѣмъ, чтобы показать неправду въ его защиту, все-таки есть большая разница; неправда все-же остается неправдой. Законъ, впрочемъ, понимаетъ и эту возможность, что имъ трудно удержаться отъ желанія всѣми способами помочь своему близкому, и, чтобы не отягощать ихъ совѣсти, устанавливаетъ допросъ ихъ безъ присяги. А что-же сказать о лжи, которая дается суду другими свидѣтелями? Гдѣ для нея оправданіе? И вѣдь эта ложь постороннихъ людей дается ими подъ покровомъ присяги! Принимая присягу, свидѣтель-христіанинъ говоритъ: „Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ, ниже ожиданіемъ выгодъ или иными какими-либо видами, я по совѣсти покажу въ семъ дѣлѣ сущую о всемъ правду и не утаю ничего мнѣ извѣстнаго, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ Судѣ Его. Въ удостовѣреніе-же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь“. Какимъ глумленіемъ надъ этой присягой звучитъ затѣмъ ложь свидѣтелей,

„памятующихъ, что они во всемъ этомъ должны будутъ дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ Судѣ Его"! При теперешнемъ положеніи дѣла лучше уже совсѣмъ отмѣнить присягу свидѣтелей, чтобы не было глумленія надъ великой религіозной клятвой, чтобы не давать недостойнымъ людямъ играть присягой, какъ покровомъ ихъ лжи. Человѣкъ честный покажетъ правду и безъ присяги.

Единственно-реальной формой борьбы съ ложью свидѣтельскихъ показаній явилась-бы уголовная кара лжесвидѣтелямъ. Въ законѣ она и существуетъ, но на практикѣ я ея совершенно не знаю, и понятно, почему: слишкомъ трудно доказать эту сказанную неправду, — возстановить показаніе слишкомъ затруднительно, установить, въ чемъ оно идетъ противъ истины, еще труднѣе, да, если-бы и это было установлено, кто-же помѣшаетъ привлеченному за ложь сказать: „нѣтъ, я не лгалъ, я просто ошибся"?

Особымъ видомъ исходящихъ отъ людей доказательствъ являются т. наз. „агентурныя свѣдѣнія". Эти свѣдѣнія, собираемыя, въ порядкѣ наблюденія, жандармскими управленіями и охранными отдѣленіями по дѣламъ политическаго характера или путемъ оффиціальныхъ чиновъ этихъ учрежденій, или съ помощью т. наз. „филеровъ". Эти свѣдѣнія я признавалъ только какъ опредѣляющія ходъ самаго разслѣдованія на дознаніи или слѣдствіи, равно какъ и сыскъ въ дѣлахъ чисто-уголовныхъ. Характеръ свидѣтельскихъ показаній я признавалъ за ними только тогда, когда лицо, сообщившее эти свѣдѣнія, являлось на судъ и давало свое показаніе о всемъ ходѣ и результатахъ своего наблюденія, — тогда это лицо являлось въ положеніи дѣйствительнаго свидѣтеля, показанія котораго судъ можетъ оцѣнивать по связи ихъ съ обстоятельствами дѣла и по впечатлѣнію отъ его личности. Если-же эти свѣдѣнія фигурировали въ дѣлѣ лишь въ видѣ агентурныхъ сообщеній, то я считалъ, что это были „свѣдѣнія, неизвѣстно отъ кого исходящія", которыми законъ запрещаетъ пользоваться, и въ смыслѣ доказательствъ ими никогда не пользовался.

3) Вещественныя доказательства. Подъ этимъ

именемъ я буду здѣсь разумѣть не только то, что строго подъ этимъ терминомъ понимается въ юридической литературѣ, т. е. предметы, которые носятъ на себѣ слѣды преступленія, но и всѣ вообще матеріальные предметы, которые такъ или иначе могутъ способствовать освѣщенію даннаго преступленія. Эти нѣмые свидѣтели часто много и много лучше говорящихъ, — у нихъ нѣтъ своего мнѣнія, они не скажутъ неправды. Но ими надо очень умѣло пользоваться, подходить къ нимъ надо съ безукоризненной логической оцѣнкой, — нелогичное или ошибочное ихъ освѣщеніе привело-бы на совершенно ложный путь.

Громадную роль въ качествѣ именно такого вещественнаго доказательнаго матеріала играютъ документы, — документы всякаго рода, правильные и подложные, оффиціальные и неоффиціальные, существовавшіе ранѣе или спеціально ad hoc составленные, уличающіе или оправдывающіе, письма, замѣтки, расчеты и т. д. Помню, по одному дѣлу съ 7 обвиняемыми я, отбросивъ всѣ несущественныя на мой взглядъ доказательства, — сомнительныя опознанія, агентурныя свѣдѣнія, — сосредоточилъ все вниманіе на трехъ, имѣвшихся въ дѣлѣ, запискахъ обвиняемыхъ, и, съ помощью ихъ, путемъ логическаго ихъ толкованія, удалось настолько несомнѣнно установить виновность 5 обвиняемыхъ, что защита уже ея не оспаривала. Другой разъ, помню, мнѣ пришлось производить слѣдствіе по дѣлу, гдѣ писарь Управленія воинскаго начальника, путемъ очень ловко проведенныхъ измѣненій въ книгахъ и спискахъ, устроилъ переводъ одного изъ чиновъ запаса, кажется, въ составъ ополченцевъ 2-го разряда, т. е. въ такую категорію, которая подлежитъ призыву по мобилизаціи только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Правда, передъ тѣмъ, какъ отправляться на слѣдствіе, я въ теченіе 3-4 дней спеціально изучалъ всю технику дѣлопроизводства Управленія воинскаго начальника, но зато результатъ былъ прекрасный: подлоги были установлены съ такой математической точностью, что присутствовавшіе при моемъ осмотрѣ понятые сказали: „Ваше Благородіе, да какъ-же онъ (т. е. обвиняемый) не сознается!“

Одинъ разъ въ своей слѣдовательской практикѣ я столкнулся съ очень оригинальнымъ случаемъ. Мнѣ было поручено произвести слѣдствіе объ одномъ довольно крупномъ должностномъ лицѣ, въ дѣятельности котораго подозрѣвались существенныя злоупотребленія по хозяйственной части. Сначала, естественно, я обратилъ вниманіе на тѣ вопросы, которые были затронуты предшествовавшимъ инспекторскимъ разслѣдованіемъ, при которомъ были обнаружены подчистки въ книгахъ, неправильные итоги и т. д. Обвиняемый сдѣлалъ видъ, что онъ очень обезпокоенъ, что открылись такіе грѣхи въ его отчетности, и я, послѣдовательно идя отъ одной цифры къ другой, долженъ былъ продѣлать громадную работу, произвести массу подсчетовъ, но въ результатѣ я убѣдился, что тутъ никакого подлога нѣтъ, а, самое большее, безалаберность, и обвиняемый преувеличенно легко вздохнулъ: „Ну, Слава Богу, что Вы разобрались, а то я уже думалъ, что тутъ такое въ самомъ дѣлѣ, никто изъ насъ при инспекторскомъ смотрѣ этого не понялъ, — а теперь я, конечно, вижу, что это небрежность писаря, да и я виноватъ, что не досмотрѣлъ." Покончивъ съ однимъ рядомъ такихъ подчистокъ и неправильныхъ переносовъ, перешелъ я къ другому, — и опять та-же картина: послѣ цѣлаго ряда подсчетовъ и сопоставленій прихожу къ убѣжденію, что и здѣсь никакого подлога нѣтъ, а только извѣстнаго рода чисто-внѣшняя неисправность, — и опять облегченный вздохъ обвиняемаго, и опять признаніе, что, конечно, въ этой небрежности онъ виноватъ. Тутъ только я понялъ, что имѣю дѣло съ особымъ пріемомъ: обвиняемый былъ готовъ къ тому, что его рано или поздно посѣтитъ слѣдователь, и поэтому не по небрежности, а очень умно подготовилъ въ своей отчетности рядъ этихъ, бросающихся въ глаза неправильностей, подчистокъ и т. д., въ расчетѣ, что слѣдователь сразу бросится на нихъ, а потомъ, достаточно помучившись, убѣдится, что никакихъ подлоговъ нѣтъ, и отступится, а настоящія, совершенно въ другой области и другого свойства, злоупотребленія останутся въ сторонѣ. Понявъ это, я пересталъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который мнѣ любезно предоставлялъ обвиняемый, а пошелъ уже по

своему пути и, опечатавъ одинъ шкафъ, нашелъ въ немъ много очень исправно составленныхъ документовъ, частью заключавшихъ въ себѣ, а частью покрывавшихъ несомнѣнныя и серьезныя злоупотребленія.

Такого рода пріемы отведенія слѣдственныхъ и судебныхъ властей въ сторону отъ истиннаго виновнаго или отъ дѣйствительнаго характера дѣла, съ помощью созданія искусственной обстановки, въ судебной практикѣ вообще не рѣдкость. Часто, напр., на мѣстѣ преступленія намѣренно оставляется какая-нибудь вещь, не-принадлежащая виновному, въ надеждѣ, что она и поведетъ слѣдствіе на ложный путь. Этому-же дѣлу созданія препятствій къ обслѣдованію дѣла служатъ т. наз. цифры для переписки, когда, напр., письмо по внѣшнему виду не содержитъ въ себѣ ничего уличающаго, и только при расшифровкѣ извѣстныхъ его мѣстъ оказывается возможнымъ установить истинное его содержаніе и значеніе. Съ такой системой „зашифровки" уличающаго матеріала я встрѣтился разъ въ дѣлѣ объ одной революціонной группѣ. Въ ожиданіи посѣщенія жандармскихъ и слѣдственныхъ властей эта группа, — прикрывавшаяся чисто-гуманитарными и просвѣтительными цѣлями, — всю свою литературу держала совершенно открыто въ книжномъ шкафу вперемежку съ произведеніями научнаго и беллетристическаго характера и вся эта партійная литература была въ переплетахъ съ обложками „Начальная ариѳметика", „Законъ Божій", „Приложенія къ Нивѣ", „Основы химіи" и т. д. Какъ видите, цѣлая система: легальные ярлыки книгъ при революціонномъ содержаніи и легальный ярлыкъ самой группы при ея преступной работѣ.

Но, еще разъ повторяю, пользованіе документами для установленія истиннаго характера дѣла должно быть основано на ихъ всесторонней и непреложно-логической оцѣнкѣ. Одностороннее пользованіе документами можетъ завести изслѣдующихъ въ сторону самой крайней неправды. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ одинъ случай изъ моей послѣдующей практики защитника. Полковникъ N, по сформированіи порученной ему части, передавалъ заготовленный имъ фуражъ въ подвѣдомственные ему отдѣлы. Количества передававшагося сѣна

и овса были обозначены въ передаточныхъ вѣдомостяхъ, данныхъ въ отдѣлы, а затѣмъ, по окончаніи передачи, объ этомъ количествѣ переданнаго было объявлено въ приказѣ по части. Естественно, что эти данныя въ передаточныхъ вѣдомостяхъ и въ приказѣ должны были-бы совпадать, но тутъ оказалось, что эти данныя не сходятся, а именно:

А) По передаточнымъ вѣдомостямъ:		Б) По приказу о передачѣ фуража:	
1) сѣна .	2488 пуд. — ф.	1) сѣна .	1244 пуд. — ф.
2) „ .	2362 пуд. — ф.	2) „ .	1181 пуд. — ф.
3) „ .	2316 пуд. — ф.	3) „ .	1158 пуд. — ф.
4) овса .	16 пуд. — ф.	4) овса .	18 пуд. — ф.
5) „ .	17 пуд. — ф.	5) „ .	19 пуд. 05 ф.

Такимъ образомъ, если не считаться съ незначительной разницей въ количествѣ овса, оказывалось, что сѣна по передаточнымъ вѣдомостямъ значилось переданыъ въ два раза больше, чѣмъ по приказу. Отсюда создалась версія, что правильными надо считать данныя приказа и что фактически Полковникъ N передалъ въ отдѣлы сѣно въ такомъ количествѣ, какъ это означено въ приказѣ, а если онъ по передаточнымъ вѣдомостямъ въ отдѣлы показалъ переданнымъ сѣна вдвое больше, чѣмъ значилось по приказу, то, значитъ, онъ тѣмъ самымъ перелагалъ на обязанность своихъ подчиненныхъ отсчитаться впослѣдствіи по вдвое большему количеству сѣна, чѣмъ онъ имъ фактически передалъ, — а значитъ, онъ совершилъ подлогъ, а подлогъ этотъ сдѣланъ съ цѣлью скрыть, что на самомъ дѣлѣ вся эта разница между количествомъ сѣна по передаточнымъ вѣдомостямъ и по приказу имъ присвоена и растрачена. Провѣрить фактически, сколько было передано сѣна, уже не представлялось возможности: сѣно было передаваемо въ стогахъ, при передачѣ не перевѣшивалось и самый вопросъ о неправильности передачи возникъ лишь много спустя послѣ самой передачи, когда все сѣно было уже давно израсходовано; при самой передачѣ принимавшіе расписались въ передаточныхъ вѣ-

домостяхъ въ пріемѣ полнаго количества означеннаго въ нихъ сѣна и ни о какихъ неправильностяхъ данныхъ вѣдомостей вопроса не поднимали. Слѣдственная власть восприняла эту версію и предъявила полковнику N обвиненія въ растратѣ сѣна и въ подлогѣ для сокрытія этой растраты. Полковникъ N утверждалъ, что данныя передаточныхъ вѣдомостей безусловно точны, что они были основаны на фактическомъ состояніи заготовленнаго имъ сѣна по даннымъ счетовъ объ его покупкѣ, а что, очевидно, ошибка въ приказѣ. Какъ могла произойти такая ошибка въ приказѣ, онъ объяснить не могъ; не могъ объяснить этого и его дѣлопроизводитель, составлявшій приказъ. Обвинительный актъ также включилъ въ себя это обвиненіе въ растратѣ сѣна и въ подлогѣ съ цѣлью сокрытія растраты.

Полковникъ N обратился ко мнѣ съ просьбой принять на себя его защиту. Я долго уклонялся и онъ понялъ, почему: я вообще не бралъ на себя защиты по дѣламъ, гдѣ не вѣрилъ въ безукоризненную честность обвиняемаго. Полковникъ N поставилъ мнѣ откровенно этотъ вопросъ, и я ему также откровенно отвѣтилъ. Такъ какъ я дѣла еще детально не зналъ, то полковникъ N попросилъ меня согласиться на слѣдующее: онъ за два-три вечера разскажетъ мнѣ все свое дѣло, и, если я послѣ этого не приду къ убѣжденію, что онъ никакими корыстными преступленіями не замаранъ, то уже, дѣлать нечего, онъ признаетъ мой отказъ окончательнымъ. Такъ и было сдѣлано, причемъ за эти дни я, въ интересахъ своего убѣжденія, произвелъ ему самый строгій прокурорскій допросъ, и убѣдился, что, безусловно, никакихъ корыстныхъ преступленій съ его стороны нѣтъ. Тогда я взялъ на себя его защиту.

Основательно изучивъ дѣло, я прежде всего пришелъ къ убѣжденію, что созданная противъ полковника N версія обвиненія нелогична: во 1-хъ, она совершенно не объясняетъ, какъ-бы онъ могъ сознательно вводить такую разницу между данными приказа и передаточныхъ вѣдомостей, — вѣдь копіи приказа также сообщаются въ отдѣлы и, такимъ образомъ, если предполагать тутъ со стороны полковника N злоупотребленіе, то надо признать, что онъ сдѣлалъ все, чтобы оно немедленно

было открыто; во 2-хъ, если данныя приказа, какъ признаетъ эта версія, правильны, — т. е., значитъ, вполнѣ согласуются со всѣми счетами по заготовкамъ и по расходамъ, — то, собственно, полковникъ N только по этимъ даннымъ и долженъ былъ отчитываться, и ему не было никакой надобности и никакого смысла ни самому отчитываться, ни другихъ заставлять отчитываться въ большемъ, противъ приказа, количествѣ; такому излишку неоткуда было-бы и явиться, а, слѣдовательно, и присваивать и растрачивать было нечего; въ 3-хъ, если несходство данныхъ приказа и передаточныхъ вѣдомостей, при подозрительности, можно было еще считать умышленнымъ и признавать подлогомъ, то совершенно никакъ нельзя было понять, какой именно способъ присвоенія предполагаетъ эта обвинительная версія: присвоеніе могло-бы быть вообще только въ одной формѣ, — если-бы, показавъ по передаточнымъ вѣдомостямъ количество переданнаго согласно правильнымъ даннымъ приказа, онъ фактически передалъ-бы въ отдѣлы сѣна *меньше* того, сколько означено по приказу. Такимъ образомъ обвинительная версія представилась мнѣ совершенно теоретической, и ни фактически, ни логически не обоснованной. Я съ полнымъ довѣріемъ остановился на заявленіи полковника N, что въ данномъ случаѣ ошибка въ приказѣ, — но мало было этому вѣрить, мало было это утверждать, надо было это доказать.

Въ качествѣ исходной точки для разрѣшенія этого я остановился на двухъ вопросахъ: почему количество сѣна по передаточнымъ вѣдомостямъ оказалось ровно вдвое больше, чѣмъ по приказу? почему въ отношеніи овса имѣется явленіе обратное, — количество овса по передаточнымъ вѣдомостямъ меньше, чѣмъ по приказу, причемъ разница здѣсь — 16 пуд. и 18 пуд., 17 пуд. и 19 пуд. 05 ф., — уже совсѣмъ какъ-бы необъяснимая? Я пришелъ къ убѣжденію, что, несомнѣнно, между передаточными вѣдомостями и приказомъ о передачѣ фуража было еще какое-то промежуточное вычисленіе, и что въ немъ-то и надо искать разгадку. Я систематически прослѣдилъ весь процессъ передачи и установилъ, что послѣ передачи фуража былъ сдѣланъ еще

особый расчетъ стоимости переданнаго фуража. Дѣйствительно, я нашелъ въ томъ-же дѣлѣ приказъ съ расчетомъ этой стоимости, — онъ былъ дня за два, за три до приказа о переданномъ количествѣ фуража. Данныя этого приказа съ расчетомъ стоимости, — буду называть его „денежный расчетъ", — были слѣдующія:

1)	за сѣно . .	1244 руб.	— к.
2)	„ „ . .	1181 руб.	— к.
3)	„ „ . .	1158 руб.	— к.
4)	за овесъ . .	16 руб.	80 к.
5)	„ „ . .	17 руб.	85 к.

Такимъ образомъ, въ этомъ денежномъ расчетѣ цифры стоимости сѣна въ рубляхъ оказывались какъ разъ вдвое меньше цифръ количества сѣна въ пудахъ по передаточнымъ вѣдомостямъ (табл. А), и это потому, что справочная цѣна на сѣно (— опять-же я это установилъ по приказу) была 50 коп. Если всѣ эти данныя свести въ параллельную таблицу, то получается слѣдующее:

А) По передаточнымъ вѣдомостямъ:	Б) По приказу о передачѣ фуража:	В) По денежному расчету:
1) сѣна - 2488 п. — ф.	сѣна - 1244 п. — ф.	за сѣно - 1244 р. — к.
2) „ - 2362 п. — ф.	„ - 1181 п. — ф.	„ „ - 1181 р. — к.
3) „ - 2316 п. — ф.	„ - 1158 п. — ф.	„ „ - 1158 р. — к.
4) овса - 16 п. — ф.	овса - 18 п. — ф.	за овесъ - 16 р. 80 к.
5) „ - 17 п. — ф.	„ - 19 п. 05 ф.	„ „ - 17 р. 85 к.

Стоило только сдѣлать такое сопоставленіе и все стало ясно: въ приказѣ о передачѣ фуража (табл. Б) количество сѣна въ пудахъ показано тѣми-же цифрами, какъ въ денежномъ расчетѣ (табл. В) стоимость сѣна въ рубляхъ. Имѣя въ виду, что приказъ о передачѣ фуража былъ написанъ черезъ 2 - 3 дня послѣ денежнаго расчета, можно было уже съ достаточной увѣренностью утверждать, что ошибка произошла въ томъ, что составлявшій приказъ о передачѣ фуража писалъ его не съ передаточныхъ вѣдомостей, какъ-бы слѣдовало, а съ денежнаго расчета, принявъ указанные въ

этомъ денежномъ расчетѣ рубли и копѣйки за пуды и фунты, и перенесъ эти рубли въ приказъ о передачѣ сѣна какъ пуды.

Такимъ образомъ въ отношенiи сѣна вопросъ разрѣшался вполнѣ, оставался еще вопросъ объ овсѣ. Правда, въ отношенiи овса разница была незначительная, но для меня вопросъ былъ не въ размѣрѣ этой разницы, а въ томъ, что это давало возможность провѣрить правильность моихъ выводовъ. Если, думалъ я, правильна моя мысль о происхожденiи ошибки въ отношенiи сѣна, то такъ-же и тѣмъ-же порядкомъ должно быть объяснено и несходство данныхъ въ отношенiи овса, — и это уже несомнѣнно подтвердило-бы, что весь приказъ о передачѣ фуража былъ списанъ не съ передаточныхъ вѣдомостей, а съ денежнаго расчета, принявъ его рубли и копѣйки за пуды и фунты. Правильность моей мысли подтвердилась полностью: справочная цѣна на овесъ оказалась за пудъ 1 руб. 05 коп.; по передаточнымъ вѣдомостямъ (табл. А) въ п. 4 значилось овса 16 пуд., — въ приказѣ о передачѣ фуража (табл. Б) 18 пуд.; какъ это произошло? — ясно: въ денежномъ расчетѣ (табл. В) за 16 пуд. овса высчитано, по 1 р. 05 к., 16 руб. 80 коп.; составлявшiй приказъ о передачѣ фуража взялъ эти цифры денежнаго расчета, и, посчитавъ ихъ за пуды и фунты, счелъ, что это 16 пуд. 80 фун., т. е. другими словами, 18 пуд., и написалъ въ приказѣ о передачѣ фуража 18 пуд. То-же произошло и съ п. 5 передаточныхъ вѣдомостей: тамъ стояло овса 17 пуд., а по приказу о передачѣ фуража оказалось 19 пуд. 05 ф., — и опять понятно, почему: за 17 пуд. овса, по 1 р. 05 к., въ денежномъ расчетѣ было обозначено 17 р. 85 коп., а, посчитавъ ихъ за пуды и фунты, составлявшiй приказъ о передачѣ фуража взялъ ихъ какъ 17 пуд., 85 фун., т. е. 19 пуд. 05 фун., и такъ и перенесъ ихъ въ приказъ о передачѣ фуража какъ 19 пуд. 05 фун.

Такимъ образомъ, вопросъ объ ошибкѣ приказа о передачѣ фуража становился уже не предположенiемъ, а несомнѣннымъ фактомъ, съ выясненнымъ точно процессомъ возникновенiя этой ошибки, — ошибка и фактически и логически была доказана. Довольно было

мнѣ изложить все это на судебномъ засѣданіи и, конечно, обвиненія въ подлогѣ и растратѣ отпали и полковникъ N былъ оправданъ. Если-бы этой логической критики матеріала мною произведено не было, цѣликомъ-бы осталась версія слѣдственнаго дѣла и обвинительнаго акта, одному заявленію полковника N, что въ приказѣ о передачѣ фуража ошибка, могли-бы и не повѣрить, и, очень возможно, что онъ былъ-бы осужденъ. — Развѣ это не гримаса жизни?

4) Экспертиза. При оцѣнкѣ значенія вещественныхъ доказательствъ очень большую роль можетъ играть экспертиза со стороны спеціалистовъ, обладающихъ спеціальными научными или практическими знаніями въ данной области. Юридическая литература знаетъ примѣры блестящей экспертизы, съ помощью которой устанавливались виновники преступленій. Напр., по одному дѣлу на мѣстѣ преступленія былъ найденъ кусокъ дерева какой-то неопредѣленной формы; слѣдователь замѣтилъ, что это не случайный обломокъ, а спеціально выработанный кусокъ; приглашенный экспертъ-столяръ вполнѣ это подтвердилъ, заявилъ, что этотъ кусокъ обработанъ по спеціальному чертежу и что его обработалъ столяръ-лѣвша. Найденный столяръ-лѣвша указалъ, кто ему эту работу заказывалъ, и заказчикъ этотъ и оказался виновнымъ въ изслѣдовавшемся преступленіи. Въ другомъ случаѣ на мѣстѣ преступленія была найдена теплая на ватѣ шапка; эксперты, сначала парикмахеръ, а затѣмъ врачъ, по приставшимъ внутри шапки волосамъ, точно установили внѣшній видъ ея собственника, — что это человѣкъ лѣтъ 45, тучный, съ сильно выпадающими волосами, страдающій такой-то болѣзнью кровообращенія и т. д.; по этимъ даннымъ и былъ задержанъ преступникъ. Особенно цѣнны, конечно, экспертизы, строго-научно обоснованныя. Но слѣдователь, которому приходится прежде всего имѣть дѣло съ вещественными доказательствами и ихъ экспертизой, долженъ всегда имѣть въ виду, что случайный экспертъ можетъ и не оказаться на высотѣ научныхъ знаній, и мнѣ лично, въ виду этого, неоднократно приходилось, до обращенія къ экспертизѣ, самому изучать тотъ или иной спеціальный,

напр., чисто-медицинскій, вопросъ черезъ посредство уже несомнѣнныхъ авторитетовъ въ этой области, чтобы сумѣть направить экспертизу на дѣйствительно научное заключеніе. Того-же порядка я придерживался и въ своей практикѣ защитника и прокурора, чтобы сохранить за собой возможность критическаго отношенія къ экспертизѣ.

Возможность ошибокъ въ экспертизѣ, конечно, не исключена. Причины этихъ ошибокъ, мнѣ думается, могутъ быть сведены къ двумъ: или извѣстная предвзятость, или, такъ сказать, механичность экспертизы. Подъ предвзятостью экспертизы я не разумѣю, конечно, ея умышленную недобросовѣстность, а только извѣстное, до самаго производства экспертизы, составившееся у эксперта мнѣніе о дѣлѣ, съ которымъ онъ уже и подходитъ къ экспертизѣ, незамѣтно для себя окрашивая данныя экспертизы данными этого своего убѣжденія. На случаи такой предвзятости экспертизы я уже указывалъ. Врачъ-экспертъ по дѣлу объ истязаніи Мельникова настолько, очевидно, находился подъ вліяніемъ мнѣнія части общества, что въ данномъ случаѣ со стороны Мельникова было инсценированіе истязанія, что въ основу своего заключенія положилъ чисто-обывательское соображеніе (— „царапалъ себя тамъ, гдѣ могъ достать рукой“), совершенно не вяжущееся съ основными физіологическими данными. Эксперты почерка Ши-рева (въ дѣлѣ о покушеніи на ген. Каульбарса) дали свое заключеніе о сходствѣ его почерка съ почеркомъ письма, найденнаго у Голубева, несомнѣнно подъ вліяніемъ бывшаго въ то время и у слѣдственной власти убѣжденія, что Ши-ревъ и Голубевъ одно и то-же лицо. Только исключительная объективность судебныхъ дѣятелей можетъ парализовать вліяніе такой предвзятой экспертизы.

Механичность экспертизы проявляется въ томъ, что экспертъ считается только съ внѣшними данными его наблюденія надъ изслѣдуемымъ предметомъ, не вводя въ толкованіе найденныхъ данныхъ логическаго критерія. Въ этомъ отношеніи вспоминаю два интересныхъ случая:

Обвинялся, — не помню, въ чемъ, — какой-то мѣщанинъ, причемъ уликой противъ него было какое-то

письмо. Фамилія его была Шрейберъ, онъ служилъ гдѣ-то на заводѣ табельщикомъ. Заподозривъ, что это письмо написано имъ, слѣдователь продиктовалъ этому Шрейберу полный текстъ этого письма и потомъ далъ эксперту оба письма для сличенія почерковъ. Экспертъ очень добросовѣстно осмотрѣлъ букву за буквой въ обоихъ этихъ письмахъ, призналъ, что буквы *а*, *г*, *в*, *ж*, *д*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *о*, *п*, *с*, *х*, и т. д. въ этихъ письмахъ мало похожи, а похоже написано только нѣсколько буквъ, именно *е*, *р*, *б*, *ш*, — и потому, въ виду подавляющаго количества буквъ несходныхъ, высказалъ заключеніе, что „по всему вѣроятію, инкриминируемое письмо писано не Шрейберомъ". Встрѣтившись съ такой экспертизой на судѣ, какъ прокуроръ, я не счелъ ее обоснованной по слѣдующимъ соображеніямъ: Шрейберъ — простой мѣщанинъ, такія длинныя письма, какъ данное, онъ, конечно, пишетъ очень рѣдко, и потому установившагося почерка, съ совершенно однообразнымъ начертаніемъ буквъ, какъ то встрѣчается у много пишущихъ людей, отъ него ожидать нельзя, и, въ силу этого, естественно, въ письмѣ, написанномъ подъ диктовку слѣдователя, и въ письмѣ инкриминируемомъ, которое, предположимъ, было написано имъ-же, точнаго сходства буквъ быть не можетъ; но, если онъ не пишетъ длинныхъ писемъ, то безусловно онъ, какъ табельщикъ, очень часто пишетъ свою фамилію, и потому буквы, встрѣчающіяся въ его фамиліи, у него должны быть наиболѣе опредѣленнаго и постояннаго начертанія; разъ экспертъ призналъ, что *ш*, *р*, *е* и *б*, т. е. буквы его фамиліи, въ обоихъ письмахъ сходны, то сходство этихъ, прочно установившихся въ его письмѣ буквъ, является очень серьезнымъ доказательствомъ, что именно онъ писалъ инкриминируемое письмо, и несходство остальныхъ буквъ *а*, *г*, *в*, *д*, и т. д., которыя онъ, можетъ быть, пишетъ разъ въ годъ, никакимъ противо-доказательствомъ служить не можетъ. Судъ всталъ на мою точку зрѣнія и призналъ, что инкриминируемое письмо было написано Шрейберомъ.

Другой случай состоялъ въ слѣдующемъ. Обвинялся какой-то рабочій въ томъ, что онъ хранилъ у себя въ комнатѣ, найденныя у него при обыскѣ, въ отдѣльномъ

ящикѣ, бомбы, въ цѣльномъ и разобранномъ видѣ, и взрывчатыя вещества. Онъ виновнымъ себя въ этомъ не признавалъ, заявляя, что этотъ сундучекъ попросилъ его поставить у себя на время какой-то случайный знакомый, который уѣхалъ будто-бы въ деревню, имени и фамиліи котораго онъ не знаетъ, и, что было въ этомъ сундукѣ, онъ до обыска и не зналъ. При личномъ обыскѣ этого рабочаго у него найдена была записная книжка; тамъ стояло нѣсколько подозрительныхъ адресовъ, очевидно, условныхъ, которыхъ онъ объяснить не захотѣлъ, и еще одна запись, его-же рукой, приблизительно такая:

столько-то частей . . . (скажемъ) сахару,
" " . . . " угля
2 части *вертеле*,

— первыхъ двухъ строкъ, т. е. упоминается-ли именно сахаръ и уголь, я не помню. Слѣдователь, предположивъ, не есть-ли это рецептъ какого-либо взрывчатаго вещества, вызвалъ эксперта спеціалиста-химика и тотъ заявилъ, что въ этой записи онъ ничего не понимаетъ, ибо „вертеле“ какая-то явная безсмыслица, а остальныя части совершенно невинныя. Откуда взялась такая запись, обвиняемый не объяснилъ. Такую-же экспертизу далъ этотъ экспертъ и на судѣ. У меня, однако, возникла другая мысль: я видѣлъ, что этотъ обвиняемый простой рабочій, я зналъ стремленіе простого русскаго человѣка сводить незнакомыя ему иностранныя слова къ болѣе понятнымъ русскимъ корнямъ, — „а что“, думаю, „не скрывается-ли за этимъ *вертеле* „*вертелетова*“ т. е. бертолетова соль?“. Въ этомъ смыслѣ я и высказалъ свое мнѣніе эксперту. Онъ такъ и встрепенулся: „Позвольте, если это бертолетова соль, то тогда это рецептъ очень сильнаго взрывчатаго вещества, именно въ такой пропорціи.“ Такое открытіе, конечно, рѣзко повернуло дѣло въ сторону осужденія.

Изложенное мною, я думаю, достаточно показываетъ, какъ сложны, неясны и противорѣчивы могутъ быть иногда данныя судебнаго процесса. Поскольку эта сложность, неясность и противорѣчивость являются отраженіемъ самой жизни, съ ними надо считаться

какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ, но если онѣ создаются искусственно, съ цѣлью ввести судъ въ заблужденіе, то это является такимъ зломъ, съ которымъ само общество должно энергичнѣйшимъ образомъ бороться. Охрана права и утвержденіе справедливости должны быть предметомъ заботы всякаго нормально-развитого общества, уваженіе къ суду и готовность искренне помогать открытію истины должны стать однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ общественнаго воспитанія, и если общество исполнитъ свой долгъ, то въ лицѣ судебныхъ дѣятелей, идущихъ на судебную работу по призванію и по убѣжденію, оно всегда встрѣтитъ самыхъ искреннихъ, безкорыстныхъ и идейныхъ служителей правды и справедливости.

На этомъ я кончаю свои записки. Буду очень радъ, если этотъ мой трудъ оживитъ интересъ къ серьезному и глубокому изученію судебныхъ процессовъ въ цѣляхъ познанія жизни во всемъ широкомъ ея объемѣ. Буду глубоко удовлетворенъ, если эта моя работа найдетъ откликъ и признаніе въ тѣхъ, кто въ возрожденной Великой Россіи будетъ строить новую жизнь на высшихъ правовыхъ и моральныхъ началахъ.

Feci, quod potui, — faciant meliora potentes!

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
VI	7 сверху	скрываются	вскрываются
VI	10 снизу	перемѣнилось, что	перемѣнилось! что
36	17 „	послѣд-	подслѣд-
79	19 сверху	Комадую-	Командую-
107	2 „	дѣло въ изъятіе	дѣло, въ изъятіе
113	3 „	мнѣ съ	мнѣ, съ
114	2 „	то, естественно, было	то естественно было
128	1 „	пѣздомъ	поѣздомъ
128	11 снизу	трехъ лицъ,	трехъ лицъ“
133	2 „	не вносятъ я	не вносятъ, я
142	5 „	отыскан	отысканія
143	10 „	нриговоръ	приговоръ
155	20 сверху	Эти	Это
158	13 „	цифры	шифры
165	18 „	экспертнзы	экспертизы

Покорнѣйшая просьба исправить опечатки передъ прочтеніемъ.

какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ, но если онѣ создаются

Feci, quod potui, — faciant meliora potentes!

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

KLA3758
.K67
1929

Цѣна книги: въ Югославіи — 35 динаръ,
за границей — 70 ам. цент.
или 18 франковъ.